

ISSN 0042-8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

6

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/2016 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Е.В. Алексеева, Д.А. Редин, М.-П. Рей** — «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода ... 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.Н. Нестеренко** — Даниил Романович Галицкий 21

СООБЩЕНИЯ

- А.Н. Фёдоров** — «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949—1950 гг. 53
- А.В. Белов** — 1812 г. в судьбе жителей провинциальных городов Центральной России 71
- В.В. Познахирев** — Управление контингентом прусских военнопленных в России в период Семилетней войны 1756—1763 гг. 83
- Д.Ю. Бovyкин** — Эволюция политических взглядов Людовика XVIII в годы Французской революции 98

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- В.А. Курбацкий** — Место Косово во внешней политике Албании 112

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.П. Василевский, А.В. Сушко** — Суицид среди сотрудников советских спецслужб в 1920-е гг. (на примере Омского окружного отдела ОГПУ) 121
- Х.В. Исаков** — Из истории Великого шелкового пути 128
- С.А. Ахмедов** — Изображение оружия на каменных надгробиях XV—XVI вв. в Азербайджане как источник по военной истории 133

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- П.В. Шевкун** — Православная церковь в коммуникативных процессах конца XVIII — первой половины XIX в. ... 141

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С.А. Торопкин, А.А. Фоменков** — История становления и эволюции пенсионного обеспечения в самодержавной России 151
- В.Н. Круглов, В.В. Тихонов** — А.В. Лукин, П.В. Лукин. Умом Россию понимать: Постсоветская политическая культура и отечественная история 161
- В.П. Любин** — Ф.И. Новик. В ловушке холодной войны. Советская политика в отношении Германии, 1953—1958 гг. 165
- Д.И. Раскин** — А.П. Ермолов. Кавказские письма. 1816—1860 168
- М.Ц. Арзаканян** — Н.С. Скоробогатых. История Австралии. XX век 169
- Ю.Г. Акимов** — Л.И. Ивонина. Драма династии Стюартов 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

«Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода

Е.В. Алексеева, Д.А. Редин, М.-П. Рей

Аннотация. В статье предлагается новая интерпретация проблемы европейского культурного влияния на Россию имперского периода. Развивая культурно-цивилизационный подход, предложенный польским социологом П. Штомпкой для анализа переходного состояния в посткоммунистических обществах, авторы рассматривают возможность использования этого подхода для понимания транзитных государств других исторических эпох, в частности, для интерпретации исторического перехода от Средневековья к Новому времени. Исходя из этого, Россия представляется страной, всегда принадлежавшей к европейскому культурному кругу, но вступившей в цивилизационный диссонанс с рядом стран Западной Европы, которые раньше других совершили «модерный скачок». Из-за ряда причин (не в последнюю очередь политического характера) в XV—XVI вв. в интеллектуальном дискурсе западных стран сформировались два взаимосвязанных стереотипа: о единой европейской идентичности и неевропейском характере России. Эти стереотипы, в силу ряда обстоятельств, были приняты российской политической элитой петровской эпохи, что, в свою очередь, создало новый миф о «царе-демиурге», который привел варварскую Россию в лоно цивилизованных европейских держав. На практике, по мнению авторов, содержание процесса включения России в сферу «цивилизованных» европейских стран определялось ее преобразованием из традиционной средневековой европейской страны

Алексеева Елена Вениаминовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии УрФУ. E-mail: alekseeva167@mail.ru; *Редин Дмитрий Алексеевич* — доктор исторических наук, заместитель директора ИИиА УрО РАН, заведующий Лабораторией эдиционной археологии УрФУ. E-mail: volot@mail.ru; *Рей Мари-Пьер* — профессор русской и советской истории, директор научного Центра истории славян Университета Париж-1 Пантеон-Сорбонна, научный руководитель Лаборатории эдиционной археологии УрФУ. E-mail: mariepierre.rey@gmail.com.

Alekseeva Elena V. — doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of history and archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, senior researcher of the Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University. E-mail: alekseeva167@mail.ru; *Redin Dmitry A.* — doctor of historical sciences, deputy director of the Institute of History and Archeology, head of the Laboratory for Studying Primary Sources, UFU. E-mail: volot@mail.ru; *Rey Mari-Pierre* — professor of Russian and soviet history, scientific director of the Center for the History of Slavs University of Paris I Pantheon-Sorbonne, scientific director of the Laboratory for Studying Primary Sources, UFU. mariepierre.rey@gmail.com.

в европейскую державу современного типа. В связи с этим, термин «европеизация» не имеет реальной основы по отношению к России, поскольку речь шла не о включении неевропейской страны в европейское культурное пространство, а лишь о модернизации одной из стран европейской периферии. Сквозь эту призму в статье рассматривается процесс восприятия западных нововведений, которые, вопреки установившейся терминологии, далеко не всегда могут быть определены как «европейские инновации». Авторы предлагают свою собственную схему механизма превращения новшеств в инновации, отмечая многоступенчатый характер таких трансформаций (диффузионных волн) и обращая внимание на особую роль иерархически организованных элитных групп — медиаторов, трансляторов и акторов инновационного процесса.

Ключевые слова: европеизация, вестернизация, Россия, инновации, адаптация инноваций, диффузионные волны, элиты, «феномен Башмачкина».

Abstract. The article proposes the new interpretation of the problem of European cultural influence on Russia of the imperial period. By developing the cultural-civilizational approach offered by Polish sociologist P. Sztompka for analysis of transition state in postcommunist societies, the authors consider the use of this approach possible for comprehension of transit states of other historical epochs, in particular, for interpretation of historical transition from the Middle Ages to Modern period. Proceeding from this, Russia is presented as a country, which always belonged to European cultural circle, but entered into the civilizational dissonance with the number of West European countries, which earlier than others accomplished the “modern leap”. Due to the number of reasons (not least of a political nature) in the XV–XVI centuries the two interrelated stereotypes were formed in the intellectual discourse of the Western countries: about the unified European identity and non-European character of Russia. These stereotypes, due to circumstances, were accepted by Russian political elite of Petrine era, that, in its turn, created a new myth about the “tsar-demiurge”, who led barbaric Russia to the bosom of civilized European powers. In practice, according to authors’ opinion, the content of the process of including Russia to the sphere of “civilized” European countries was determined by its transformation from traditional, medieval European country to the European power of Modern Age. In this regard, the term “Europeanization” has no real basis in relation to Russia, because this question is not about including of non-European country to the European cultural space, but only about modernization of one of the countries of European periphery. Through the prism the article considers the process of perception of western novelties, which, contrary to established terminology, by no means always may be defined as “European innovations”. The authors propose their own scheme of mechanism of novelties’ turning to innovations, note the multistage character of such transformations (diffusion waves) and pay attention to the special role of hierarchically organized elite groups – mediators, translators and actors of innovations, in this process.

Key words: europeanization, westernization, Russia, innovations, adaptation of innovations, diffusion waves, elites, “phenomenon of Bashmachkin”.

Поиск идентичности России, определение ее места и роли в мировом сообществе, разработка сценариев ее развития в сложной системе современных международных отношений остается насущной государственной и общественной задачей. Историческая наука, обладающая огромным концептуальным и дидактическим потенциалом, способна оказать существенное влияние на формирование современной культурно-политической идентичности России с помощью осмысления ее прошлого, особенно относительно недавнего. Актуализация двухвекового опыта развития имперской России, понимание причин успехов и неудач в процессе ее реинтеграции в европейское пространство, основанные на современном теоретико-методологическом уровне исторического знания, дают фундамент для разработки стратегии реагирования на современные вызовы и угрозы в динамично меняющемся мире. Споры о европейской идентичности России (является ли она неотъемлемой частью европейской цивилизации или чужеродной структурой, волею обстоятельств игравшей одну из ключевых ролей на мировой арене как мнимая европейская держава) разгорелись сей-

час с особенной силой. Тем важнее, на фоне политических дебатов, пропагандистских выпадов, реанимации давних стереотипов о дикой, непредсказуемой и опасной для «цивилизованного» мира России спокойное, выверенное научное исследование, основанное на профессиональных подходах и нацеленное на активный межкультурный диалог в интернациональном сообществе историков-русистов.

«Россия есть европейская держава» — без тени сомнения провозглашал екатерининский «Наказ» Уложенной комиссии более двух с половиной веков назад. Однако европейский дискурс всегда был присущ русской политической элите и сформировался много раньше эпохи Просвещения. Как он менялся; почему возник вопрос о принадлежности России европейскому культурному кругу; что такое европейскость — миф или реальность; каким образом происходили сложные процессы социокультурных и политических взаимодействий Востока и Запада Европы — на эти и многие другие вопросы можно найти ответы, анализируя историческое наследие России имперского периода ¹. Крайне важно при этом найти правильные подходы к интерпретации исторического материала, равно воздерживаясь от искушений умозрительных «теоретических» конструирований и соблазнов создания несвязанных между собой, интровертных и дискретных «исторических миниатюр». Стремясь к такому концептуально-методологическому консенсусу и исходя из понимания ключевой роли «человеческого» фактора в историческом процессе, мы сосредоточили свое внимание на изучении роли социально-политических элит России в процессе трансфера и адаптации западноевропейских ценностей, нововведений, ранее, в значительной степени, чуждых русскому обществу.

По общепринятому определению, инновации понимаются как внедренные новшества, обеспечивающие качественное повышение эффективности действующих систем — независимо от того, о каких системах (социальных, политических, экономических и т.п.) идет речь. В русский язык этот термин попал достаточно поздно, в 1870—1880-е гг., при посредстве французского языка и, судя по всему, первоначально употреблялся исключительно в применении к коммерческому, экономическому контексту, порой, с ироническим оттенком ². Такая направленность заимствования понятия — из Западной Европы в Россию — сама по себе знаменательна, ведь слова приходят вместе с явлениями, маркируя их. На протяжении трех минувших веков (с некоторыми перерывами) камертоном для российской партии в мировом оркестре звучала именно Европа, страны Запада. «Возвращение в Европу», которое переживала Россия в течение имперского периода своей истории (хотя начало этого процесса восходит, разумеется, к более раннему рубежу), характеризовалось преобразованием общества по западному образцу. Этот процесс, который в литературе принято именовать модернизационным, принявший форму европеизации или вестернизации, являлся, по своей сути, инновационным процессом, в ходе которого происходили преодоление и замена традиционных ценностей, препятствовавших социальным изменениям и экономическому росту, на новые — социальные, технологические, культурные. Вследствие модернизации качественно менялся и тип российского общества.

Теоретическое осмысление российских модернизаций многократно и в разных ракурсах подвергалось специальному анализу. Для построения верифицированной реконструкции процесса адаптации европейских инноваций в среде российской элиты имперского периода нам необходимо решить несколько вопросов, связанных с самим феноменом европейской инновации. Что он являл собой с точки зрения конкретной исторической пространственно-временной ситуации? Являлись ли любые европейские новшества, привносимые в русскую (российскую) действительность того или иного периода инновационными? Возможно ли конструирование некоей классификации инноваций на основе, например, их значимости для качественных изменений социокультурных реалий имперской России?

Размышляя о европейском влиянии, многие, как правило, исходят из представления о некоей единой Европе, европейском гомогенном социокультурном феномене, европейской цивилизации, наконец, о некоей «европейскости», под воздействием которых с определенного исторического рубежа менялась Россия — страна, таким образом, априори неевропейская. Думается, что подобное противопоставление изначально некорректно. Во-первых, потому, что говорить о Европе Средневековья как о гомогенном пространстве возможно лишь в типологическом смысле, на уровне самого общего культурно-цивилизационного единства, едва ли не главным маркером которого будет выступать принадлежность к христианскому миру. Во-вторых, потому, что именно этот маркер позволял до определенного времени причислять к Европе и Русь. Ни Великая схизма 1054 г., ни экспансия Латинского Запада в сферу территориальных интересов русских земель и княжеств на Северо-Востоке Европы на рубеже XII—XIII вв. не исключали православных династий Руси (а вместе с ними и подвластные им территории) из общехристианского континуума³. Свидетельством тому могут служить многообразные династические связи русских княжеских домов с королевскими домами европейских стран, отнюдь не ограниченных хрестоматийно известными матримонийными успехами Ярослава Мудрого, глубокая включенность русских князей в военно-политические процессы Центральной и Восточной Европы, а также дипломатические контакты светских и церковных властей Запада с русскими князьями, не ставившими под сомнение христианскую принадлежность последних, как и их подданных, но лишь считая их «заблудшими» от «недостатка проповедников» (как, например, в послании папы Гонория III «королям Руси» от 17 января 1227 г. и в других подобных документах⁴), что подпитывалось надеждами на объединение церквей в середине XIII столетия⁵. Реформационные процессы, в этом отношении, нанесли гораздо более тяжелый по своим последствиям урон ощущению единства христианской Европы (как в ментальном, так и в практическом смысле).

Ситуация стала меняться к рубежу XV—XVI веков. Именно в это время Северо-Восточная Русь, обретая свою политическую форму в виде Московского государства и преодолевая изоляцию, связанную с нахождением в сфере ордынского влияния, стала активно выходить на европейскую арену межгосударственных отношений, заявляя свои претензии на роль полноправного участника общеевропейских процессов. Это обстоятельство, с одной стороны, открыло доступ в Мос-

ковию визитерам из ряда европейских стран Запада, а, с другой стороны, поставило перед государями Запада сложный вопрос: как относиться к новому претенденту на участие в европейских делах?

Первоначальные попытки использовать потенциал Московского государства как «младшего партнера» в христианском стане для борьбы с турецкой угрозой или в качестве управляемого союзника в соперничестве за гегемонию в Центральной и Восточной Европе (в первую очередь по инициативе Габсбургов) ⁶ не увенчались успехом и вызвали разочарование, а энергичное наступление России на Польшу и Литву и, особенно, развязывание военных действий в Прибалтике (Ливонская война) просто напугало ⁷. Примечательно, что возвращение Русского государства в европейскую политику или, говоря иначе, актуализация европейского вектора внешней политики России, хронологически совпало с началом поиска европейской идентичности и европейского единства в самих странах Западной Европы, в первую очередь, — странах католического Запада. Формирование европейского дискурса в общественно-политической мысли Запада, стимулированное культурными процессами Ренессанса, включало в себя выработку критериев (от географических до нравственных), с помощью которых можно было бы достаточно четко отделить европейское от неевропейского ⁸.

Для европейцев, посещавших Россию в XV—XVI вв. (в первую очередь, дипломатов и купцов Ганзейского союза и других германских городов и земель, а также англичан), Россия, не знавшая ни Ренессанса, ни гуманистической революции, нравы которой считались весьма ущербными, не являлась частью Европы ⁹. Ведь по мере того, как эпоха Средневековья завершалась, и происходил переход в нововременное интеллектуальное и моральное состояние XVI в., христианский маркер для определения принадлежности к Европе оказывался уже недостаточным. Россия в сознании европейских наблюдателей оказывалась отброшенной на периферию европейской цивилизации, а, может быть, и вовсе за ее пределы. В подтверждение этого замечания можно было бы привести множество примеров, но будет достаточно упомянуть сочинение слывшего знатоком русских дел имперского посла Сигизмунда фон Герберштейна «*Rerum moscoviticarum commentarii*» 1549 г., которое оказало большое влияние на создание образа закосневшей в варварстве и бескультурие России ¹⁰.

Вторую составляющую, также совершенно негативную, можно охарактеризовать как культурно-политическую. Для многих европейских наблюдателей XVI в. политический режим России (и не только при Иване Грозном) характеризовался как тиранический и репрессивный. В то время, когда в Западной Европе начинало обозначаться некоторое уважение к индивидуальной жизни, Л. Суриус, например, писал по поводу царя: «Он принимал решения об их жизни и имуществе по своей прихоти, без того, чтобы кто-нибудь ему воспротивился; люди убеждали себя, что царь не следует никакой другой воле, кроме воли Божьей, так что если царь ради своей великой свирепости сделал свой народ ожесточенным и диким, то нельзя с полной уверенностью сказать, является ли свирепость этого народа варварством, которое заслуживает подобной тирании, или тирания, от которой он страдает, делает его свирепым» ¹¹.

В правление Ивана Грозного представления о России как о варварской и тиранической стране усилились, в том числе, благодаря сообщениям русских эмигрантов, бежавших от опричного режима и находивших пристанище во Львове или Вильно под сенью Польско-Литовского государства. Большую роль в этом процессе, безусловно, сыграли и западные памфлеты и «летучие листки», живописавшие страшную жестокость и опустошения, совершенные русскими в Ливонии в ходе войны. Они окончательно ухудшили образ русского царя, представлявшегося безжалостным и способным на все чудовищем¹². В силу последнего, к отрицательному и неевропейскому образу России добавилась третья составляющая: возникла идея о том, что эта страна опасна для самих европейцев, что ее надо держать на удалении от Европы и во что бы то ни стало сдерживать ее экспансию на Запад.

В этом контексте стал формироваться тот известный негативный образ Московии как варварской, тиранической, опасной и чуждой для европейских государств страны, который в дальнейшем, под влиянием различных идеологических и политических мотивов, получил развитие в западной историографии¹³. По иронии судьбы, подобное отношение к допетровской России как к стране отсталой и деспотической, пестовалось и российской историографией: досоветской, советской и отчасти сегодняшней.

Как бы ни выглядели Россия и ее государи в глазах европейцев, русская правящая элита сделала европейский выбор. Позднейшие рассуждения евразийцев о русских монархах как наследниках Золотой орды или татарских ханов¹⁴ в этом контексте не имеют оснований. Ни Иван III, ни его преемники никогда не апеллировали к наследию Чингиз-хана, Батыея или, например, крымских Гиреев. Распространенное в литературе утверждение о двояком восприятии на Руси царского титула — не только как императорского, но и как ханского — подвергается ревизии в русской церковной публицистике, по меньшей мере, к рубежу 70-х — 80-х гг. XV века. Уже в «Послании на Угру» епископа Вассиана Рыло было сформулировано и обосновано противопоставление подлинного (христианского) царя нечестивому царю, под которым понимался хан Ахмат, а ханский титул оказался дискредитирован. Когда в середине XVI в. Иван IV покорил Казанское и Астраханское царства, он и его окружение неизменно трактовали это событие как покорение неверных царств христианскому царю¹⁵ (сходным образом средневековые кастильские короли в ходе Реконквисты принимали титулы королей покоренных исламских тайф, одновременно подчеркивая претензии на контроль надо всем Пиренейским полуостровом с помощью титулярной формулы *Imperator Omnis Hispaniae*).

Напротив, публицистические сочинения, появившиеся в России во второй половине XV и в XVI в., ясно демонстрировали другое: развивая (пусть и в своеобразной форме) средневековую идею единства христианского мира, московские книжники, а вместе с ними и великокняжеский (царский) двор — интеллектуальная и политическая элита Московской Руси — видели себя в европейском/христианском обществе. Наиболее ярко это проявилось в сконструированной ими официальной светской политической доктрине, выраженной в «Сказании о князьях Владимирских» и целом комплексе близких и

производных от него текстов. Названная доктрина ясно указывала на то, что русские великие князья и цари, апеллировавшие с ее помощью к христианской и европейской политической традиции, однозначно идентифицировали себя в европейском пространстве задолго до петровских реформ. Их стремление утвердить себя в семье европейских монархов имело очень амбициозный характер, претендовало на лидирующие позиции и было отягчено представлениями об их исключительном превосходстве как носителей и защитников подлинного христианства. Но именно преобладание светских мотивов придавало этой доктрине устойчивость и способность к модификациям, позволив ей пережить, в отличие, например, от концепции «Москва — Третий Рим» и особенно от концепции «Россия — Новый Израиль»¹⁶, кризисы рубежа XVI—XVII столетий и оказаться пригодной для конструирования новых европейски ориентированных политических доктрин и представлений в первой четверти XVIII века¹⁷.

В новейшей научной литературе (и западной, и отечественной) стереотип о домодерной России как деспотии с несвободным и пассивным обществом и рабским менталитетом, по счастью, постепенно начал преодолеваться. Смещение акцентов изучения истории стран Запада и Востока Европы в сторону антропологически ориентированной истории¹⁸ привело к пониманию нескольких важных вещей. Во-первых, тот исторический феномен, который рассматривался традиционной историографией как идеальный типологический европейский образец, есть лишь французский и английский исторический опыт, который не следует отождествлять с общеевропейским, тем более, придавая ему свойства нормативной модели. Во-вторых, различные европейские страны, включая Англию и Францию, испытывали в эпоху Средневековья и раннего Нового времени приблизительно одинаковые проблемы в сфере организации общественных отношений и практик управления¹⁹. В-третьих, допетровская Русь, с этой точки зрения, при всем очевидном своем своеобразии, вовсе не выглядит исключением, а представления о вопиющих различиях Московского государства и других европейских стран, по точному замечанию Нэнси Коллманн, основываются «в большей степени на абстрактных концепциях законности, чем на конкретном анализе практики самодержавия». Напротив, базовое сходство России и других европейских государств восходит, по мнению исследовательницы, в глубь веков и «находится в сфере общности русской культуры с теми аспектами европейского прошлого», которые можно обнаружить в таких областях, как «христианство (в католической или византийской формах) и германское наследие, общее и для восточных славян (через Русь эпохи викингов) и для большей части Западной Европы»²⁰.

В то же время, было бы нелепым отрицать тот факт, что различные страны Европы развивались не одинаково и не одинаковыми темпами, однако эта неравномерность проявлялась, главным образом, в сфере развития технологий, знаний, институтов. Для понимания феномена европейского единства и его многообразия очень продуктивно, на наш взгляд, объяснение польского социолога Петра Штомпки, изложенное им в рамках сформулированного культурно-цивилизационного подхода к анализу посткоммунистического тран-

зита²¹. Толчком к созданию концептуальной схемы послужило убеждение П. Штомпки в том, что посткоммунистический транзит не является уникальным, а, напротив, по ряду своих аспектов и измерений лежит в ряду аналогичных примеров «поворотов» в истории. Само понятие «культурно-цивилизационный» уже делит предметную область «социальных фактов» («коллективных представлений», по выражению Э. Дюркгейма) на культурный и цивилизационный уровни. Под «культурой» Штомпка подразумевает социально упорядоченные системы значений, символов, ритуалов, кодов, существующих на уровне социального подсознания, формирующих и регулирующих человеческое мышление (люди редко их осознают, поскольку считают само собой разумеющимся). Что касается цивилизационного уровня, то под ним ученый понимает разделяемый обществом универсум объектов, технологий, знаний, верований, ценностей, норм, институтов. В отличие от составляющих культурный уровень, компоненты цивилизационного уровня сознательно (хотя и с различной степенью) учитываются акторами, признаются и принимаются как инструменты в достижении целей или удовлетворения собственных потребностей. В подобном контексте культура представляет собой наиболее значимый, глубокий, невидимый слой, а цивилизация — более поверхностную, видимую, социально сформированную среду человека.

Если принять культурно-цивилизационный подход Штомпки в качестве рабочего инструментария для анализа феномена европейских инноваций в российской истории, то окажется, что культурное единство Европы (включавшее Россию) с определенного рубежа совпало с цивилизационным диссонансом: ряд европейских государств под влиянием совокупности причин совершили технологический рывок, запустив механизм мирового модернизационного процесса. Будем ли мы усматривать в качестве первоначальной причины модернизаций технологические прорывы в военном деле в духе детерминистской теории военной революции²², отдавать ли приоритет представлениям о глобальных сдвигах в сфере торговли и обмена (торговая революция, революция цен) и формировании капиталистического хозяйства (классическая политэкономия, марксистская политэкономия и немарксистские учения о капитализме, научные исторические школы, испытывавшие влияние марксизма, включая мир-системный анализ И. Валлерстайна) или считать их основой ранние инновации в политических системах в духе Ч. Блэка²³, неизменным остается одно: в определенный период (пиком которого принято считать конец XV—XVII в.) несколько стран Западной и Северной Европы (Голландия, Швеция, Англия, Франция) оказались в более сильной позиции по отношению к другим государствам субконтинента, благодаря внутренним качественным институциональным трансформациям.

Стремление их соседей сохранить свой суверенитет, выдержать конкурентную борьбу, отстоять лидирующие позиции вынуждали к импорту инноваций. Глобализацию модернизационного процесса, которым почти одновременно оказалась охвачена вся Европа, принято считать началом нововременной, современной эпохи в истории человечества — началом конструирования новой системы международных отношений с выраженным ядром (страны первоначальной эндоген-

ной модернизацией) и периферией (страны преимущественно экзогенной модернизации, в том числе и Россия). Сложившаяся в Европе система со временем распространила свою экспансию за пределы Старого Света и с известными изменениями продолжает существовать по сей день, хотя и демонстрирует в последнее время явные признаки кризиса.

Считаем возможным настаивать на том, что в этом смысле Россия оказалась в ситуации аналогичного выбора — усвоения инноваций или автаркии и неизбежного проигрыша в конкурентной борьбе. Речь, таким образом, шла не о «европеизации» России (как нелепо, говорить, например, о «европеизации» Испании или Речи Посполитой), а о ее модернизации в форме вестернизации — трансформации России из традиционной средневековой европейской страны в европейскую нововременную державу. В этом, как нам представляется, и заключался парадокс внешнего и внутреннего восприятия России как неевропейской страны: она перестала восприниматься европейской в нововременном смысле. Образ России как варварской и отсталой, усиленный политическими мотивами и цивилизационным (в понимании Штомпки) несоответствием с новым европейским «нормативом», определявшимся странами европейского современного ядра, приобрел стереотипный характер. Отныне принадлежать к европейскому миру только на основании включенности в *orbis Christiani* было совершенно недостаточно (вспомним, что в сочинениях некоторых западных авторов о России XVI—XVII вв. ставилась под сомнение сама принадлежность Московского царства к христианству).

Конечно, московские монархи, впрочем, как и их *vis-à-vis* на Западе, не мыслили категориями модернизации, инновации, диффузии и трансфера. Занятые напряженными делами по мобилизации имевшихся у них ресурсов, сохранением и укреплением власти, расширением жизненного пространства и сфер влияния они выстраивали свою политику, исходя из сугубо практических соображений. Именно последними питались те преобразования или реформы, которые определили характер переходного периода от Средневековья к Новому времени, называемого нами сегодня началом модернизационного процесса. Примечательно, что и на Западе, и на Востоке Европы, в странах как «эндогенной», так и «экзогенной» модернизации, отношение к самим преобразованиям было приблизительно одинаковым, что лишний раз подчеркивает культурное единство «большой» Европы, сохраняемое даже в эпоху исторического транзита. Речь идет о том, что на начальном этапе формирования модернистских институтов, «и на западе, и на востоке Европы новизна представлялась не благом, а скорее злом», «сфера политики не была отделена от религии и морали», а необходимые нововведения маскировались под исправлением отдельных нарушений завещанных предками порядков. Только к XVIII в. окончательно сформировалось «связанное с распространявшейся в это время идеей прогресса представление о реформе как об улучшении, движении вперед»²⁴.

Поразительная синхронность (в масштабах исторического измерения) начала реформ и схожесть отношения к ним лишний раз доказывают единство культурного развития России и остальных европейских стран. Именно к началу XVIII столетия российская полити-

ческая элита, в первую очередь ее высшие эшелоны, начинают декларативный отказ от «московской старины», демонстрируя на новом уровне свое стремление к равноправному участию в общеевропейском «концерте», что укрепляет стереотип о варварстве прежней России и порождает (опять-таки в общеевропейском формате) миф о Петре — творце новой европейской России²⁵. Понятие европейскости, которое в терминологии русского языка первой половины XVIII в. определялось словами «людскость», «политичность», «цивилизированность», стало новым маркером, определявшим принадлежность России к европейской цивилизации²⁶. Во второй половине XVIII в. в политическом лексиконе российской элиты получает распространение собственно термин «европейский»²⁷, а сама Россия, выведенная «из небытия» идеальным монархом-реформатором Петром Великим на путь цивилизации, становится европейской и в глазах образованной публики Запада²⁸. Подобное восприятие России на Западе, вероятно, становилось аксиомой в результате Заграничных походов русской армии и, особенно, ее пребывания во главе с Александром I в Париже в 1814 г., хотя вовсе не исключало в ситуациях обострения международной политической конъюнктуры реанимацию и обновление старого мифа о варварской, деспотичной и опасной для цивилизованной Европы северной державы.

Перенос западных инноваций в Россию был процессом различной интенсивности и различного качества, менявшихся в зависимости от конкретно-исторической ситуации. Самым первым по времени появления и наиболее устойчивым на протяжении многовекового периода оставался трансфер технологий. Собственно говоря, именно он повлек за собой все остальные и проявился задолго до изучаемого нами «имперского» периода. Начавшись едва ли не в XVI в., он был нацелен (как и в ряде других стран) на укрепление обороноспособности Московского государства и повышение его конкурентоспособности в вооруженных конфликтах с ближайшими западными соседями: Польско-Литовским государством и Швецией. В этом смысле можно вести речь о военной революции как исходном факторе модернизационного процесса в России. В XVII в. масштабы войн и определение внешнеполитического вектора Московской монархии как преимущественно западного (борьба с Крымским ханством и Османской империей были системно связаны с западным направлением внешней политики Москвы), неизбежно расширили круг технологических заимствований в сфере производства (необходимость организации собственного выпуска вооружений, обмундирования войск), финансов (создание собственной сырьевой и производственной базы для денежной эмиссии), управления (в военной и, отчасти, в гражданской сферах), образования и специальной (профессиональной) подготовки. Принимая технологические заимствования как неизбежную необходимость, российская власть и верхушка политической и интеллектуальной элиты неоднозначно, а зачастую с опасением относились к инновациям в сфере образования, культуры и быта²⁹.

Русское правительство и русская церковь в XVII в. находились преимущественно на традиционалистских позициях и не были готовы к принятию новшеств, выходящих за рамки неизбежных технологических изменений. Строго говоря, для этого не было большой внут-

ренной потребности: если бы страна просто географически отстояла от остальной Европы и не была столь глубоко втянута в военно-политические конфликты на востоке европейского субконтинента, она могла бы еще длительное время обходиться без осуществления модернизационного проекта. К началу XVIII в. объективные (Северная война) и субъективные (пристрастия монарха и наличие вестернизированного элемента в рядах высшей интеллектуальной и политической элиты, появившегося в предыдущий период) обстоятельства интенсифицировали, радикализировали и сделали целенаправленной потребность в широком спектре западных инноваций. Постепенно стал проявлять себя процесс восприятия политических, управленческих, экономических, культурных и бытовых инноваций. Именно инноваций, хотя некоторые новшества, от попыток устройства коллегиального управления до внедрения употребления табака и кофе, обладали отложенным эффектом и не приводили, на первых порах, к качественному изменению жизни даже на узких направлениях.

К концу XVIII в. русские элиты вполне освоили новые политические идеи, систему образования, публичные коммуникационные (самой яркой из которых, вероятно, следует считать распространение периодической печати) и культурные практики (театр, салонная культура, общественные организации, переводная и оригинальная художественная литература, светская живопись и т.п.), моду. Даже те из представителей элит, которые позиционировали себя как сторонники возврата к старине или демонстративно исповедовали охранительные идеи (вроде кн. М.М. Щербатова, адмирала А.С. Шишкова, позднейших славянофилов или монархистов, подобных Л.Н. Тихомирову) были, несомненно, людьми модерна, европейцами в нововременном смысле слова. В течение XIX и в начале XX в. Россия сама становится источником инноваций в сфере политической мысли и администрирования (идеи конституционного устройства постнаполеоновской Франции, принадлежавшие Александру I, реализация судебной реформы 1864 г., инициативы в области нового международного права, принятые на Гаагских конференциях в 1899 и 1907 гг.), науки и техники, литературы, театра и изобразительного искусства.

Исходя из нашего представления о принадлежности России к европейскому континууму, мы предлагаем скорректировать мнение о самом феномене того, что получило название «европейской инновации». Очевидно, что те новшества, которые в ходе модернизационного процесса усваивались национальным опытом и способствовали переходу страны в состояние модерна, было бы правильнее именовать «западными инновациями», а саму российскую модернизацию определять как преимущественно вестернизацию (указывая лишь на направленность переноса нововведений). Экзогенная модернизация не являлась уникальным процессом внутри Европы, частью которой была Россия; страны модернизационного ядра были донорами инноваций для всех остальных частей европейской периферии, и Россию не следует рассматривать каким-то исключением. Представление о модернизации как европеизации уместно, в этом случае; в приложении к действительно неевропейским странам (Турции, Ирану, Японии, Эфиопии и т.п.).

Модернизационный процесс в его конкретно-историческом проявлении — есть процесс исторического перехода (транзита), общую

динамику которого задает сложная система взаимоотношений между традициями и новациями, реализуемая через механизмы социокультурной диффузии. Разумеется, мы не рассматриваем указанные взаимоотношения в духе жесткой бинарной оппозиции, как это было свойственно авторам середины XX века³⁰. Разделяя представления о важности дифференцированного анализа предмодерного состояния модернизирующегося общества, мы солидарны с теми исследователями, которые считают традицию неотъемлемым элементом любой социальной структуры, отмечают способность традиций и новаций к сосуществованию и находят в традиционном инновационный потенциал³¹. Именно поэтому мы считаем продуктивным трактовать взаимодействия традиций и новаций как диффузионные, сложные и многофакторные. Именно механизмам диффузии принадлежит ключевая роль в распространении новаций и их адаптации в обществе, то есть превращения в инновации: укорененные нововведения, приводящие к качественным преобразованиям состояния воспринявшей их среды.

Под механизмами диффузии инноваций можно понимать системы организованных взаимосвязей, осуществляющих проникновение новаций и содействующих их адаптации, внедрению в практику. К их числу допустимо отнести самые разные и сложно взаимодействующие системы, перечень которых едва ли можно определить исчерпывающе: государственно-административный аппарат, законодательство, системы образования, воспитания и медицинского обеспечения, производство, армию, среду проживания, миграцию. Коммерцию, пропаганду, моду, общественные ассоциации и общества.

Частью механизма диффузии инноваций являются пути проникновения нововведений. Их можно разделить (с определенной условностью) на межличностные (непосредственная передача информации от человека к человеку) и предметно опосредованные (новыми объектами, знаковыми и техническими средствами передачи информации и т.д.). Одновременно, каналы распространения инноваций можно типизировать по числу агентов диффузионного процесса (индивидуальные, массовые); по длительности осуществления контактов (длительные, постоянные, краткосрочные, эпизодические); по характеру агентов (официальные лица, частные лица); по реализуемым целям (нацеленность на восприятие нововведений, спонтанность переноса инноваций).

В процессе диффузии инноваций определяющей является роль элит. Элиты одновременно выступают и в качестве инициаторов инновационного процесса, одного из ведущих каналов инноваций, важнейшего элемента механизмов адаптации новаций в реформируемом обществе. Важно, на наш взгляд, понимать при этом, что понятие элит не следует ограничивать только слоем высшей социально-политической элиты, некоего «правлящего класса», сосредоточенного на высших этажах общества. Любое сообщество, какое бы место оно ни занимало в общей структуре социума, обладает своей элитной группой. Исходя из представления о иерархии элит, можно говорить и о элитах среднего уровня, и о элитах низшего порядка; о элитах общенациональных, региональных, локальных. Разумеется, чем ниже по социальной лестнице расположены те или иные элиты, тем более ограничено их влияние на социальную среду и тем меньше они вос-

принимаются как элиты за пределами своего сообщества. Элитарное положение групп или индивидуумов низших слоев общества исчезает при их перемещении в более высокие общественные слои. И наоборот: рядовые выходцы из высших общественных слоев имеют шанс занять элитарное положение в более низких общественных группах. Рискнем назвать такое явление «феноменом Башмачкина» (по фамилии гоголевского героя), или «эффектом титулярного советника». В самом деле, титулярный советник Акакий Акакиевич Башмачкин — фигура самая ничтожная, вызывавшая презрение, пренебрежение и насмешки даже в среде рядовых канцеляристов. Его никак не отнести к представителям элитных слоев общества. Но таковым Башмачкин воспринимался в Петербурге, столице империи, средоточии власти и могущества государства. Вместе с тем, титулярный советник (капитан, по аналогии с армейским ранжированием), совершенно преображается, перемещенный в провинцию. В XVIII — начале XIX в., например, это фигура уездного масштаба. Капитанский чин позволял (особенно с 1730—1740-х гг.) претендовать на воеводскую и сопоставимые с ней должности. И вряд ли кому-либо из провинциальных обывателей пришло бы на ум сыпать рваную бумагу на голову титулярного советника Башмачкина, служи он не жалким копиистом или подканцеляристом в одном из столичных департаментов, а воеводой или капитаном-исправником где-нибудь в Пошехонском уезде. Смеем предположить, что и характер, и поведение Башмачкина в таком случае были бы совершенно другими.

Элиты низших порядков служат медиаторами, проводниками, инструментами адаптации новшеств в неэлитных слоях общества. Чем выше консолидация настроений, позиций и деятельности элит внутри элитарной общественной иерархии, тем успешнее происходит преобразование общества в целом (вне зависимости от темпов, интенсивности и направленности его трансформаций). Распространение западных инноваций в России начиналось с вестернизации относительно узкого круга высшей, общенациональной элиты, первоначально ограниченной, преимущественно, придворным сообществом и командным составом армии (и то не всем). Постепенно, в течение XVIII столетия, вестернизация охватывала все более широкие круги элит разного иерархического статуса. В силу целого комплекса различных обстоятельств, новшества адаптировались к потребностям и практикам различных элитных групп, переставая быть для них новшествами. Если, например, в начале XVIII в. Петру Великому приходилось путем принуждения внедрять образование западного образца в дворянскую среду, то к концу столетия представления о необходимости образования (оставим в стороне вопросы его характера и качества) — норма, причем как в дворянской среде (включая провинцию), так и в среде недворянских элитных групп городского (в первую очередь столичного) населения, купечества, канцелярских служащих.

Если в начале XVIII в. чтение переводной западной литературы, зачастую опосредованной через польские переводы, было уделом узкого круга столичных аристократов, то к концу того же столетия чтение светской литературы, стимулированное развитием периодической печати, стало обыденностью в губернских центрах и сельских дворянских усадьбах. При этом проявил себя интересный феномен:

чем шире и прочнее новация адаптируется в элитной среде, тем менее инновационной она там воспринимается. В этой связи справедливо будет, пожалуй, утверждать, что адаптацию можно считать успешной и завершенной именно тогда, когда отношение к инновации как к нововведению сменяется принятием ее в обществе как элемента традиции. Инновация, ставшая традицией в высшем слое элиты, воспринимается инновацией на следующем, более низком уровне элит, а высшие элиты вырабатывают или импортируют очередные инновации, адаптируя их под свои потребности. Благодаря позиции элит, их осознанной или неосознанной (интуитивной) настроенности на инновационность развития зависят условия, определяющие глубину и распространенность инноваций в обществе в целом. Элиты могут регулировать интенсивность и мощь инновационного процесса, придавать ему осознанно ограниченный характер (всякого рода «революции сверху» и «половинчатые реформы») или настойчиво насаждать, в том числе прибегая к насилию (как в случае с петровской или сталинской модернизациями).

Иерархия элит одновременно намечает предел адаптации инноваций: ряд инноваций на определенном уровне принципиально отторгаются теми или иными элитными группами — наступает эффект «угасания волны» или эффект «прерывания медиативной цепи» — и новшество отторгается остальными слоями общества, не становясь, таким образом, инновацией для определенной среды и не адаптируясь в принципе. Яркий пример такой ситуации мы можем найти в одном из публицистических очерков Н.С. Лескова «Загон», впервые опубликованном в 1893 г. и основанном на реальных событиях. В нем, в частности, идет речь о том, как управляющий имениями одного из графов Перовских (действие происходит в дореформенной России, в николаевское царствование), англичанин Джеймс Шкот задался целью приучить графских крестьян к передовым методам земледелия. Он тщательно изучил европейскую технологию запашки и выписал в порядке эксперимента наиболее удобные, английские легкие пароконные плуги Смайла, которые должны были заменить русские деревянные сохи и тяжелые малороссийские плуги на воловьей тяге. Проведя в присутствии графа сравнительную пробную запашку, Шкот без труда продемонстрировал явные преимущества смайловских плугов перед традиционными. Крестьяне, которые получили возможность испытать новинку, заявили, что плуги хороши. Однако на прямой вопрос графа, предвкушавшего экономические и моральные преимущества от внедрения этой инновации, хорошо ли плужок пашет, «крестьяне ответили: “ Это как твоей милости угодно”. “Знаю я это; но я хочу знать *ваше мнение*: хорошо или нет таким плужком пахать?” Тогда из середины толпы вылез какой-то плешивый старик малороссийской породы и спросил: “Где сими плужками пашут...?” Граф ему рассказал, что пашут “сими плужками” в чужих краях, в Англии, за границую.

— То значит, в німцах?

— Ну, в немцах!

Старик продолжал:

— Это вот, значит, у тех, що у нас хлеб купуют?

— Ну да — пожалуй, у тех.

— То добре!.. А тильки як мы станем сими плужками пахать, то где тогда мы будем себе хлеб покупать?»³²

Граф не знал, что на это ответить. Мужики наотрез отказались принимать «инновацию», история добралась до Петербурга, обретя характер анекдота, и просвещенному Перовскому не оставалось ничего иного, как махнуть на затею рукой, а незадачливого «агента инновации», прогрессивного и честного управляющего Шкота перевести на другое место службы. В этой поучительной истории говорится о не сработавшем механизме диффузии инновации. При наличии необходимых элементов этого механизма: инициаторов нововведения (помещика и управляющего), агента инновации Шкота, канала инновации, опосредованного техническим объектом, не состоялась адаптация, и новшество, не ставшее инновацией, было отторгнуто. Для нас рассказ интересен еще и тем, что он демонстрирует вышеупомянутый эффект «прерывания медиативной цепи» в механизме диффузии инноваций. Ведь с графом полемизировал «плешивый старик»: смысловой акцент сделаем не на слове «плешивый», а на слове «старик». В традиционной крестьянской общине старик — не только возрастная, но и статусная категория. Старики — дворохозяева, полномочные представители сельского «мира», люди, заправлявшие на крестьянском сходе, — та самая низшая элита локальных сообществ, которые, в совокупности, представляли подавляющее большинство населения империи. Ими можно было управлять, подвергать насилию, пренебрегать в целом ряде случаев, не обращать на них внимания, выносить «за скобки прогресса», но в каких-то ситуациях разумнее оставлять в покое.

Надо заметить, что в этой массе в конце концов и гасли инновационные волны. И дело, как представляется, было не в косности профанного большинства, не в его традиционалистской «иррациональности» (о чем любят писать политические антропологи): в замечаниях «плешивого старика» (и в действиях миллионов других подобных «стариков») крылась своя, по-своему рациональная логика, а, одновременно, сдерживающий механизм традиции, той самой «культуры» (в понимании Штомпки), которая никогда не уступала целиком место для новых форм, несмотря на порой безжалостную и жесткую интервенцию инноваций³³.

Особенностью процесса и механизмов адаптации западных инноваций в России, ее модернизации в духе вестернизации было то, что в силу объективных обстоятельств — уникальной обширности территорий, слабости транспортных коммуникаций и товарно-денежной экономики, ограниченности и неравномерного распределения людских ресурсов — к концу XVIII в. сложилась система, которая, по образному выражению Пьера Шоню, может быть охарактеризована системой «двухэтажного государства». Вестернизированного меньшинства, определяемого французским историком приблизительно в два миллиона человек с вынесенными за скобки активной гражданской деятельности 20—30 млн «подданных крупных поместий», оказалось вполне достаточно, чтобы осуществить «ту поверхностную модернизацию, которой восхищалась Европа эпохи Просвещения»³⁴.

Проблема заключалась в том, что дальнейшее развитие при сохранении подобной схемы вело к катастрофе. Модернизации требо-

валось расширение числа акторов; это вполне понимали правящие элиты, предлагавшие различные варианты решения этого ребуса. И имперский, и либеральный проекты реализовывались именно в этом направлении (отмена крепостного права, Великие реформы 1860-х гг., развитие земства, стимулирование разложения общины вплоть до планов П.А. Столыпина, реформы политического строя начала XX в. и прочие). Но в силу раскола элит, их взаимонеприятия, формирования контрэлит на крайнем левом и крайнем правом флангах, трудоемкости процессов и дефицита времени ситуацию не удалось удержать под контролем. Проект имперской модернизации закончился крахом и вызвал к жизни гораздо более жесткий модернизационный проект большевиков, оценка методов, форм и динамики которого выходит за рамки нашего исследования.

Примечания

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры РФ (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

1. Материалы для такого анализа концентрируются, в частности, на сетевом ресурсе «Россия и Запад: взаимосвязи и взаимовлияние (IX — начало XX в.)». <http://i.uran.ru/ruswest>.
2. ЕПИШКИН Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. 2010.
3. НАЗАРЕНКО А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX—XII вв. М. 2001; ЕГО ЖЕ. Древняя Русь и славяне (Историко-филологические исследования). В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год. М. 2009.
4. МАТУЗОВА В.И., НАЗАРОВА Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. М. 2002, с. 219—220 и др.
5. МАЙОРОВ А.В. Первая уния Руси с Римом. — Вопросы истории. 2012, № 4, с. 33—52.
6. ХОРОШКЕВИЧ А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М. 1980.
7. ФОРСТЕН Г. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб. 1893; ФИЛЮШКИН А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб. 2013.
8. JANNE H. Europe's Cultural Identity. Strasburg. 1981; GROH D. Russland und das Selbstverständnis Europas. Frankfurt. 1988; WILSON K., DUSSEN J. The History of the Idea of Europe. L. 1995; ШЕНК Ф.Б. Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе. — Политическая наука. 2001, № 4; Europe and the Other and Europe as the Other. Brussels. 2002.
9. Подробно, с привлечением практически исчерпывающего круга русских и зарубежных источников, процесс исключения России из европейского новременного ментального пространства проанализирован в уже упоминавшемся фундаментальном исследовании А.И. Филюшкина. См.: ФИЛЮШКИН А.И. Ук. соч., с. 291—557.
10. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московии. М. 2008.
11. SURIUS L. Histoire ou commentaire des choses mémorables avenues depuis 70 ans en ça par toutes les parties du monde, trad française. Paris. 1571, p. 21—22.
12. ФИЛЮШКИН А.И. Ук. соч., с. 410—481.
13. РОЕ М. «Russian despotism»: The Origins and Dissemination of an Early Modern Commonplace. Berkley. 1993. Сходные механизмы формирования стереотипных

- образов и новые акценты в восприятии Восточной Европы, в том числе и России в XVIII в., см.: ВУЛЬФ Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. 2003.
14. ТРУБЕЦКОЙ Н.С. О Туранском элементе в русской культуре. В кн.: Евразийский временник. Берлин. 1923, кн. 4; ШАХМАТОВ М. Подвиг власти. Там же, кн. 3; САВИЦКИЙ П.Н. Степь и оседлость. В кн.: Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн. М. 1993.
  15. Трудно, в этой связи, удержаться от цитирования фрагмента одного из наказов (1553 г.), данных русскому гонцу в Литву Н. Сущёву, который, отражая официальную позицию царя, должен был так объяснить покорение Казанского ханства: «...которой бусурманской род из Казани ото многих лет христианскую кровь проливал и государю нашему до его возрасту многую досаду делал, и тот бусурманский род Казанской, Божию милостию, государя нашего саблей померли, и на Казани ныне государь наш своих наместников и воевод учинил, и православного верою христианское место то бусурманское обновил... И мы о том Богу хвалу воздаем, дай Боже нам и вперед видети, чтоб и иным бусурманским родом христьянская кровь отомстилась». Сб. ИРИО. Т. 59. СПб. 1887, с. 372.
  16. PERRIE M. Moscow in 1666. New Jerusalem, Third Rome, Third Apostase. — *Quaestio Rossica*. 2014, № 3, с. 75—85.
  17. ДМИТРИЕВА Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л. 1955; ЕЕ ЖЕ. К истории о великих князьях Владимирских. ТОДРЛ. Т. XVII. М.-Л., 1961; ЕЕ ЖЕ. Сказание о князьях Владимирских. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л. 1989; ГОЛЬДБЕРГ А.Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. ТОДРЛ. Т. XXX. Л. 1976; ЗИМИН А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. В кн.: Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М. 1969; ЕГО ЖЕ. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М. 1963; ЕГО ЖЕ. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М. 1972; СИРЕНОВ А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. М.-СПб. 2010; ЮРЬЕВ И.Ю. Известие о житии и действиях державствующих великих князей российских. М. 2013.
  18. Например: HENSHALL N. *The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy*. L.-N.Y. 1992; MAJOR J. *From Renaissance Monarchy to Absolute Monarchy: French Kings, Nobles and Estates*. Baltimore-L. 1994.
  19. См., например: HARSTFIELD J. *Freedom, Corruption and Government in Elizabethan England*. L. 1973; KETTERING S. *Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth Century France*. N.Y.-Oxford. 1986; PECK L. *Court, Patronage and Corruption in Early Stuart England*. Boston. 1990; PATTERSON C. *Urban Patronage in Early Modern England: Corporate Boroughs, the Landed Elite and the Crown, 1580—1640*. Stanford. 1999.
  20. КОЛЛИМАНН Н.Ш. Соединенные чеством: государство и общество в России раннего нового времени. М. 2001, с. 37, 89—90.
  21. SZTOMPKA P. Cultural and Civilization Change: The Core of Post-communist Transition. In: *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin-N.Y. 1995.
  22. ROBERTS M. The Military Revolution, 1560—1660. In: *Essays in Swedish History*. L. 1967; PARKER G. The Military Revolution. *Military Innovation and Rise of the West, 1500—1800*. Cambridge. 1988; BLACK J. *Military Revolution? Military Change and European Society, 1550—1800*. L. 1991; ПЕНСКОЙ В.В. Великая огнестрельная революция. М. 2010.
  23. BLACK C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y. 1975.
  24. Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале Нового времени (XVI—XVIII вв.): Сб. статей. СПб. 2013, с. 8, 13.
  25. Из новейшей литературы о «петровском мифе» в Европе см., например: МЕЗИН С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов. 2003; ВАГЕМАНС Э. Пётр Великий в Бельгии. СПб. 2007; КРОСС Э. Английский Пётр. Пётр Великий глазами британцев XVII—XX вв. СПб. 2013 (на английском языке книга была издана в Кембридже в 2000 г.).

26. ВУЛЬПИУС Р. К семантике империи в России XVIII века: понятийное поле цивилизации. В кн.: «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М. 2012.
27. Достаточно вспомнить, в этой связи, хрестоматийные официальные формулировки: уже цитированную — «Россия есть европейская держава» — и «вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе...» из екатерининского Наказа Уложенной комиссии. ПСЗ, т. 18, № 12949.
28. ВОЛЬТЕР. Из «Истории Российской империи при Петре Великом». Т. 2. М. 1998.
29. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М. 1990.
30. SUTTON F.X. Social Theory and Comparative Politics. In: Comparative Politics: A Reader. N.Y. 1963; LEVY M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization. In: MOORE W., COOK R.M. (Ed.). Readings on Social Change. Englewood Cliffs, N.J. 1967.
31. SJOBERG G. Folk and «Feodal» Societies. Political Development and Social Change. N.Y.-L. 1966; REDFIELD R. Peasant Society and Culture. Chicago. 1965; РЕДФИЛД Р. Большая и малая традиция. В кн.: Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М. 1992; EISENSTADT S.N. Tradition, Chage and Modernity. N.Y. 1973.
32. ЛЕСКОВ Н.С. Повести и рассказы. М. 1988, с. 345.
33. АРТЕР D.E. The Politics of Modernization. Chicago-L. 1965, p. 81.
34. ШОНОЮ П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург. 2005, с. 40.

Даниил Романович Галицкий

А.Н. Нестеренко

Аннотация. Галицко-Волынский князь Даниил Романович Галицкий — один из выдающихся деятелей Древней Руси середины XIII века. Большую часть жизни провел в борьбе с боярской оппозицией власти Романовичей. В отечественной историографии Даниил удостоивается только положительных отзывов. Такая односторонняя оценка его личности обусловлена тем, что основным источником его биографии является придворная Галицко-Волынская летопись, задача которой представить Даниила достойным наследником Романа Мстиславича.

Ключевые слова: князь Даниил Романович Галицкий; князь Василько Романович; князь Мстислав Удалой; Галицко-Волынская Русь; нашествие Батыя на Русь; феодальная раздробленность; междоусобные войны; боярство.

Abstract. Galician-Volyn prince Daniel Romanovich Galitsky — one of the outstanding figures of Ancient Russia of the mid-thirteenth century. Most of his life spent in the struggle with the boyar opposition Romanovich. In Russian historiography Daniel receives only positive reviews. This one-sided assessment of his personality is due to the fact that the main source of his biography is the court of the Galicia-Volyn chronicle, the task of which is to submit Daniel worthy descendant of Roman Mstyslavych.

Key words: prince Daniil Galitsky, prince Vasilko Romanovich, prince Mstislav the bold; Galicia-Volyn Rus; the invasion of Batu Khan in Russia; feudal fragmentation; internecine war; the nobility.

Жизнь Даниила Романовича Галицкого похожа на приключенческий роман, в котором одна интрига сменяет другую, не давая главному герою ни минуты покоя. Его биография, перефразируя слова галицко-волынского летописца, — это рассказ о великих деяниях, о бесчисленных сражениях, о многих заговорах и мятежах¹. С раннего детства жизнь Даниила представляла собой калейдоскоп событий, состоявших из череды взлетов и падений. Но, благодаря умелой дипломатии, осторожности и счастливому стечению обстоятельств, он, вопреки всем обрушившимся на него невзгодам судьбы, обрел власть и

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: rockwool@list.ru.

Nesterenko Alexander N. — candidate of philosophical sciences, associate professor of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman. E-mail: rockwool@list.ru.

могущество. В возрасте четырех лет, Даниил с младшим братом Василько оказался игрушкой в руках многочисленных претендентов на наследство их отца Романа Мстиславича. Но, вопреки обстоятельствам, Даниил не только не стал с возрастом, как Иван Грозный, параноиком, садистом и патологическим убийцей, но разительным образом отличался даже от своего жестокого и беспринципного отца, который для укрепления собственной власти не брезговал никакими средствами.

Основным источником сведений о жизни и деяниях Даниила Романовича является Галицко-Волынская летопись, входящая в состав Ипатьевской летописи. Данная летопись по своему содержанию представляет собой не что иное, как жизнеописание Даниила Галицкого, и от ее авторов трудно ожидать объективности и непредвзятости. Летописец преследует две задачи: прославить князя и доказать, что борьба боярства против княжеской власти обусловлена корыстными эгоистическими стремлениями и ведет к анархии и социальным катаклизмам. Описываемые в летописи события — лишь фон для составления портрета отважного и благородного рыцаря, во всех отношениях превосходящего своих современников, достойного того, чтобы стать единоличным властителем в Галицко-Волынской Руси. Однако некоторые факты, изложенные в летописи, позволяют сделать вывод, что литературный образ Даниила приукрашен, а он сам далеко не так идеален, как это принято представлять в отечественной историографии. Очевидно, что если бы существовали источники, отражающие точку зрения не придворного летописца князя, а боярской оппозиции, то те же события в них рассматривались бы совершенно с иной точки зрения.

Отсутствие альтернативных источников наложило отпечаток на последующую историографию, посвященную Даниилу Галицкому. Пожалуй, это единственный князь Древней Руси, который удостоивается только положительных, если не восхищенных, отзывов историков. Так, Н.И. Костомаров, характеризует Даниила как «отважного, неустрашимого, но вместе с тем великодушного и добросердечного до наивности». «Во всех его действиях мы не видим и следа хитрости, даже той хитрости, которая не допускает людей попадаться в обман. Этот князь представляет совершенную противоположность с осторожными и расчетливыми князьями восточной Руси, которые, при всем разнообразии личных характеров, усваивали от отцов и дедов путь хитрости и насилия и привыкли не разбирать средств для достижения цели»². Не менее восторженную характеристику князю дает С.М. Соловьёв: «С блестящим мужеством, славолюбием, наследственным в племени Изяславовом, Даниил соединял способность к обширным государственным замыслам и к государственной распорядительности; с твердостью, умением неуклонно стремиться к раз предположенной цели он соединял мягкость в поведении, разборчивость в средствах, в чем походил на прадеда своего, Изяслава, и резко отличался от отца своего, Романа»³.

Кровавые деяния отца преследовали Даниила большую часть жизни, возбуждая против него ненависть соседей, не забывших зло, причиненное им или их близким Романом Мстиславичем. Однако Даниил, столь непохожий не только на своего тирана отца, но и на современных ему князей, умел добиваться их расположения, и быв-

шие враги становились его союзниками не из-за страха лишиться власти и жизни, а в силу притворного или искреннего обаяния его личности. Например, Владимир Рюрикович Киевский не мог простить Даниилу то, что его отца Роман лишил престола и постриг в монахи. Однако со временем он стал не только союзником, но и другом Даниила.

Следует отметить и нетипичные для эпохи отношения Даниила с младшим братом Василько, который не был конкурентом и соперником в борьбе за власть, а стал верным союзником и наперсником старшего брата. Хотя некоторые эпизоды биографии Романовичей позволяют заподозрить Даниила в том, что он

прикрывался своим братом, выставляя его вместо себя в наиболее опасных ситуациях. Тем не менее, правление Даниила де-факто было дуумвиратом, в котором, в ряде случаев, младший брат играл более важную роль, чем фактический властелин Галицкой земли.

Даниил и Василько были сыновьями Романа Мстиславича от второго брака с Анной, которая была венгерской или византийской принцессой. Галицкая летопись в одном месте называет Анну невесткой венгерского короля Андраша II, а в другом — польского князя Лешка Белого (Роман Мстиславич Галицкий приходился ему двоюродным братом) ⁴. В.Н. Татищев придерживается гипотезы, что Анна была дочерью сестры короля Андраша II ⁵. Эта версия объясняет активное участие венгров в делах Галича на стороне Даниила во время разгоревшейся борьбы за наследство его отца Романа Мстиславича. Дж. Фаннел выдвигает гипотезу о том, что мать Даниила была дочерью императора Исаака II Ангела и падчерицей сестры венгерского короля Андраша II ⁶.

После гибели Романа галичане присягнули на верность его сыну (1205 г.) ⁷. Согласно Галицко-Волынской летописи, Даниилу в это время исполнилось четыре года, а его брату Василько — два. Но власть юного наследника престола оказалась под угрозой: «началась великая смута в Русской земле». Узнав о гибели своего врага, киевский князь Рюрик, не осмеливавшийся при жизни Романа Мстиславича что-либо предпринять для своего избавления, снял с себя монашество и вновь занял киевский престол. Движимый местью за то, что Роман лишил его княжения, постриг в монахи и отправил в монастырь его дочь (свою первую жену), Рюрик Киевский вместе с черниговскими князьями и половцами двинулся на Галич. На помощь Романовичам венгерский король, который принял Даниила «как милого сына своего»,

выслал многочисленный «защитный отряд», возглавляемый опытными военачальниками, с помощью которого нападение союзников на Галич было успешно отбито (1205 г.)⁸. По сообщению Лаврентьевской летописи, которая не упоминает о венгерском отряде, пришедшем на защиту Анны и ее сыновей, галичане бились с Рюриком и Ольговичами у города и нанесли им поражение: «Надобившись ничего Ольговичи со срамом великим вернулись восвояси»⁹.

Но это было только начало длительной борьбы за Галич. Ненависть к Роману Мстиславичу объединила русских князей, и уже на следующий год киевский князь Рюрик Ростиславич со своими сыновьями Ростиславом и Владимиром, с берендеями, половцами и другими кочевниками, соединившись с Ольговичами (черниговским князем Всеволодом Чермным, новгород-северским князем Владимиром Игоревичем, смоленским князем Мстиславом Романовичем), выступили на Галич¹⁰.

Поляки, в свою очередь, двинулись на Владимир-Волынский. Узнав об этом, венгерский король со своей армией перешел через Карпаты (1206 г.). Вдовствующая княжна Анна, не дожидаясь, кто из противников первым достигнет стен Галича, и не доверяя галицким боярам, бежала во Владимир, где власть принадлежала великим боярам ее покойного мужа¹¹. В свою очередь, Рюрик Ростиславич, узнав о походе венгров, не осмелился идти к Галичу. До боевых действий дело не дошло, стороны разошлись каждый в свою землю, но галицкий престол оказался вакантным.

По совету венгерского короля галичане, оставшиеся без князя, послали в Переяславль за Ярославом Всеволодовичем. Напрасно прождав две недели, «испугавшись, что полки возвратятся на них опять, а князя у них нет, послали по Владимира Игоревича», который был от них в двух днях пути¹². В результате Владимир Игоревич прибыл в Галич на три дня раньше, чем Ярослав, и последнему пришлось ехать назад.

Н.М. Карамзин высказывает следующее предположение о том, что инициатором избрания сына Всеволода Большое Гнездо на княжение в Галиче была вдова Романа Мстиславича, надеявшаяся, что ему удастся обуздать галицких бояр, и со временем престол возвратится Даниилу. Но этому воспротивились черниговские князья, имевшие свои интересы в Галиче и поддержку со стороны боярства¹³.

Если бы Ярослав Всеволодович стал тогда галицким князем, то он не стремился бы любой ценой подчинить Новгород, не было бы кровопролитной Липецкой битвы, а владимиристо-новгородские рати пришли на Калку, что могло бы привести русско-половецкое войско к победе. У Ярослава, получи он Галич, не было бы повода интриговать за великокняжеский стол против старшего брата и в итоге предать его в момент отражения нашествия Батыя. Наоборот, его галицко-волынские дружины могли прийти на помощь Юрию, и совместными усилиями Всеволодовичей монголы могли быть разгромлены в битве на реке Сить. Но три дня, мгновение по историческим меркам, кардинально изменили ход дальнейшего развития событий.

Тем временем, в Галич возвратились изгнанные отцом Даниила бояре, которые убеждали вече послать за сыновьями Игоря Святославовича Северского (героя «Слова о полку Игореве»). Игоревичи охотно откликнулись на просьбу галицких бояр. Ипатьевская летопись

приписывает князю Владимиру Игоревичу планы с помощью «безбожных галичан» «истребить род Романа»¹⁴. По совету галицких бояр он послал к владимирцам с посольством некоего попа, угрожая уничтожить город, если Романовичи не будут выданы. Одни хотели послать убить, другие заступились за него, что галицкий летописец расценил как свидетельство того, что владимирцы замыслили предательство. Опасаясь того, что требование Владимира будет исполнено, Анна, спасая сыновей, тайно бежала под покровом ночи.

Карамзин, впечатленный летописным свидетельством об этом побеге, пересказывает его в жанре мелодрамы: «...вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичан, измены собственных Вельмож и легкомыслия народного, по совету Мирослава, пестуна Даниилова, решилась удалиться и представила трогательное зрелище непостоянной судьбы в мире. Любимая супруга Князя сильного, союзника Императоров греческих, уважаемого Папою, Монархами соседственными, в темную ночь бежала из дворца как преступница, вместо сокровищ взяв с собою одних милых сыновей. Мирослав вел Даниила, Священник Юрий и кормилица несли Василька на руках; видя городские ворота уже запертые, они пролезли сквозь отверстие стены, шли во мраке, не зная куда; наконец достигли границ Польских и Кракова»¹⁵.

Беглецы почему-то бежали не в Венгрию, а в Польшу, где попросили убежища у краковского князя Лешека Белого, несмотря на то, что Роман Мстиславич был убит на войне с поляками, и с ними не был заключен мир. Удача и родственные связи были на стороне Романовичей: «Лестько [Лешек] не попомнил вражды, но с великой честью принял свою невестку и ее детей, сжалился над ними и сказал: “Дьявол посеял эту вражду между нами”»¹⁶. Возможно, Лешекком двигало не рыцарское благородство, а стремление вмешаться в раздел наследия Романа Мстиславича в качестве легитимного представителя его законных наследников. Василько и княгиню король оставил при себе, а Даниила отправил к венгерскому королю со словами: «Я забыл ссоры с Романом — он был другом и тебе. Вы клялись, если останутся живы дети, иметь к ним любовь. Ныне же они в изгнании. Давай теперь пойдем, отвоюем и вернем им их отечество»¹⁷.

В Венгрии Даниила чуть было не женили на дочери короля Андраша II, у которого было три дочери, но не было сына. Брак не состоялся, возможно, потому, что уже в 1208 г. у Андраша родился сын Коломан, и династический союз с галицким изгнанником стал неактуальным¹⁸.

Галицко-Волынская Русь отличалась от других княжеских вотчин тем, что княжеская власть в ней была ограничена вече — институтом реализации интересов боярской олигархии. Могущество многочисленного галицкого боярства основывалось на разработке залежей соли и посреднической торговле с Западом и опиралось на процветающие города Галицко-Волынской земли, среди которых выделялись столичные Галич и Владимир-Волынский. Боярское вече, расчетливо играя на противоречиях между князьями, стремилось не допустить усиления княжеской власти: «Бояре галицкие, привыкшие к крамолам, находившие свою выгоду в беспорядке, в возможности переходить от одного князя к другому»¹⁹.

«Галицкие князья находились в такой зависимости от веча, что оно судило не только их политическую деятельность, но и домаш-

ную жизнь. Таким образом, когда Ярослав (Ярослав Владимирович Осмомысл, князь Галицкий, 1153—1187 гг. — *А.Н.*), не влюбившись своей жены Ольги, взял себе в любовницы какую-то Анастасью, галичане не стерпели такого соблазна, сожгли Анастасью и принудили князя жить с законною женою»²⁰.

Согласно Галицко-Волынской летописи, Игоревичи, укрепляя свою власть, «сговорились против галицких бояр, как бы их перебить» и учинили резню, в которой погибло 500 представителей самых знатных боярских родов. Другим удалось спастись бегством. Группа влиятельных галицких бояр бежала в Венгрию, где попросила короля: «Дай нам в князя Даниила, уроженца Галича, чтобы мы с ним отняли Галич у Игоревичей». Король с великой охотою послал хорошо вооруженных воинов²¹.

По Татищеву, Игоревичи настроили против себя весь народ тем, что вместо того, чтобы судить и управлять, завладели имуществом многих знатных галичан, и насильовали жен и девиц. Галичане, боясь открыто изгнать братьев, опасаясь мести черниговских князей, хотели их тайно отравить. «Однако не могли того учинить, поскольку служители княжие и приятели, ведая на князей великую ненависть, крепко за тем наблюдали и некоторых, неопасливо дерзнувших, обличив, казнили». Поэтому галичане послали за помощью к венгерскому королю, прося прислать войско, подкрепив свою просьбу обещанием посадить на престол его сына. Венгры немедленно отправили четырехтысячное войско, которое неожиданно для Игоревичей подошло к Галичу. «Галичане, совокупясь, тотчас князей поймали, били их и ругали с женами и детьми, а потом Романа и Владимира повесили пред градом, служителей же их и льстецов галичан всех побили, а иных, ограбив, отпустили»²².

Костомаров полагает, что повешены были два младших брата: Святослав, плененный в Перемышле, и Роман, захваченный в Звенигороде, а старшему Владимиру удалось благополучно бежать из Галича²³. По сообщению летописца, князей пленили венгры, которые хотели их отослать своему королю, но их выкупили галицкие бояре, специально для того, чтобы совершить расправу²⁴. Польские источники приписывают инициативу расправы плененными над Игоревичами польскому князю Лешеку Белому, который, по словам Мачея Стрыйковского, за это преступление «был также убит, и род его не получил продолжения»²⁵.

Беспрецедентный случай казни князей по решению бояр должен был стать наглядным уроком и юному Даниилу, возведенному галицкими и владимирскими боярами на престол вместо казненных Игоревичей (1211 г.). То, что малолетний Даниил играл роль номинального правителя, а подлинная власть принадлежала боярству, продемонстрировали следующие события. В Галич повидать своего сына Даниила приехала княгиня Анна. Однако Даниил был так мал, сообщает летописец, что и матери своей не узнал²⁶.

Через некоторое время галичане прогнали княгиню Анну, опасаясь, что она хочет лишиться их власти (1212 г.)²⁷. Даниил, не желая оставаться в Галиче без матери, собрался ехать вместе с ней. «Даниил не хотел расставаться со своей матерью и плакал о ней, еще молод он был. И приехал Александр, шумавинский тиун, и взял за повод его

коня. Даниил извлек меч и, замахнувшись на него, ударил коня под ним. Мать же, взяв меч из его рук, уговорила его остаться в Галиче, а сама уехала в Белз, оставив его у коварных галичан...»²⁸

Анна обратилась за помощью к венгерскому королю. Венгерское войско вошло в Галич, схватив бояр, обвиняемых в изгнании княгини. Главного из них, боярина Володислава, увели в Венгрию. Но как только венгры ушли, галичане призвали пересопницкого князя Мстислава Ярославича Немого. Даниил с матерью вынужден был в очередной раз бежать в Венгрию. Венгерский король собрал войско и выступил в поход на Галич. В пути на него было совершено покушение — в монастыре, где король остановился, его попытались убить «неверные бояре»²⁹. Андраш II остался жив, но, воспользовавшись его отсутствием, заговорщики убили его жену Гертруду (1213 г.). Это заставило Андраша оставить Галич и вернуться в Венгрию.

Тем временем, Мстислав, испугавшись «великого королевского войска», бежал из Галича. Вместо него на галицком столе оказался отпущенный на свободу венгерским королем боярин Володислав, «и тогда в Галиче, после недавней казни князей, произошло событие, также небывалое на Руси со времени утверждения Рюрика дома: боярин Володислав, не принадлежавший к княжескому роду, назвался князем в Галиче»³⁰.

Карамзин предполагает, что Володислав воспользовался тем, что венгерский король в тех обстоятельствах не мог думать ни о чем, кроме своей безопасности, и убедил его в том, что «отрок Даниил, сын отца, ненавистного народу, не в состоянии мирно управлять Княжением, или, возмужав, не захочет быть данником Венгрии; что Андраш II поступит весьма благоразумно, ежели даст Наместника Галиции, не природного Князя и не иноплеменника, но достойнейшего из тамошних Бояр, обязав его в верности клятвою и еще важнейшими узами столь великого благодеяния»³¹.

Даниил же с матерью, обманутые в своих надеждах на покровительство Андраша II, перебрались в Польшу, где князь Лешек принял их «с великой честью»³². Карамзин полагает, что польский король принял сторону Романовичей, потому что завидовал тому, что богатая Галиция «сделалась почти областью Венгрии»³³. Заручившись поддержкой польского короля, княгиня Анна с сыном отправилась к Василько в Каменец, где властвовали верные «великие бояре» покойного Романа Мстиславича. Лешек, совместно с дружиной Даниила, в которой были «все великие бояре его отца», и дружиной князя Мстислава Пересопницкого выступили на Галич. Володислав вышел им на встречу. «Была большая битва, и одолели ляхи и русские. Даниил тогда был еще ребенком, но уже мог ездить на коне; Володислав бежал, а многие из его воинов были убиты»³⁴. Но, несмотря на победу в бою под стенами города, взять Галич союзникам не удалось.

Боярину Володиславу не суждено было стать родоначальником новой княжеской династии. Лешек отправил венгерскому королю следующее послание: «Не подобает боярину княжить в Галиче: возьми дочь мою за сына своего Коломана и посади его в Галиче»³⁵. На последовавшей за этим личной встрече краковского князя и короля Венгрии трехлетняя дочь Лешека Соломея была выдана за шестилетнего сына Андраша II Коломана, а также произошел раздел Галицко-

Волынской Руси. Галич получил Коломан. Лешек забрал Перемышль. Василько с матерью удалился в Каменец. Даниилу, которому исполнилось 11 лет, был передан Владимир (1214 г.). Боярин Володислав был схвачен венграми и умер в заточении ³⁶.

На следующий год, по неуказанным причинам, венгерский король отнял у князя Лешека Перемышль. Краковский князь обратился за помощью к Мстиславу Удалому, который в это время княжил в Новгороде: «Ты мне брат. Приди и сядь в Галиче» ³⁷. Мстислав оставил Новгород и двинулся на Галич ³⁸. Галицкий летописец утверждает, что галичане послали за Даниилом, но тот не успел приехать, и Мстислав «сел в Галиче» ³⁹.

Стрыйковский связывает призвание Мстислава Удалого в Галич не с конфликтом интересов между поляками и венграми, а с возникшим в Галиче недовольством, вызванным притеснениями боярства и православного духовенства католическими епископами, прибывшими в Галич в свите Коломана ⁴⁰.

Чтобы укрепить свое положение в Галиче, Мстислав Удалой решил породниться с Романовичами и выдал свою дочь Анну за Даниила — «и родились от нее сыновья и дочери. Первенец его был Ираклий, за ним — Лев, затем Роман, Мстислав, Шварн и другие, которые в младенчестве покинули этот свет» ⁴¹. Поскольку Галицко-Волынская летопись относит это событие к следующему году после занятия Мстиславом Галича, то, следовательно, брак был заключен в 1216 г., когда Даниилу исполнилось пятнадцать лет. Но, он мог быть заключен и позднее — в 1218 или 1219 гг., так как с конца 1215 по 1218 г. Мстислава Удалого в Галиче не было. В это время он находился в Новгороде, где участвовал в войне с другим своим зятем Ярославом Всеволодовичем.

Даниил сразу же попытался извлечь выгоду из этого союза и обратился к зятю за помощью против краковского князя Лешека Белого, удерживавшего волынские города, которые Романовичи считали своей наследственной вотчиной. Но Мстислав отказался принять чью-нибудь сторону, ответив: «Сын, ради прежней любви не могу пойти против него [Лешека]; поищи себе других» ⁴². Тогда Даниил и Василько на свой страх и риск захватили волынские города. Лешек, который «сильно разгневался на Даниила», попытался сопротивляться, но был разбит волынскими боярами, которые сопровождали в польских походах еще его отца Романа Мстиславича.

Лешек решил, что за захватом волынских городов Даниилом стоит Мстислав Удалой. Жаждавший мести краковский князь возобновил союз с венграми, ради чего даже отказался от Галича в пользу своего зятя Коломана, сообщив в послании венгерскому королю, что удовлетворится изгнанием Мстислава из Галича ⁴³. Совместное войско поляков и венгров захватило Перемышль. Мстислав, в свою очередь, призвал на помощь черниговских князей. Даниила он попросил оборонять Галич. Венгры и поляки осадили город, но взять не смогли, зато им удалось нанести поражение Мстиславу и изгнать его из Галицкой земли (1219 г.) ⁴⁴. Мстислав передал Даниилу, чтобы тот покинул Галич и шел на соединение с его силами. Даниил со своими боярами исполнил приказ. Но путь пришлось пролагать мечами. В жестоком сражении, которое продлилось весь день и всю ночь, Даниил впервые уча-

ствовал лично и, по словам летописца, проявил себя как мужественный воин. Несмотря на то, что многие из его дружины бросились бежать, он присоединился к тем боярам, которые вышли навстречу врагу. В какой-то момент сражения юный Даниил оказался один среди врагов, но те, «не смели на него напасть»⁴⁵. Возможно, князя спасло то, что его просто не узнали и приняли за одного из своих.

Даниилу удалось соединиться с зятем, который принял его с большим почетом: «Мстислав же великую честь воздал Даниилу, и дары ему преподнес богатые, подарил своего резвого сивого коня и сказал ему: “Иди, князь, во Владимир, а я пойду к половцам, — отомстим за свой позор”. И Даниил уехал во Владимир»⁴⁶.

Стороны стали готовиться к решительным действиям, накапливая силы и собирая союзников. В конце 1219 г. «прислали князья литовские к великой княгине Романовой и к Даниилу с Васильком, предлагая мир»⁴⁷. Летописец, оценивший эти переговоры как промысел Божий, старательно перечисляет два десятка имен прибывших литовских князьков. Был заключен мирный договор, позволивший литовцам расширить экспансию на земли Польши, обезопасив себя со стороны владений Романовичей, что уже через несколько лет вынудило князя Конрада Мазовецкого обратиться за помощью к Тевтонскому Ордену. Летописец полагает, что благодаря этому договору, Даниил получил возможность направить литовцев на поляков⁴⁸.

Тем временем, в Галич прибыли новые силы венгров во главе с воеводой Фильнием, который был настолько самоуверен, что «надеялся охватить землю, осушить море»⁴⁹. «Один камень избивает множество глиняных сосудов. Острый меч, борзый конь и Русь у моих ног», — перефразируя летописца, передает Карамзин слова венгерского воеводы⁵⁰. Мстислав со своим двоюродным братом Владимиром Рюриковичем и половцами в жестокой битве разгромил польско-венгерско-галицкое войско и пленил Фильния, который вышел из Галича, оставив под защитой его стен юного Коломана. Затем Мстислав взял Галич, захватив сына венгерского короля и его жену. Заключив мир с венграми, Мстислав занял галицкий престол. Новгородский летописец относит эти события к 1219 году⁵¹.

Даниил в этих событиях участия не принимал и никакой помощи тестю не оказал. Карамзин предположил, что он просто опоздал и поэтому не смог помочь Мстиславу в этом сражении: «Лешек воспрепятствовал Даниилу соединиться с тестем до битвы: сей юноша славолюбивый успел только видеть свежие трофеи Россиян на ее месте»⁵².

Одержав победу, Мстислав, по версии Карамзина, «не любя тамошних Бояр мятежных и нелюбимый ими», хотел возвратить Галич Даниилу. Но галицкие бояре убедили Мстислава в том, что, получив из его рук свое наследственное владение, Даниил не будет высказывать признательности тестю. Было заключено соглашение, по которому младший сын венгерского короля Андраша II королевич Андраш женится на дочери Мстислава, получив в качестве приданого Галицию, так как всем обязанный милости Мстислава он, в отличие от Даниила, «не дерзнет ни в чем его послушаться или в противном случае легко может быть лишен Княжения»⁵³.

Вынужденные довольствоваться Владимиром, Романовичи заключили с князем Лешekom мир, по которому тот отошел от своего

тестя Александра Бельзского, поддержавшего венгров против Мстислава. Даниил с Василько ночью напали на окрестности Бельза и подвергли их страшному разорению⁵⁴. Конфликт был прекращен благодаря вмешательству Мстислава⁵⁵. По словам Карамзина, великодушные Мстислава спасло бельзского князя, уважив тестя Даниил вернулся к матери, которая после этих событий, «видя его уже способного править землею, обуздывать Вельмож, смирать неприятелей, удалась от света в тишину монастырскую»⁵⁶. Возможно, именно с этого момента Даниил стал самостоятельным политиком, а не проводником воли своей матери и ее окружения из «великих бояр» Романа Мстиславича.

За год до битвы на Калке Даниил, по сообщению летописи, принял важное решение, направленное на укрепление своей власти: с целью стать менее зависимым от боярства, он основал «по божественному изволению» княжескую резиденцию Холм⁵⁷. В ней, окруженный дружиной и населением, получившим жительство по княжеской милости, Даниил был в большей безопасности от возможных происков бояр⁵⁸.

В 1223 г. Даниил участвовал в княжеском съезде в Киеве, на котором принималось решение оказать помощь половцам против «безбожных моавитян, называемых татарами»⁵⁹.

Придворный летописец подробно описывает деяния Даниила в битве при Калке, выставляя его одним из главных действующих лиц и объясняя столь значительную роль Даниила безапелляционным утверждением о том, что «был он отважен и храбр, от головы до ног не было у него изъянов»⁶⁰. Дж. Феннел в этой связи отмечает, что подвиги Даниила «вполне могли быть плодом воображения летописца»⁶¹. В сухом остатке, из летописного описания событий следует, что Даниил бахвалился перед битвой, но как только дело приняло серьезный оборот, вся его показная храбрость мгновенно улетучилась, и он бросился бежать, думая только о своем спасении.

Накануне битвы, узнав о приближении татарского разведывательного отряда, «Даниил Романович поскакал, вскочив на коня, посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники и многие другие князья поскакали смотреть на нее»⁶². Татары отступили. В отличие от галицкого воеводы Юрия, который оценил их как хороших воинов и стрелков, по понятным причинам, не названные поименно летописцем «другие», наоборот, утверждали, что татары — недостойный противник, воины даже худшие, чем половцы⁶³. Уверенные в легкой победе безымянные «молодые князья» убедили Мстислава Удалого и Мстислава Черниговского в том, что необходимо перейти Днепр и преследовать татар в половецкой степи. Вслед за ними последовали и все остальные князья.

Дойдя до реки Калки, Мстислав Удалой приказал Даниилу переправиться, затем последовал за ним. Встретив татар, они вступили с ними в бой, не предупредив своих союзников, видимо, надеясь одержать легкую победу, не желая ни с кем делиться будущей славой и добычей. В ходе начавшегося сражения восемнадцатилетний (по словам летописца) Даниил был ранен в грудь, но «по молодости и храбрости не почувствовал ран на теле своем»⁶⁴. Преследуя отступавшие передовые татарские отряды, союзники оказались перед лицом пре-

восходящих сил и были вынуждены бежать: «Даниил, увидев, что разгорается сражение, и татарские лучники усиленно стреляют, повернул своего коня под напором противника», — пишет летописец, не преминув напомнить, что Даниил был ранен, но не заметил этого «из-за мужества» ⁶⁵. Был ли Даниил действительно ранен в начале битвы, как это утверждает летописец? Его же слова о том, что Михаил Немой бросился на помощь Даниилу, «подумав», что он ранен, заставляют в этом усомниться ⁶⁶.

Следует отметить, что грудь была самой защищенной доспехом частью тела. Даже удар тяжелым рыцарским копьем не ранил облаченного в металлический доспех всадника, а только выбивал его из седла. Складывается впечатление что, сообщая о ранении Даниила, летописец пытается реабилитировать его бегство с поля боя.

Поражение на Калке, одной из причин которого было то, что Даниил, вопреки приписываемому ему летописцем мужеству, в действительности проявил малодушие, возможно, стало причиной его конфликта с Мстиславом Удалым. Этим не преминул воспользоваться двоюродный брат Романовичей Александр Бельзский. «Услышав, что Мстислав не любит зятя своего, князя Даниила, обрадовался он и стал подстрекать Мстислава к войне» ⁶⁷. Карамзин объясняет эту усобицу тем, что Мстислав был обманут некими «злыми внушениями» Александра Бельзского и, возненавидев Даниила, «хотел отнять у него владение» ⁶⁸.

Даниил призвал на помощь краковского князя Лешека, вместе с которым вышел против своего тестя, заставив его вернуться в Галич. Ранее Даниилу удалось перехватить князя Александра, который пытался соединиться с Мстиславом, загнать его обратно в Белз, но сам город ему взять не удалось. Заставив противника перейти к обороне, Романовичи с поляками «разорили землю Галицкую около Любачева и пленили всех в землях Белзской и Червенской, даже тех, кто оставался дома. А Василько князь захватил много добычи, стада коней и кобыл, так что ляхи позавидовали ему» ⁶⁹.

Мстислав призвал на помощь половцев Котяна и киевского князя Владимира Рюриковича. До войны Мстислава с Романовичами дело не дошло, так как противники решили договориться, обвинив в происходящей усобице Александра, который якобы «всегда замышлял на брата своего, говоря Мстиславу так: “Зять твой убить тебя хочет”». На переговорах, где Александра, который не посмел приехать сам, представлял посол, Мстислав обвинил белзского князя в том, что по его вине «Даниил второй раз напускает на меня ляхов» ⁷⁰.

Неявку Александра на встречу расценили как признание им своей вины и обвинили его в клевете на Даниила, которому в качестве компенсации «за позор» предложили забрать Белз. В ответ Даниил применил в дальнейшем не раз востребованный им прием показного альтруизма: «А он, любя брата своего (Александр Бельзский приходился Романовичам двоюродным братом. — *А.Н.*), не взял волости его, и все его за это похвалили». После чего «Мстислав принял зятя своего с любовью, почтил его великими дарами, подарил ему своего борзого коня актаза (белого арабского жеребца. — *А.Н.*), такого, каких не было в то время; и дочь свою Анну одарил богатыми дарами» ⁷¹. Мир, восстановивший статус-кво, между Александром, Мстиславом и Романовичами был заключен.

Однако, несмотря на знаки примирения, Мстислав, видимо, видел в Данииле потенциального соперника. Об этом свидетельствует то, что Мстислав, выполняя ранее достигнутые договоренности, передал Галич в качестве приданого своей дочери сыну венгерского короля Андраша II королевичу Андрашу (1226 или 1227 г.). Летописец приписывает этот поступок козням «лукавых» галицких бояр, которые убедили Мстислава в том, что он не сможет княжить в Галиче сам, поскольку бояре его не хотят. Мстислав, якобы решив отказаться от Галича, больше всего хотел передать его именно Даниилу, но бояре «не позволяли ему отдать Галич Даниилу, говоря ему: “Если отдашь королевичу, то, когда захочешь, сможешь взять у него. Если отдашь Даниилу, не будет вовек твоим Галич”»⁷².

Согласно «Родословной книге всероссийского дворянства», в 1226 г. Василько сочетался браком с дочерью великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича княжной Добравой⁷³. Ни галицкий, ни владимирский летописец об этом событии не упоминает. Таким образом, Романовичи породнились с двумя конкурирующими княжескими родами — смоленскими Ростиславичами и суздальскими Юрьевичами, что давало им возможность играть на противоречиях между ними.

В 1226 г. луцкий князь Мстислав Немой (тот самый, что бросился Даниилу на помощь в битве на Калке) перед смертью завещал свои владения Даниилу и поручил ему своего сына Ивана. Княжич Иван в том же году умер, а Луцк занял Ярослав Ингваревич, сын старшего брата Мстислава Немого, отец которого, Ингвар Ярославич, до Мстислава княжил в Луцке.

Даниил отобрал у Ярослава Луцк, причем, по словам летописца, проявил при этом рыцарское благородство. Произошло это таким образом: верные Даниилу бояре предлагали захватить Ярослава с семьей в то время, как они оказались одновременно в монастыре на богомолье. Даниил отказался это делать, мотивируя свой поступок так: «Я приехал сюда, чтобы сотворить молитву святому Николаю, и не могу этого сделать»⁷⁴. Когда в очередной раз Ярослав вместе с женой выехал из города, он был захвачен одним из бояр Даниила. После этого Луцк сдался Романовичам. Князя Ярослава Ингваревича братья впоследствии не только отпустили, но и наделили его уделом.

Затем летопись кратко сообщает о том, как Даниил с братом отражал набег ятвигов, лично участвуя в схватке. Возможно братья и проявили при этом личное мужество, но удачными их действия назвать нельзя: хотя Даниил якобы нанес одному из противников четыре ранения и выбил из его рук копье, тому удалось бежать, несмотря на то, что его пытался преследовать Василько⁷⁵.

После сообщения об этом набеге летописец возвращается к описанию того, как Романовичи продолжали настойчиво расширять свои владения. Даниил послал Мстиславу жалобу на то, что пинские князья не по праву владеют расположенным по соседству с Луцком Черторыйском. Мстислав ответил: «Сын, согрешил я, что не дал тебе Галич, а отдал иноплеменнику по совету лживого Судислава (галицкий боярин, один из лидеров боярской оппозиции Романовичам. — А.Н.); обманул он меня. Но если Бог захочет, пойдем на него. Я приведу половцев, а ты — со своими. Если Бог даст его нам, ты возьми Галич, а я — Понизье, а Бог тебе поможет. А о Черторыйске — ты прав». Получив согласие от

Мстислава, Романовичи захватили Черторыйск (1228 г.), взяв в плен сыновей пинского князя Ростислава. Летописец не преминул отметить, что во время осады конь Даниила «застрелен был с города» ⁷⁶.

В том же году умер Мстислав Удалой. Галицкий летописец в этой связи пишет: «Он очень желал видеть сына своего Даниила. Но Глеб Зеремеевич (галицкий боярин. — *А.Н.*), побуждаемый завистью, не пускал его. Мстислав хотел поручить свой дом и своих детей князю Даниилу, ибо имел он к нему великую любовь в своем сердце» ⁷⁷. В свете предыдущих событий утверждения летописца о «великой любви» Мстислава к Даниилу выглядят преувеличением.

Тем временем, князь пинский Ростислав, которого галицкий летописец обвиняет в том, что он «непрестанно клеветал», создал коалицию против Романовичей, в которую вошли киевский князь Владимир Рюрикович, Михаил Черниговский, половцы хана Котяна, князя Северский и Туровский. Участие в союзе против Даниила князя Михаила Черниговского летописец объясняет тем, что он якобы «имел великую боязнь в своем сердце: “Потому что его отец постриг в монахи моего отца”» ⁷⁸. Даниил пытался при посредничестве митрополита Кирилла замирился со своими противниками, но безуспешно. Союзники осадили Каменец. Даниил призвал на помощь поляков и перекупил половцев. Романовичи с поляками выступили на Киев, и уже Владимир и Михаил вынуждены были просить мира.

По мнению Костомарова, «...Данило уничтожил все замыслы соперников, и этот успех еще более поднял его в ряду русских князей: не только все прежние области остались за ним, но и пинские князья сделались его подручниками, а Владимир Рюрикович с этих пор является постоянным другом и союзником Данила» ⁷⁹.

В 1227 г. «по совету коварных бояр» был убит Лешек Белый ⁸⁰. Брат покойного, князь Конрад, обратился к Романовичам с просьбой о помощи против изменников. Даниил с братом повели дружины вглубь Польши (1229 г.). «Никакой другой князь не входил так далеко в землю Ляшскую, кроме Владимира», — гордо сообщает об этом летописец ⁸¹.

Союзники осадили город Калиш. Поначалу осажденные оказывали ожесточенное сопротивление: «С городских стен летели камни, как сильный дождь, — они стояли в воде, но скоро стали стоять, как на суше, на брошенных камнях». Потом было решено вступить в переговоры. Горожане просили Конрода прислать к ним двух его воевод. Поскольку, как сообщает летописец, одному из них Конрод не доверял, то он попросил Даниила о том, чтобы тот инкогнито присутствовал на этих переговорах. Даниил, прикрыв лицо шлемом, встал за спиной воеводы Пакослава, которому было поручено вести переговоры от имени Конрода. Переговорщики со стороны осажденных попытались внести разлад в стан союзников: «Так и скажите великому князю Кондрату [Конроду] — этот город разве не твой? Мы, воины, изнемогающие в этом городе, не чужеземцы, мы твои люди, ваши братья! Почему вы не пожалеете нас? Если русские нас захватят, — какая слава будет Кондрату? Если русское знамя водрузится на городских стенах, кому воздашь честь? Не Романовичам ли? А свою честь умалишь! Теперь мы брату твоему служим, а завтра твоими будем. Не дай славы русским, не погуби этот город!» ⁸²

Пакослав пошутил в ответ: «Кондрат рад был бы оказать вам милость, но Даниил весьма зол на вас: не хочет уходить, не взяв города». И, рассмеявшись, промолвил: «А вот он сам стоит. Говорите с ним». Князь же ткнул его древком копья и снял с себя шлем. Они закричали с городской стены: «Прими нашу покорность, молим тебя — заключи мир!» «Он много смеялся, беседовал с ними, взял у них двух мужей и поехал к Кондрату»⁸³.

Калиш сдался. Даниил получил в качестве платы за оказанную «великую помощь» Конроду «много челяди и боярынь». При этом была достигнута договоренность о том, что впредь в случае усобицы «не брать ляхам русской челяди, а русским — ляшской»⁸⁴.

Возвратясь из польского похода, Даниил, получив послание от галичан «Судислав (галицкий боярин, один из руководителей боярской оппозиции Романовичам в Галиче. — *А.Н.*) ушел в Понизье, а королевич остался в Галиче, приходи скорее», решил захватить Галич (1230 г.)⁸⁵. Хотя Даниил выслал отряд против Судислава, а сам поспешил с малой дружиной к Галичу, захватить город сходу ему не удалось, так как «галичане затворили город», а дружина Даниила, захватив пригородную усадьбу этого боярина, обнаружив там большие запасы вина, перепилась. Поэтому Даниил не рискнул разбивать лагерь у города и по льду перешел на другой берег Днестра. Той же ночью Судислав вернулся в Галич. Вскоре к Даниилу подошли с войсками верные ему галицкие бояре и, окружив город, начали осаду. Галичане, обессилив, сдались.

Даниил, «вспомнив о дружбе с королем Андреем (королем Андрашем II. — *А.Н.*)», отпустил взятого в плен венгерского королевича Андраша. С ним ушел и его соправитель в Галиции боярин Судислав, изгнанию которого особенно радовались галичане, бросали в него камнями и кричали: «Уходи из города, мятежник земли!»⁸⁶.

В Венгрии Судислав призывал, пока Даниил не укрепил свою власть, отбить у него Галич⁸⁷. Со словами «Не может устоять город Галич. Никто не может избавить его от руки моей» старший сын венгерского короля Бела с большим войском двинулся на Романовичей⁸⁸.

Однако поход закончился неудачно. Из-за начавшихся сильных дождей венгерское войско преодолело Карпаты с большими потерями. Когда Бела подошел к стенам Галича, город, вопреки его ожиданиям, не капитулировал. Даниил тем временем получил помощь от поляков и половцев. Дожди продолжались, в венгерском войске началась эпидемия. Бела был вынужден отступить: «король покинул Галич из-за неверности галицких бояр, а Даниил с Божьей помощью вернул себе город свой»⁸⁹.

Хотя летописец и декларирует то, что Галич — город Даниила, в действительности его владычество над галицкой землей еще не стало бесспорным. Не случайно летописец свой рассказ о последующих событиях предваряет словами: «После этого расскажем про многие мятежи, великие обманы, многочисленные войны»⁹⁰.

Галицкие бояре, противники Романовичей, организовали заговор с целью убийства Даниила и передачи власти Александру Белзскому. Случай помог этот заговор раскрыть. К заговорщикам, собравшимся обсудить план поджога княжеского дворца, вошел Василько и, по словам летописца, играя, обнажил меч. Участники заговора, испугавшись, что их замыслы раскрыты, бежали из Галича.

Вслед за первым заговором летописец описывает второй. На этот раз Даниила планировали убить во время пира в замке одного из бояр. Он был уже в пути, когда его нагнали с сообщением: «Это недобрый пир, потому что задумано безбожным твоим боярином Филиппом и племянником твоим Александром — быть тебе убитым. Услышав об этом, возвратись назад и держи стол отца своего»⁹¹.

Вернувшись в Галич, Даниил послал Василько против Александра, который бежал к своим сообщникам, оставив Белз. Было захвачено двадцать восемь бояр, обвиненных в измене. Летописец удивляется, что Даниил не предал их заслуженной, по его мнению, казни: «Но не смерть они приняли, а милость получили; а ведь некогда, когда князь веселился на пиру, один из тех безбожных бояр плеснул в лицо ему чашей вина, и то он стерпел»⁹².

На следующий год Даниил с верными ему боярами собрал вече, на котором спросил разрешения идти на Александра: «Будете ли верны мне, чтобы я мог выйти против моих врагов?» Они же воскликнули: «Верны мы Богу и тебе, господин наш! Выходи с Божией помощью!»⁹³ Александр, узнав о том, что Даниил выступил против него, бежал из Перемышля в Венгрию.

Совместно с галицкими изгнанниками во главе с боярином Судиславом венгерский король вновь организовал поход на Галич, который на этот раз увенчался успехом. Города сдавались без боя. Галицкие бояре, по словам Карамзина, «не чувствительные к редкому милосердию Даниила, простившего им два заговора», все переметнулись на сторону венгерского короля⁹⁴. В Галиче вновь сел венгерский королевич Андраш, а князь Александр Всеволодович вернул себе Белз (1232 г.)⁹⁵.

Таким образом, к началу тридцатых годов XIII в. ситуация в Галицкой Руси выглядела так: Романовичи упорно добиваются власти, но местные элиты (летописные «безбожные бояре») готовы поддержать кого угодно, только не потомков Романа Мстиславича. Венгерская корона, в свою очередь, поддерживает местный сепаратизм, опасаясь возникновения у своих границ единого государства под властью одного князя.

Тем временем, Даниил вмешался по просьбе киевского князя Владимира Рюриковича в его конфликт с Михаилом Черниговским. За это Владимир уступил ему Торческ, который Даниил отдал обратно «за добрые дела вашего отца» своим шуринам, детям покойного Мстислава Удалого⁹⁶. Королевич Андраш выступил на стороне Михаила Черниговского и двинул рать на Киев, которая была разбита в стычке со сторожевым отрядом Даниила. Венгры развернулись к Галичу, но по пути были настигнуты дружинами Романовичей (1233 г.)⁹⁷. Даниил провел переговоры с королевичем Андрашем, во время которых «сказал ему некое хвастливое слово, которого Бог не любит». Возможно, летописец имеет в виду, что Даниил, в очередной раз, недооценил силы противника. Вместо заключения мира, надеясь на легкую победу, он решил продолжить войну. Очевидно, Даниил рассчитывал на то, что, разбив войска Андраша, он откроет себе путь на Галич. На следующий день дружины Даниила переправились через реку у Шумска. «Узнал об этом королевич Андрей [Андраш], исполнил свои полки и вышел против него, то есть на битву»⁹⁸.

Даниил, по описанию летописца, проявил себя в этом сражении как полководец и отважный воин. Он, вопреки советам, оставил выгодные позиции на господствующих высотах, чтобы самому напасть на неприятеля, стоявшего на равнине. Даниил возглавлял самый мощный центральный полк, состоявший «из одних храбрецов со сверкающим оружием». В ходе битвы, когда венгры обратили в бегство его полк левой руки, Даниил ударил им в тыл, а потом пришел на помощь брату, бившемуся на правом фланге. При этом «многих он ранил, а иные от его меча погибли»⁹⁹. Василько не отставал от старшего брата. Свидетельством его доблести было окровавленное копье с изрубленным мечами древком. Далее в рассказе о сражении появляются подробности, которые заставляют усомниться в воспеваемом летописцем личном мужестве Даниила и его полководческих талантах. Княжеский полк, тот самый, который состоял из «одних храбрецов» и был самым многочисленным в войске Романовичей, вместе с Даниилом бежал с поля боя. Несмотря на то, что враг не преследовал отступающих, собрать их удалось только на следующее утро, когда выяснилось, что венгры потерпели поражение. Василько, в отличие от своего старшего брата, с поля боя не только не бежал, а, наоборот, разбил венгров, которые вынуждены были отступить до самого Галича¹⁰⁰. В описание битвы есть еще один эпизод, красочно характеризующий Даниила. В ходе самого сражения он обратился в бегство даже не от вражеских воинов, а от отроков, держащих коней, когда те попытались мечами посечь его коня¹⁰¹. Впрочем, эти факты не помещали С.М. Соловьёву утверждать, что в этой битве Даниил, в отличие от своей дружины, проявил храбрость¹⁰².

Все это (бахвальство перед боем, а затем бегство с поля битвы) с Даниилом уже было десятью годами ранее на реке Калке. Но в этот раз поражения удалось избежать благодаря мужеству Василько и его дружины. Успех в битве против венгров заставил Александра Белзского, которого Соловьёв называет «заклятым врагом Романовичей», искать с ними мира¹⁰³. Он переходит на их сторону и совместно они захватывают принадлежащий боярскому роду Плеснек — хорошо укрепленный город Волынской Руси, расположенный на пути из Владимира в Галич.

В том же году венгры и галицкие бояре попытались взять реванш: «Королевич и Судислав привели на Даниила Дьяниша» (венгерский воевода). Даниил съездил в Киев и привел против них половцев и князей Владимира Рюриковича Киевского и Изаслава Владимировича (предположительно внука Игоря Северского. Татищев называет его Изяславом Мстиславичем Смоленским). По каким-то причинам Изяслав нарушил договор, «велел грабить землю Даниила» и захватил один из волынских городов, после чего ушел к себе, покинув союзников. Предательство Изяслава произвело такое сильное впечатление на летописца, что, обличая его поступок, он приводит цитату из Гомера: «О, обман зол, сладок он до обличения, а после обличения горек. Того, кто следует ему, злая кончина постигнет». И далее от себя восклицает: «О, зло это злее зла!»¹⁰⁴

Романовичи с Владимиром и половцами приняли бой с венграми у волынского городка Перемиль. Ни одна из сторон не добилась решающего успеха. Венгры вернулись в Галич, а союзники Романовичей ушли восвояси.

После этих событий боярин Глеб Зеремеевич, один из галицких «политических тяжеловесов», который в свое время убеждал Мстислава Удалого передать Галич венгерскому королевичу, неожиданно переметнулся к Даниилу. По версии Соловьёва, причиной перехода в стан Романовичей части боярства стала достигнутая между ними договоренность о разделе галицких земель в случае вокняжения в Галиче Даниила, которую эти бояре не могли получить от королевича Андраша¹⁰⁵. Романовичи не преминули воспользоваться тем, что, по словам летописца, «лучшая половина Галича» перешла на их сторону. Разделив галицкие земли между поддержавшими их боярами, Даниил и Василько вместе с Александром Белзским осадили Галич. Осада продолжалась девять недель. В городе начался голод. Боярин Судислав, действуя на стороне королевича Андраша, вступил в переговоры с князем Александром Белзским, пообещав ему отдать Галич, если он уйдет от Романовичей. Были предприняты попытки переманить и тех галицких бояр, которые перешли на сторону Даниила. Однако неожиданная смерть по неуказанным причинам двадцатитрехлетнего королевича Андраша сорвала планы боярина Судислава. Он был вынужден бежать в Венгрию, а горожане послали за Даниилом (1233 г.). Александр Белзский, «убоявшись своего злого дела», якобы попытался укрыться у своего тестя в Киеве, что было с его стороны опрометчивым поступком, учитывая тот факт, что у Романовичей сложились доверительные отношения с Владимиром Рюриковичем. Каким-то образом о бегстве Александра стало известно в Галиче. Даниил с дружиной бросился в погоню, которая продолжалась три дня и три ночи. Белзский князь был пленен¹⁰⁶. О дальнейшей его судьбе источники умалчивают. Возможно, остаток жизни он провел в заточении¹⁰⁷.

После этого, киевский князь вновь обратился за помощью к Даниилу в борьбе против Михаила Черниговского и Изяслава Владимировича. По мнению Татищева, причиной междоусобицы стало то, что Владимира Рюриковича настроили против Михаила и Изяслава «злые льстецы». Татищев обвинил их в том, что они губят русскую землю: «Возмутили злые льстецы князей, каждый своего князя выхвалял, говоря: тебе по достоинству будет Русской землей и Киевом владеть, ты старейший в братии, у тебя войск много, они дают победы прежде, нежели неприятеля видят, и прежде, нежели победили, уже области и богатства других делят. О горе льстецам и клеветникам тем, которые для получения себе чести или имения к несправедливым войнам и пролитию крови христианской и погублению людей, государству нужных, князей возмущают и землю Русскую губят»¹⁰⁸.

Отгнав Мстислава от Киева, союзники пытались, используя осадные машины, овладеть Черниговом, но город устоял, возможно, потому, что Даниилу и Владимиру пришлось вернуться в Киев, поскольку киевскую землю атаковали половцы, которых привел Изяслав¹⁰⁹. В дальнейших событиях, приведших к потере Галича, летописец обвиняет всех, кроме Даниила, которого пытается представить как мужественного витязя, превосходящего свое окружение.

В последующем противостоянии с коалицией черниговского, новгород-северского князей и половцев Даниил и Владимир потерпели поражение (1235 г.). Причину этого поражения летописец объясняет

значительным численным превосходством противника и тем, что «Даниил и его воины были сильно утомлены» в ходе войны в Черниговской земле. Даниил собирался отступить лесами, но поддался на уговоры Владимира выступить против половцев, которые вторглись в пределы Киевской земли. Далее уже Владимир предлагал отступить, но Даниил настаивал на том, чтобы принять бой, говоря, что воину следует либо погибнуть, либо победить ¹¹⁰. В сражении под Торческом (окрестности современной Белой Церкви), где «была сеча лютая», Даниил и Владимир потерпели сокрушительное поражение. Владимир попал в плен, а Даниил в очередной раз сбежал с поля боя. Летописец бегство князя оправдывает так: «Даниил преследовал половцев, пока не был ранен стрелой его гнедой конь. А до этого половцы других обратили в бегство. Увидев, что его конь бежит раненый, Даниил тоже обратился в бегство». Новгородский летописец сообщает, что в этой битве галичан пало «без числа», а Даниил «едва ушел» ¹¹¹.

На этот раз Даниил «прибежал» в Галич, где его ждал Василько, прибывший из Владимира со своей дружиной. Некоторые бояре, как это утверждает летописец, распространили слух, что Изяслав и половцы идут на Владимир. Даниил отправил брата «стеречь» Владимир. Как только тот ушел, бояре подняли мятеж. Даниил, испугавшись за свою жизнь, бежал в Венгрию за помощью ¹¹².

Карамзин объясняет действия Даниила тем, что в Венгрии после смерти Андраша II на трон взошел его старший сын Бела. «Вероятно, что он (Даниил. — *А.Н.*) тогда, надеясь с помощью Андреева (Андраша II. — *А.Н.*) преемника удержать за собою Галич, дал ему слово быть данником Венгрии: ибо, участвуя в совершении торжественных обрядов Белина коронования, вел его коня (что было тогда знаком подданства). Уничужение бесполезное! Даниил возвратился к брату с одними льстивыми обещаниями» ¹¹³.

С помощью венгров Романовичи безуспешно попытались отбить Галич ¹¹⁴. В ответ на нападение Романовичей галичане, соединившись с болховскими князьями, разграбили окрестности Каменца. Владимир Киевский прислал Романовичам на помощь торков. Не дождавшись помощи от Данаила защитники Каменца вышли из города и, соединившись с торками, сокрушили «коварных галичан», пленив болховских князей ¹¹⁵. Пленных князей привели во Владимир к Даниилу (1236 г.) Мстислав с Изяславом потребовали освободить их, угрожая войной. Совместно с польским королем Конрадом (который, несмотря на ранее оказанную ему Даниилом помощь, по каким-то причинам принял сторону его врагов) и половцами они вторглись во владения Романовичей. Союзники хотели соединить свои силы, чтобы идти на Владимир, но, по счастью для Даниила, этого не случилось. Половцы, «разорив всю галицкую землю», отказались идти на Даниила и ушли. Услышав об этом, Михаил Черниговский вернулся в Галич, а Конрад бежал в Польшу. В ответ Романовичи с венграми в очередной раз безуспешно попытались взять Галич. В итоге стороны заключили мир, закрепивший сложившееся статус-кво, по которому Галич остался во власти Михаила Черниговского (1237 г.).

В следующем году Михаил Черниговский, изгнав из Киева Ярослава Всеволодовича, ушел из Галича, оставив там вместо себя своего

сына Ростислава. Когда Ростислав Михайлович с дружиной пошел в поход на Литву, Даниил выступил из Холма и через три дня был у Галича. «Подъехал он к городу и сказал им: “О, городские мужи! До каких пор будете терпеть власть чужеземных князей?” Они же воскликнули, говоря так: “Это наш властелин, данный нам Богом!” И бросились к нему, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущий воды к источнику»¹¹⁶. Ростислав, узнав о том, что город сдался Даниилу, бежал в Венгрию (1239 г.).

Когда татары появились под Киевом, Мстислав Черниговский, вслед за своим сыном, бежал в Венгрию. В Киеве сел сын князя смоленского Ростислав Мстиславич. «Даниил же пошел походом против него, и взял его в плен, и оставил в Киеве Дмитра (галицкий тысяцкий. — *А.Н.*); он поручил Дмитру Киев — оборонять его от иноплеменных язычников, безбожных татар». Почему Даниил не остался в Киеве сам или не поручил его оборону брату Василько, неизвестно. Узнав о том, что Ярослав Всеволодович захватил жену Михаила Черниговского, которая была сестрой Романовичей, Даниил попросил его передать пленную ему: «Отпусти сестру ко мне, потому что Михаил замышляет против нас обоих»¹¹⁷. Ярослав просьбу Даниила исполнил и вернул ему сестру.

Михаил Черниговский, изгнанный из Венгрии, ушел в Польшу, откуда прислал к Даниилу послов, предлагая забыть старые обиды: «Я много раз грешил перед вами, много раз делал тебе зло. Что тебе обещал, того не сделал. Если хотел жить в согласии с тобой, коварные галичане мне не давали. Сейчас же клятвой клянусь тебе, что никогда не буду с тобой вражды иметь»¹¹⁸.

Романовичи, видимо надеясь, что союз с Михаилом укрепит их перед лицом татарского вторжения, вернули черниговскому князю жену, пообещали отдать Киев, а его сыну Роману — Луцк. Опасаясь татар, Михаил в Киев не вернулся, а когда узнал о его падении, вновь бежал в Польшу. Даниил в это время был в Венгрии и, по словам летописца, «еще не слышал о приходе поганых татар на Киев»¹¹⁹. В свете изложенного выше поручения Даниила своему наместнику Димитру оборонять Киев от татар, утверждение о неведении князя о нашествии татар выглядит неуклюжим оправданием его бегства в Венгрию. Василько тоже не стал дожидаться прихода Батые и с детьми и женой Даниила, княгиней Анной Мстиславовной, бежал в Польшу. Оправдывая дальнейшее бездействие Даниила при нашествии татар на его владения, летописец утверждает, что Батый пошел на Владимир, узнав о том, что Даниил находится в Венгрии, тем самым, давая понять, что если бы не отсутствие князя, то татары не напали бы на галицко-волынские земли¹²⁰.

Летописную версию о том, что Даниил отбыл в Венгрию еще до нашествия, Карамзин не рассматривает, высказывая гипотезу о том, что он, наоборот прибыл в Венгрию именно с целью заключения антиордынского союза: «Даниил уже знал Моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился, подобно Михаилу, ехать к Королю Венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров». С этой целью он будто бы даже «изъявил намерение вступить с ним (*Белой. — А.Н.*) в свойство и сына своего, юного Льва, женить на дочери Королевской»¹²¹.

Проводником Батые в галицкую землю был взятый в плен в Киве тысяцкий Димитр, которому летописец приписывает спасительную для Галицко-Волынской Руси идею направить Орду на Венгрию под предлогом, что промедление приведет к тому, что венгры соберут силы для отпора ¹²².

Узнав, наконец, о вторжении татар в свои владения, Даниил, по словам летописца, «не мог пройти в Русскую землю, потому что с ним было мало дружины» ¹²³. Он двинулся в Польшу, где соединился с Василько. Встретившись, братья «порадовались о своем соединении и горевали о поражении земли Русской и о взятии множества городов иноплеменниками» и, по предложению Даниила, решили уйти вглубь Польши, где оставались до тех пор, пока опасность не миновала ¹²⁴.

Результаты подобного вклада Романовичей в отражение нашествия сказались уже в первом же городе, оказавшемся на их пути при возвращении на Русь (Дорогичин на реке Буг), — горожане не открыли перед братьями ворота ¹²⁵. В других городах такой проблемы не возникло, потому что в них не осталось выживших после нашествия. Романовичи расположились в Холме, который «сохранил Бог Холм от безбожных татар» (хотя, скорее, это был не счастливый случай, а умысел татарского проводника Димитра) ¹²⁶.

За время отсутствия Романовичей Галицко-Волынская Русь фактически распалась на отдельные боярские владения: «Галицкие бояре называли Даниила своим князем, а сами всю землю держали». Летописец упрекает бояр в том, что они занимались грабежом, а Даниил, не в силах ничего предпринять против них, «опечалился и молился Богу об отчине своей, что эти нечестивые держат ее и владеют ею» ¹²⁷.

Костомаров так описывает сложившееся после татарского нашествия положение в Галицко-Волынской Руси: «Несмотря на добродушие Даниила, бояре галицкие никак не могли полюбить его. Они видели в нем князя, который, как только утвердится, тотчас сломит их силу, и это будет тем удобнее, что простой народ оказывал Данилу расположение. Бояре, захвативши в свои руки всю Галичину, поделили между собою все доходы, хотели или лучше быть вовсе без князя или иметь такого, который находился бы у них совершенно в руках. Но того и другого достигнуть им было трудно, потому что хотя все они и дорожили своим сословным могуществом, но жили между собою в несогласии. Один теснил и толкал другого: у каждого являлись свои виды, и потому один хотел того князя, другой — иного; всякий надеялся посредством князя возвыситься над своими соперниками» ¹²⁸.

В этих условиях время работало на Даниила: бояре, враждуя между собой, искали поддержки у князя, донося друг на друга и, в результате, оказались в руках князя, приказавшего схватить главных из них. После этого Даниил «предал огню» семь болоховских городов, якобы за то, что они выступили на стороне Ростислава Михайловича (1241 г.). Скорее всего, подлинной причиной этого похода было то, что болоховские города не пострадали от татарского нашествия и, поэтому, были желанной целью для грабежа со стороны разоренных Ордой галичан. Не случайно летописец пишет, что после нападения галичан «не осталось ничего в их городах, что бы ни было пленено» ¹²⁹.

В 1242 г. сын Михаила Черниговского Ростислав, которому Романовичи обещали Луцк, при поддержке галицких бояр захватил Га-

лич. Романовичи, собрав дружины, двинулись на город. Ростислав и его сторонники, узнав об их приближении, «не выдержали» и бежали. Романовичи, бросившиеся в погоню за ними, прекратили преследование, получив весть о том, что татары из Венгрии идут в Галицкую землю¹³⁰. Даниил, узнав о приближении Батыея, оставил захваченный у Ростислава Галич и бежал к Василько во Владимир. Татары, не встречая сопротивления, разорили галицкие земли¹³¹.

Когда опасность миновала, Даниил и Василько «устанавливают порядок в земле», рассылая по городам своих наместников. В связи с этим летописец сообщает о событии, красноречиво говорящем о том, как Романовичи это делали: один из их воевод ограбил и «как узника» привел князю «знаменитого певца Митусу, когда-то из гордости не захотевшего служить князю Даниилу»¹³².

В 1243 г. Романовичи начали войну с Краковским князем Болеславом V, вторгшись в его владения «четырьмя дорогами», и «разграбили землю Люблинскую до самой реки Вислы и Сана». После ответного нападения поляков на Волынь, Романовичи «со всеми воинами и пороками» двинулись на Люблин. «Как дождем» засыпав город стрелами и камнями, нападавшие принудили его защитников к сдаче. После чего «Даниил с братом вернулись, пограбив ту страну»¹³³.

Тем временем, Ростислав Михайлович уговорил своего тестя, венгерского короля, напасть на волынский Перемышль. Это нападение было отбито, и Ростислав бесславно вернулся в Венгрию. Затем последовало успешное отражение набегов на волынские земли литовцев и ятвигов. В ходе последнего отличился Василько, выступив на врага из Владимира, в то время как Даниил был в Галиче¹³⁴. Эти события стали преддверием решающей битвы за Галич между Ростиславом Михайловичем и Романовичами.

В 1245 г. Ростислав с венграми и поляками осадил город Ярослав. Романовичи с половцами выступили на помощь осажденным. Описание последующего сражения — достаточно подробное, но не информативное — содержит намеки на какие-то события, возможно бросающие тень на Даниила. Так, в ходе битвы при неуказанных обстоятельствах Даниил попал в плен к венграм. Не менее таинственным образом ему благополучно удалось вырваться из рук противника, после чего он в гневе казнил венгерского воеводу Фильнея, у которого находился в плену во время сражения¹³⁵.

Отечественная историография оценивает значение Ярославского сражения, как окончательное торжество Даниила над своими противниками, ознаменовавшее победное окончание длительной борьбы Романовичей за Галич¹³⁶. В действительности это был всего лишь финальный эпизод бессмысленного соперничества галицких, смоленских и черниговских князей, которое вынуждено было прекратиться с подчинением русских князей Орде¹³⁷. Реальным полновластным властителем в Галицко-Волынском княжестве Даниил стал только после успешного визита в Орду, превратившись сразу же в одну из самых авторитетных фигур в регионе¹³⁸.

Таким образом, нашествия Орды на Галицко-Волынскую Русь Романовичи благополучно переждали в Венгрии и Польше. В дальнейшем они воевали с сыном Михаила Черниговского, болоховски-

ми князьями, поляками, венграми, литовцами, ятвигами — в общем, с кем угодно, только не с татарами.

В 1245 г. к Романовичам прибыл татарский посол, чтобы потребовать: «Дай Галич»¹³⁹. Братья посовещались, и Даниил, сказав: «не отдам половину своей отчины, поеду к Батью сам», отправился в Орду¹⁴⁰. После визита в Орду Даниила Мстиславича князья Юго-Западной Руси ее больше не посещали, ярлыков на княжение не получали. Батый принял Даниила исключительно любезно, демонстрируя ему свое уважение: не заставлял раболепствовать и не требовал демонстративного проявления покорности. Даже предложил ему пить вино вместо непривычного князю кумыса. А самое главное, не выдвигал больше требования отдать ему половину княжества. Но, даже такой «радушный» прием в ханской ставке и успешное завершение миссии галицкий летописец описывает как тяжкое бремя и невыносимое унижение.

Но, несмотря на притворные стенания летописца о том, что «злая зла честь татарская», вряд ли власть Орды действительно настолько тяготила Даниила¹⁴¹. Ничего не известно о том, какие она накладывала на него обязательства, кроме участия в военных походах и запрет на укрепление городов. Последний, как показал случай с неудачной попыткой Бурундая овладеть Холмом, можно было обойти, а совместные походы с монголами на Литву и Польшу были выгодны Даниилу даже в большей степени, чем ордынцам.

Роль Даниила Галицкого в сопротивлении Орде отечественная историография преуменьшает, считая ее неудачной: Даниилу не только пришлось капитулировать перед Ордой, но и признать власть Папы. Однако подобная оценка представляется ошибочной и вот почему: номинальное признание вассалитета от Орды и принятие короны от Папы способствовало укреплению власти Романовичей в Галицко-Волынском княжестве и, в этом смысле, их политика была не только прагматичной, но также эффективной и успешной.

Отношения Даниила с Ордой и Римом — лишь эпизоды, обусловленные продолжением борьбы Романовичей за власть в Галицко-Волынской Руси, а не реализация плана по созданию международной антимонгольской коалиции, как это представляет отечественная историография. Задача получения ярлыка на княжение от хана и короны от Папы — легимитизация княжеской власти, которая теперь опиралась на поддержку ордынских туменов и европейских союзников¹⁴².

Получение ордынского ярлыка позволило Романовичам начать активно участвовать в европейской политике. В 1248 г. Даниил и Василько с половцами совместно с польским князем Земовитом Мазовецким участвовали в походе на ятвигов и пруссов, красочно описанном летописцем: «И многих христиан Даниил и Василько избавили от плена, и те пели им песнь славы, ведь Бог им помог, и вернулись они со славой в свою землю, следуя пути своего отца, великого Романа, который некогда устремлялся на поганых, как лев, так что им половцы пугали детей»¹⁴³.

В 1248 или начале 1249 г. к Даниилу за помощью обратился венгерский король Бела IV, воевавший с «немцами» (чешским королем Пшемыслем-Оттокаром). Даниил прибыл на встречу с венгерским королем, который приветствовал его лестными словами: «Твой приезд дороже мне тысячи серебра»¹⁴⁴. Летопись сообщает только об уча-

стии Даниила в переговорах Белы с немецкими послами. Видимо этим его помощь королю и ограничилась.

В то же время в Литве началась междоусобица, чем решили воспользоваться Романовичи, послав посольства в Ригу, Польшу, к ятвигам и жмуди¹⁴⁵. Даниил оказал поддержку литовскому князю Тевтивилу против Миндовга.

В 1252 г. Бела IV, желая «захватить Немецкую землю», отправил Даниилу предложение: «Пошли мне сына своего Романа, и я отдам за него сестру герцога и передам ему Немецкую землю». Потом он послал к Даниилу, сказав: «Ты мне родственник и сват, помоги мне против чехов». Даниил откликнулся на призыв Белы, по словам летописца, «ради славы», потому что ни один русский князь до него не воевал в Чехии¹⁴⁶.

В бою у приграничного чешского городка Опава у Даниила внезапно заболели глаза. Летописец сообщает, что по этой причине город взять не удалось. Другой городок, окруженный невысоким валом и защищенный только еловым палисадом, хотели поджечь, но этому помешал сильный ветер и отсутствие дров и соломы, которых не оказалось в окрестностях уже преданных огню¹⁴⁷.

Разграбив все, что было возможно, и, захватив лишь один из моравских городков, жители которого предпочли сдаться на милость победителей, Романовичи закончили кампанию, которая так и не принесла им вожделенной славы.

Следующий год летопись начинает с сообщения о папских послах, которые венчали Даниила королевской короной. В связи с этим летописец не преминул подчеркнуть, что до этого Даниилу уже присылали корону от Папы, но он отказался ее принять, пока ему не будет обещана помощь против татар. Да и в этот раз принять корону его убедили только настойчивые уговоры матери и польских князей и бояр, обещавших ему свою помощь против «поганных»¹⁴⁸. Другим аргументом, склонившим Даниила к принятию короны, стало то, что сам Папа Иннокентий выступил как защитник православной веры от «хулителей»¹⁴⁹.

Сообщение Плано Карпини о встрече с Романовичами, которые буквально насильно удерживали его у себя, позволяет усомниться в достоверности такой интерпретации, цель которой — оправдать в глазах отличающейся религиозной нетерпимостью православной аудитории переговоры Даниила с Папой. Из свидетельства Карпини следует, что инициатива переговоров с Ватиканом исходила непосредственно от Романовичей, и они отправили послов к Иннокентию IV еще за пять-шесть лет (в 1246—1247 гг.) до того, как состоялась описанная в летописи встреча папских послов с Даниилом в его владениях¹⁵⁰.

Полагаясь на поддержку поляков, Даниил, ведя одновременно войну с ятвигами, отправил своего сына Льва в Бакоту, где последний пленил татарского баскака, потребовав от него присягнуть Даниилу. В ответ темник Куремса попытался взять близлежащий Каменец (1254 г.)¹⁵¹.

Конфликтом Даниила с татарами решил воспользоваться князь Изяслав Мстиславич, предложивший Куремсе пойти на Галич. Куремса отказался, якобы заявив, что «князь Даниил лют. Если он за-

хочет отнять у тебя жизнь, то кто тебя спасет?»¹⁵² Конечно, слова Куремсы, приписываемые ему летописцем, не свидетельствуют о его слабости и бездеятельности, как это видится Костомарову, а говорят о том, что у него не было полномочий лишать Даниила ярлыка на Галич и наделять им другого претендента. Более того, то, что Романовичам стало известно о намерении Изяслава, и его, не ожидающего нападения, перехватили по дороге, может свидетельствовать о том, что Даниила предупредил Куремса.

Даниил, сам предаваясь охоте на вепрей под Владимиром, выслал против Изяслава своего сына Романа, который неожиданно напал на Изяслава и пленил его после того, как тот спустился с церковных сводов, где со своими воинами пытался укрыться. Описанные события говорят о том, что это был не военный конфликт, а попытка переворота: Изяслав, видимо, полагал, что его появление в Галиче будет достаточным поводом для смещения Даниила. Из этого следует, что положение Даниила в Галиче и после победы в Ярославском сражении, получении ордынского ярлыка и папской короны было не столь прочным, и многие галичане продолжали относиться к Романовичам так же, как «знаменитый певец» Митуса.

Тогда же сын литовского князя Миндовга Войшлек заключил мир с Романовичами и скрепил этот союз династическим браком своей сестры с сыном Даниила Шварном. После этого, передав свои владения Роману Данииловичу, Войшлек принял монашество и удалился в монастырь.

Зимой 1254—1255 гг. Романовичи совместно с дружинами польских князей совершили большой поход против ятвигов, в котором участвовали и три сына Даниила: Лев, Шварн и Роман. Войско союзников было таким большим, что «можно было болота ятвяжские наполнить этими полками»¹⁵³. Целью войны был геноцид ятвигов: встреченные на пути поселения уничтожались вместе с жителями, все, что воины не могли унести, сжигалось¹⁵⁴. Избежавшие расправы прятались в болотах и на островах. Понимая, что не могут оказать сопротивления объединенному русско-польскому войску, ятвиги пришли с просьбой о мире, прося не убивать пленных. Победители взяли заложников, дань серебром и мехами и «по Божьей милости, с честью и славой вернулись в свою землю, одолев врагов своих»¹⁵⁵. Это поражение ятвигов означало начало исчезновения этой народности, которая была вынуждена искать убежища у родственных пруссов и литовцев и, в конечном итоге, была ими ассимилирована.

В ответ на нападение Куремсы на Каменец Даниил «начал войну против татар» (в действительности против неподвластных Романовичам городов Киевской земли), в которой ему обещал оказать содействие Миндовг¹⁵⁶. Рассматривать эти действия как антитатарское выступление — большое допущение. Видимо речь идет о том, что Даниил обложил данью города, которые в результате нашествия оказались в буферной зоне и не платили дань ни Орде, ни русским князьям.

Литовцы же Миндовга, не успевшие поучаствовать в набеге, довольствовались тем, что разграбили окрестности Луцка. Горожане преследовали их и загнали в озеро: «И набралось в озере трупов, и щитов, и шлемов столько, что местные жители имели доход, вытаскивая их. Страшную резню устроили литовцам!»¹⁵⁷

В том же 1255 г. летописец сообщает о «внезапном» нападении Куремсы. Романовичи стали собирать войска. Даниил был в своей резиденции в Холме, когда там внезапно вспыхнул сильнейший пожар по вине «окаянной бабы». Пожар был виден даже из Львова. «Люди подумали, что город был зажжен татарами, разбежались по лесам и после этого не могли собраться». В свою очередь, Куремса попытался взять Луцк, но неудачно и, не преуспев ни в чем, вернулся в степь ¹⁵⁸.

Даниил был занят восстановлением Холма после пожара, когда к нему явились послы от Бурундая, требуя принять участие в походе на Литву. Даниил послал вместо себя Василько, мотивируя такое решение тем, что, если поедет он сам, то «не будет добра» ¹⁵⁹. Видимо, во время этого похода, погиб сын Даниила Роман, который княжил в пожалованных ему ранее Войшлеком литовских городах. Романа пленил Войшлек и, возможно, он был казнен из-за того, что Романовичи нарушили мир, выступив против литовцев вместе с татарами. После этого Даниил с сыном Львом тоже присоединился к Василько и татарам Бурундая, надеясь захватить Войшлека (1258 г.).

На следующий год Бурундай обратился к Романовичам: «Если вы мои союзники, встретьте меня. А кто меня не встретит, тот мой враг». Василько с сыном Даниила Львом, взяв «дары многие и угощения», поехал к Бурундаю, а Даниил сам ехать не осмелился и вместо себя послал холмского епископа Иоанна. На состоявшейся встрече Бурундай «сильно гневался» и потребовал: «Если вы мои союзники, разрушите все укрепления городов своих» ¹⁶⁰.

Епископ Иоанн передал Даниилу требование Бурундая. О реакции князя на это известие летописец повествует лаконично: «Даниил испугался, и бежал в Ляшскую землю, и из Ляшской земли побегал в Угорскую» ¹⁶¹. Обвинение Даниила в том, что он оказался трусом, перечеркивает все предыдущие старания летописца представить его как мужественного воина, достойного продолжателя дела своего отца Романа Мстиславича.

Но непонятно, почему летописец утверждает, что причиной бегства Даниила был страх. Ведь, если он и испугался, то это случилось тогда, когда он не решился лично предстать перед Бурундаем, послав вместо себя брата, старшего сына и холмского епископа. Казалось бы, после того как эта встреча состоялась, и Бурундай высказал свои требования, Даниилу лично уже ничего не угрожало. Тем не менее, именно после этого он бежал, причем не в Венгрию к своему свату, а сначала в Польшу, на которую собрался напасть Бурундай. Тогда бегство Даниила вызвано не испугом, а его нежеланием участвовать в уничтожении укреплений городов по требованию Бурундая и намерением предупредить польских князей о предстоящем нападении татар. Последующие события показали, что мудрая политика Романовичей, согласно которой Даниил бежит от татар, а Василько с ними сотрудничает, оказалась эффективной.

Василько Романович и Лев Данилович с необычайным рвением исполняли волю Бурундая, уничтожая городские укрепления (1259 г.). Хитростью Василько удалось спасти только укрепления княжеской резиденции Холма. А Бурундай двинулся на Польшу, где уничтожил Сандомир вместе со всеми жителями. Князя Василько и Лев не только

приняли участие в этом походе, но и стали, по словам Карамзина, «невольным орудием в злодействах» татар на польской земле ¹⁶².

Однако после сандомирской резни поляки не предприняли ответного нападения на владения Романовичей. Этого не произошло именно благодаря «бегству» Даниила в Польшу. Видимо, Даниилу, обладавшему даром расположить к себе, удалось убедить польских князей в том, что Василько и Роман вынуждены участвовать в татарском походе, чтобы спасти свои жизни и не допустить нового разорения Ордой Галицко-Волынской Руси. В результате, когда Бурундай ушел в степь, русские и польские князья собрались в Тернаве (1262 г.). В этом съезде участвовал Даниил с сыновьями Львом и Шварном и Василько с сыном Владимиром. Князья заключили договор, содержание которого летописец не раскрывает.

Это предпоследнее упоминание о Данииле в Галицко-Волынской летописи. Следующая запись сообщает о его смерти в результате «тяжелой болезни» и о том, что Даниил был похоронен в Холме (1264 г.). «Этот король Даниил был князь добродетельный, храбрый и мудрый, создал много городов, построил церкви и украсил их различными украшениями. И еще он прославился братолюбием с братом своим Васильком. Этот Даниил был вторым после Соломона» ¹⁶³. Это все, что мог сказать летописец в качестве эпитафии на смерть Даниила Романовича. Ни слова про то, на что Даниил потратил практически всю свою жизнь, — борьбу за Галич. Это ли не иллюстрация к изречению Соломона, с которым летописец сравнивает Даниила, о том, что все суета сует?

Примечания

1. «Начнем рассказывать о бесчисленных ратях, и о великих деяниях, и о частых войнах, и о многих крамолах, и о частых восстаниях, и о многих мятежах; смолоду не было покоя Даниилу и Васильку». Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. СПб. 1908, с. 750.
2. КОСТОМАРОВ Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х книгах. Кн. 1. М. 1995, с. 125.
3. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Кн. II. М. 1988, с. 125.
4. ПСРЛ, т. 2, с. 717, 719.
5. ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений в 8-ми томах. История Российская. Т. IV. М. 1994, с. 332.
6. ФЕННЕЛ ДЖ. Кризис средневековой Руси 1200—1304. М. 1989, с. 61.
7. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 332.
8. ПСРЛ, т. 2, с. 717.
9. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. М. 1997, л. 143об.
10. Там же, л. 144.
11. «Романовичи видя мятеж великий испугались и, не дождавшись короля, бежали из Галича в свою вотчину Владимир». ПСРЛ, т. 1, л. 144.
12. Там же, л. 144—144об.
13. «Может быть, сама вдовствующая супруга Романа убедила Короля Венгерского согласиться на сие избрание, в надежде, что отец Ярослав сильный Всеволод Георгиевич, вообще уважаемый, обуздает там народ мятежный и со временем возвратит Даниилу достояние его родителя. Но Черниговские Князья имели в Галиче доброхотов, в особенности Владислава, знатного Вельможу, бывшего изгнанником в Романово время. Он вместе с другими единомышленниками представлял согражданам, что Ярослав слишком молод, а Великий Князь слишком

- удален от их земли; что им нужен защитник ближайший; что Ольговичи без сомнения не оставят Галицкой области в покое, и что лучше добровольно поддаться одному из них». КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Т. 3. СПб. 1818, с. 116—117.
14. ПСРЛ, т. 2, с. 718.
  15. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 118.
  16. ПСРЛ, т. 2, с. 718.
  17. Там же, с. 719.
  18. «Когда Даниил был в Угорской земле, король Андрей (Андраш II. — *А.Н.*), бояре угорские и вся земля хотели отдать королевскую дочь за князя Даниила — они оба были еще детьми, — потому что у короля не было сына». ПСРЛ, т. 2, с. 723.
  19. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 127.
  20. КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 103.
  21. ПСРЛ, т. 2, с. 723—724.
  22. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., т. IV, с. 342.
  23. КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 106.
  24. «Князья Роман, Святослав и Ростислав были захвачены, и угры хотели отвести их к королю, а галичане из мести просили, чтобы их повесили. Они подкупили угров большими подарками, и были преданы на повешенье князья Игоревичи». ПСРЛ, т. 2, с. 717.
  25. СТРЫЙКОВСКИЙ М. Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси. Т. I. Кн. 6. URL:vostlit.info/Texts/rus7/Strykovski_2/text6.htm.
  26. ПСРЛ, т. 2, с. 727.
  27. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. «Хронологія подій Галицько-Волинського літопису». Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 41. Львів. 1901. URL:<http://litopys.org.ua/hrs/hrs06.htm>.
  28. ПСРЛ, т. 2, с. 727.
  29. Там же, с. 729.
  30. КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 107.
  31. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 165.
  32. ПСРЛ, т. 2, с. 729.
  33. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 166.
  34. ПСРЛ, т. 2, с. 730.
  35. Там же, с. 731.
  36. «Король послал захватить Владислава в Галиче и заточил его; и тот в заточенье умер: он причинил большое зло всему своему роду и детям своим ради княжения». ПСРЛ, т. 2, с. 731.
  37. Там же.
  38. Новгородская летопись сообщает о добровольном отказе Мстислава Удалого от княжеского престола и его отъезде в Киев под 1215 годом. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. Т. 3. М. 2000, л. 80.
  39. ПСРЛ, т. 2, с. 732.
  40. «Коломан, примерно одновременно со входом в Галич, велел католическим епископам, которых привел с собой из Паннонии, помазать и короновать себя, величая и титулуя королем Галации, а супругу свою Саломею — королевой, ибо так научил его отец, венгерский король. Когда Коломан совершил такое, не посоветовавшись с русскими, это оттолкнуло их сердца, и без того непостоянные, наполнив их ненавистью и смущением, ибо они подозревали, что эта коронация приведет к гибели и их обряда, и их народа. Все сговариваются против Коломана, и когда войско Коломана, которое сопровождало его в Галич, вернулось в Венгрию и Коломан чувствовал себя в безопасности, князь Руси Мстислав Мстиславич при поддержке русских и половцев подошел к Галичу». СТРЫЙКОВСКИЙ М. Ук. соч., т. I, кн. 6.
  41. ПСРЛ, т. 2, с. 732.
  42. Там же, с. 732.
  43. Лестьку (Лешеку) показалось, что Даниил захватил Берестье по совету Мстислава, и послал Лестьку сказать королю: «Не хочу я части в Галиче, отдай его зятю моему». ПСРЛ, т. 2, с. 733.

44. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Ук. соч.
45. ПСРЛ, т. 2, с. 734.
46. Там же, с. 735.
47. Там же.
48. «Но ляхи не переставали вредить — и Даниил навел на них литву; те повоевали ляхов и многих среди них перебили». ПСРЛ, т. 2, с. 736.
49. Там же.
50. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 180.
51. НПЛ, л. 92; Ипатьевская летопись, с. 737.
52. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 183.
53. Там же, с. 184.
54. «И в ту ночь в субботу Даниил и Васильке разорили окрестности Белза и Червена, и вся страна была разорена, боярин боярина грабил, смерд смерда, горожанин горожанина, так что не осталось ни одной деревни не разграбленной. Так говорится в Писании: «Не оставлю камня на камне». Эту ночь белжане называют злой ночью, ибо эта ночь сыграла с ними злую игру — они были разорены до рассвета». ПСРЛ, т. 2, с. 739.
55. «Мстислав же сказал: “Пожалей брата Александра”, и Даниил воротился во Владимир, уйдя от Белза». ПСРЛ, т. 2, с. 739.
56. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 186.
57. ПСРЛ, т. 2, с. 740.
58. Грушевский полагает, что Холм был основан позднее — около 1237 года. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Ук. соч.
59. ПСРЛ, т. 2, с. 740—741.
60. Там же, с. 744.
61. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 102.
62. ПСРЛ, т. 2, с. 742.
63. «Это простые люди, хуже половцев». Там же, с. 742.
64. Там же, с. 744. Здесь летописец противоречит своему же утверждению о том, что, когда погиб отец Романа Мстиславича (1205 г.), его сыну было четыре года. ПСРЛ, т. 2, с. 717. Следовательно, к 1223 г. Даниилу было не восемнадцать, а двадцать два года. Возможно, в данном случае летописец специально приуменьшает возраст князя, чтобы оправдать его безрассудное поведение в битве на Калке.
65. ПСРЛ, т. 2, с. 744.
66. «Даниил крепко боролся, избивая татар. Увидел это Мстислав Немой и, подумав, что Даниил ранен, сам бросился на них, ибо был он муж сильный...» Там же, с. 744.
67. Там же, с. 745.
68. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 252—253.
69. ПСРЛ, т. 2, с. 746.
70. Там же.
71. Там же.
72. Там же, с. 750.
73. ДУРАСОВ В. «Родословная книга всероссийского дворянства». СПб. 1906, с. 42, 48.
74. ПСРЛ, т. 2, с. 751.
75. Там же.
76. Там же, с. 752.
77. Там же.
78. Там же, с. 753.
79. КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 108.
80. JASIŃSKI K. Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich. Poznań-Wrocław. 2001, р. 26—27.
81. ПСРЛ, т. 2, с. 758.
82. Там же, с. 755, 757.
83. Там же, с. 757.
84. Там же.

85. Там же, с. 758. Сообщение галицко-волынского летописца о захвате Галича Даниилом следует за сообщением о том, что Василько Романович «поехал на свадьбу своего шурина в Суздаль, к великому князю Юрию», а Лаврентьевская летопись это событие относит к 1230 году. ПСРЛ, т. 1, л. 157.
86. Там же, т. 2, с. 760.
87. «Андрей пришел к отцу своему и брату, а Судислав непрестанно говорил: “Идите на Галич и захватите землю Русскую. Если не пойдете, они станут сильнее нас”». ПСРЛ, т. 2, с. 760.
88. Там же.
89. Там же, с. 761.
90. Там же, с. 762
91. Там же, с. 762—763.
92. Там же, с. 763.
93. Там же.
94. КАРАМЗИН. Н.М. Ук. соч., с. 270.
95. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Ук. соч.; С.М. Соловьёв относит эти события к 1231 году. Ук. соч., с. 128—129.
96. ПСРЛ, т. 2, с. 766.
97. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Ук. соч.
98. ПСРЛ, т. 2, с. 767.
99. Там же, с. 768.
100. Даниил утром собрался, но не знал о брате, где он и с кем. Там же, с. 769.
101. «Даниил же приблизился к ним, чтобы вызвать на бой, и не увидел у них воинов, а только отроков, держащих коней. Те же, узнав его, пытались мечами убить его коня. Милостивый Бог вынес его из вражьих рядов без ран, только концом острия меча на бедре его коня срезана была шерсть». ПСРЛ, т. 2, с. 769.
102. «... но дружина Даниилова не отвечала храбрости князя своего и в конце дела обратилась в бегство...» СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 129.
103. «Потом прислал Александр к братьям Даниилу и Васильку с речью: “Нехорошо мне быть без вас”. Они же приняли его с любовью». ПСРЛ, т. 2, с. 770.
104. Там же, с. 770.
105. «Глеб Зеремеевич перешел на его сторону, после чего Даниил и Василько немедленно отправились к Галичу, где были встречены большею частию бояр: ясно, что переход Глеба произошел с согласия целой стороны боярской; Даниил занял всю волость, роздал города боярам и воеводам (как видно, с этим условием они и призвали его, не надеясь получить того же от венгров. — А.Н.) и осадил королевича с Дианишем и Судиславом в Галиче». СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с.129.
106. ПСРЛ, т. 2, с. 771—772.
107. «Неизвестно, что сделал Данило с этим человеком, так бесчестно поступавшим с ним много раз, но с тех пор имя его не упоминается в летописях». КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 111.
108. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 372.
109. «Бой был у Чернигова лют, даже таран против него поставили, метали камни на полтора перестрела, а камень был таков, что поднять его под силу было четверем мужам сильным». ПСРЛ, т. 2, с. 772.
110. «Не подобает ли воину, устремившемуся на битву,— или завоевать победу, или погнубить в бою? Я удерживал вас. Теперь же вижу, что трусливую душу имеете. Не говорил ли я вам, что не следует усталым воинам идти против свежих? А теперь что смущаетесь? Выходите против них!» Там же, с. 773.
111. Там же, с. 773; т. 3, л. 119об.
112. «Даниил прибежал в Галич, Василько был в Галиче с полком и встретил своего брата. Борис Межибожский, по совету Доброслава и Збыслава, послал к Даниилу сказать: “Изяслав и половцы идут к Владимиру”. Это был обман. Даниил велел сказать брату. “Стереги Владимир”. Когда галицкие бояре увидели, что Василько с полком ушел, подняли мятеж. Судислав Ильич сказал: “Князь, слова галичан лживы, не погуби себя, уходи отсюда!” Даниил, узнав про их мятеж, ушел в Угорскую землю». ПСРЛ, т. 2, с. 774.

113. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 272—273.
114. «Когда наступила зима, Василько пришел к Галичу, взяв ляхов. Даниил тогда пришел к своему брату из Угорской земли. Повоевали они, не доходя до Галича, и вернулись к себе». ПСРЛ, т. 2, с. 774.
115. «Данииловы бояре, выйдя из Каменца, соединились с торками и догнали галичан. И побеждены были коварные галичане. И все князья болоховские были схвачены, и привезли их во Владимир к князю Даниилу». Там же, с. 775.
116. Там же, с. 777.
117. Там же, с. 782—783.
118. Там же, с. 783.
119. Там же, с. 786.
120. «Батый же, взяв Киев, узнал, что Даниил в Угорской земле, пошел сам на Владимир и подошел к городу Колодежну». ПСРЛ, т. 2, с. 786.
121. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч. Т. 4. СПб. 1819, с. 11, 20.
122. «Дмитр, киевский тысяцкий Даниила, сказал Батыю: “Не медли так долго на этой земле, пора тебе идти на угров. Если замедлишь, земля та укрепитя! Соберутся против тебя и не пустят тебя в свою землю”. Он так сказал потому, что видел, как гибнет Русская земля от нечестивого. Батый послушал совета Дмитра и пошел на угров». ПСРЛ, т. 2, с. 786.
123. Там же, с. 787.
124. «Даниил сказал так: “Нехорошо нам оставаться здесь, близко от воюющих против нас иноплеменников”. Он пошел в землю Мазовецкую к Болеславу, сыну Кондрата. И дал ему князь Болеслав город Вышегород. И оставался он там до тех пор, пока не пришла весть, что ушли из Русской земли безбожные». Там же, с. 787—788.
125. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Ук. соч.
126. ПСРЛ, т. 2, с. 789.
127. Там же, с. 789—790.
128. КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 112.
129. ПСРЛ, т. 2, с. 793.
130. Там же, с. 793.
131. «Когда Даниил был в Холме, прибежал к нему половчанин по имени Актай, говоря: “Батый вернулся из Угорской земли и послал двух богатырей искать тебя — Манымана и Балая”. Даниил запер Холм и поехал к брату своему Васильку, взяв с собой митрополита Кирилла. Татары разорили все до Валдавы и по озерам много зла учинили». Там же, с. 794.
132. Там же, с. 794.
133. Там же, с. 795—797.
134. «И нещадно избивали их, и гнали их много поприщ, и было убито сорок князей, и многие другие были убиты, и не устояли ятвяги. И послал Василько весть об этом брату своему в Галич. И была большая радость в Галиче в тот день». Там же, с. 799.
135. «Тогда же и Филя (венгерский полководец Филней. — А.Н.) гордый был взят в плен дворским Андреем, и был приведен к Даниилу, и был убит Даниилом. Жирослав же привел Владислава, злого мятежника земли. В тот же день и он был убит, и многие другие были убиты в гневе». ПСРЛ, т. 2, с. 804.
136. «Ярославская победа окончательно утверждала Даниила на столе галицком: с этих пор никто из русских князей уже не беспокоил его более своим соперничеством; венгры также оставили свои притязания; должны были успокоиться и внутренние враги народа, бояре, не имея более возможности крамолить, не находя соперников сыну Романову». СОЛОВЬЁВ. С.М. Ук. соч., с. 168.
137. «Возникает вопрос, что побудило смоленских, черниговских и галицких князей к такому неистовому и, по всей видимости, бессмысленному соперничеству. Жадность? Стремление превзойти своих предшественников и достичь власти над всем югом Руси? Или же это было просто тщеславное желание занять престол в городе, все еще считавшемся матерью городов русских? Какова бы ни была причина, результаты налицо: к 1239—1240 годам, времени последнего нападения татар на Русь, даже уже к 1237 году Ольговичи и Ростиславичи истощили свои военные

- ресурсы. Даже Даниилу, оказавшемуся самым сильным и правившему в эти годы Галицкой землей и Киевским княжеством, необходимо было время, чтобы восполнить потери в людях и имуществе». ФАННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 114.
138. «Между тем Государи соседственные, уstraшенные его дружественною связию с Ордою, начали оказывать к нему гораздо более уважения... Боясь, чтобы Моголы, как покровители Даниила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложил ему тесный союз и выдал меньшую дочь, именем Констанцию, за его сына, Льва». КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 39.
139. Галицко-Волынская летопись относит это событие к 1250 году. ПСРЛ, т. 2, с. 805; Ярославское сражение — к 1249 г.; отражение набега ятвигов — к 1248 г.; двух набегов литвы — к 1246—1247 гг.; поход Романовичей на Люблин — к 1245 году.
140. ПСРЛ, т. 2, с. 806.
141. Там же, с. 807.
142. «Подчинение хану, хотя, с одной стороны, унижало князей, но зато, с другой, укрепляло их власть. Хан отдавал Данилу, как и другим князьям, земли его в вотчину. Прежде Данило, как и прочие князья, называл свои земли отчинами, но это слово имело другое значение, чем впоследствии слово вотчина. Прежде оно означало не более, как нравственное право князя править и княжить там, где княжили его прародители. Но это право зависело еще от разных условий: от воли бояр и народа, от удачи соперников, в которых не было недостатка, от иноплеменного соседства и от всяких случайностей. Князья должны были постоянно беречь и охранять себя собственными средствами. Теперь князь, поклонившись хану, предавал ему свое княжение в собственность, как завоеватель, и получал его обратно как наследственное владение; теперь он имел право на покровительство и защиту со стороны того, кто дал ему владение. Никто не мог отнять у него княжения, кроме того, от кого он получил его. Вечевое право, выражаемое волею ли бояр, волею ли всего народа, необходимо должно было смолкнуть, потому что князь мог всегда припугнуть непокорных татарами. Соседний князь не отваживался уже так смело, как прежде, выгонять другого князя, потому что последний мог искать защиты в сильной Орде. Князья становились государями». КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 217.
143. ПСРЛ, т. 2, с. 813.
144. Там же, с. 814.
145. «Сейчас время идти христианам на язычников, потому что у них война между собой». Там же, с. 815.
146. «А Даниил-князь хотел идти воевать и ради короля, и ради славы — ведь не было прежде в Русской земле никого, кто бы завоевывал Чешскую землю: ни Святослав Храбрый, ни Владимир Святой». Там же, с. 821.
147. «Ветер сильно дул на город, а город был построен из елового леса, вал же был низким. Воины ездилИ взад-вперед, искали дров и соломы, чтобы забросить в город, и ничего не нашли. Все пожег Владислав в окрестности и поблизости, и поэтому не смогли поджечь город». Там же, с. 825.
148. Прислал папа почетных послов, принесших венец, скипетр и корону, которыми выражается королевское достоинство, с речью: «Сын, прими от нас королевский венец». Он еще до этого присылал к нему епископа беренского и каменецкого, говоря: «Прими венец королевский». Но в то время Даниил их не принял, сказав: «Татарское войско не перестает жить с нами во вражде, как же могу я принять от тебя венец, не имея от тебя помощи?» Опизо пришел и принес венец, обещая: «Будет тебе помощь от папы». Он, однако, не желал, и убедили его мать его, Болеслав, Семовит, ляхские бояре, чтобы он принял венец, говоря ему: «А мы будем тебе в помощь против поганых». Там же, с. 826—827.
149. «Иннокентий предавал проклятью тех, кто хулил православную греческую веру, и хотел собрать собор об истинной вере, о воссоединении церквей». Там же, с. 827.
150. «Даниил и Василько, брат его, устроили нам большой пир и продержали нас против нашей воли дней с восемь. Тем временем, они совещались между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми о том, о чем мы говори-

ли с ними, когда ехали к Татарам, и единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь владычицей, и учительницей, причем подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу чрез своего аббата, и послали также с нами касательно этого к Господину Папе свою грамоту и послов». ПЛАННО КАРПИНИ. История Монголов. СПб. 1911, с. 61.

151. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Ук. соч.

152. ПСРЛ, т. 2, с. 827.

153. Там же, с. 831.

154. «И жгли дома их, и разоряли села их»; «А что не смогли съестъ сами и кони их — все сожгли». Там же, с. 834.

155. Там же, с. 835.

156. Там же, с. 838.

157. Там же, с. 840.

158. Там же, с. 840—842.

159. Там же, с. 846.

160. Там же, с. 849.

161. Там же, с. 850.

162. «Так, сии Князья (Василько и Лев. — А.Н.) уговорили Сендомирского начальника сдать, обещая ему и гражданам безопасность; но с горестию должны были видеть, что Моголы, в противность условию, резали и топили народ в Висле». КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 85.

163. ПСРЛ, т. 2, с. 862.

«Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949—1950 гг.

А.Н. Фёдоров

Аннотация. В статье рассмотрены обстоятельства замены партийного руководства Челябинской области в 1950 году. У «челябинского дела» имелись объективные причины: некомпетентность местного руководства, клановость, нарушение основных норм внутривнутрипартийной жизни, злоупотребления директоров крупных предприятий и т.д. Необходимость замены руководства области обозначилась к 1948 г., но, благодаря негласной поддержке А.А. Кузнецова и Н.С. Патолочева, ее удалось избежать. Перемены наступили только в 1949 г., когда в высшем руководстве страны усилились позиции Г.М. Маленкова, а в Челябинской области прошла серия громких скандалов (дело Зальцмана, дело челябинского комсомола, «магнитогорское дело»). Из-за насыщенности внутривнутриполитической и внешнеполитической жизни второй половины 1949 г. и значения региона кадровые перестановки прошли здесь в 1950 г. и затронули только секретарей Челябинского обкома ВКП(б). Такие кадровые перестановки позволили решить проблемы, с которыми не справилось прежнее руководство.

Ключевые слова: А.А. Белобородов, И.М. Зальцман, кадровые чистки, А.А. Кузнецов, А.В. Лесков, Г.М. Маленков, Челябинский обком ВКП(б), «челябинское дело», Центральный Комитет ВКП(б).

Abstract. The article describes the replacement of the party leadership of Chelyabinsk region in 1950. «Chelyabinsk affair» had several objective reasons: incompetence of the local leadership, clanship, violation of basic norms of the intraparty life, abuse of directors of large plants, etc. Need of replacement of leaders of this region was clear by 1948, but thanks to A.A. Kuznetsov and N.S. Patolichev's support it was succeeded to avoid. Change came only in 1949, when G.M. Malenkov's positions in the top management amplified, and in the Chelyabinsk region was a series of scandals (Zaltsman's affair, affair of Chelyabinsk Komsomol, «Magnitogorsk affair»). Due to the saturation of the domestic and foreign policy of the second half of 1949 and the value of the region personnel purges took place here in 1950 and affected only the secretaries of Chelyabinsk Regional Committee of VKP(b). Such personnel changes allowed solving problems that the previous leadership did not deliver.

Key words: A.A. Beloborodov, I.M. Zaltsman, personnel purges, A.A. Kuznetsov, A.V. Leskov, G.M. Malenkov, Chelyabinsk regional committee of VKP(b), «Chelyabinsk affair», Central Committee of VKP(b).

Кадровые перестановки первых послевоенных лет неизменно привлекают внимание отечественных историков. Постоянное обновление источниковой базы, рассмотрение смежных тем, выявление не-

---

Фёдоров Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного университета. E-mail: alex_boss@list.ru.

Fedorov Alexey N. — candidate of historical sciences, associate professor of Chelyabinsk State University. E-mail: alex_boss@list.ru.

известных обстоятельств позволяют составить более ясное представление о причинах, механизмах и последствиях кадровых перипетий, многие из которых обернулись трагедией. Обычно в поле зрения исследователей попадают известные сюжеты, такие как «ленинградское дело», «дело Госплана», «эстонское», «мингрельское»¹. А вот чистки в местных партийных и советских органах изучаются нечасто², хотя некоторые из них выбиваются из категории рядовых происшествий. К числу последних относится замена партийного руководства Челябинской области в 1950 г., названная составителями сборника документов «ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953» по аналогии с другими кадровыми перестановками тех лет «челябинским делом»³. Неординарность этого «дела» заключается в том, что решение по нему, в отличие от большинства подобных случаев, принималось на самом высшем уровне — в Политбюро ЦК ВКП(б). Кроме того, зародившись почти одновременно с процессом ленинградской группы, оно оказалось тесно связано с известным делом Зальцмана, исчерпывающие причины и обстоятельства которого до сих пор не выяснены. Все это, как и отсутствие специальных работ по данной теме, располагает к ее тщательному исследованию. Тем более, что уже опубликованы ключевые архивные документы и доступны воспоминания, проливающие свет на некоторые аспекты тех событий⁴.

Официальные причины «дела» обозначены в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе Челябинского обкома ВКП(б)», принятом 26 января 1950 года. Прежде всего, в нем говорится о неудовлетворительном руководстве городскими, районными и первичными парторганизациями, слабой связи с активом, отсутствии проверки выполнения принятых решений. Затем перечислены ошибки, допущенные лично руководителями обкома партии. Во-первых, неправильное отношение первого секретаря А.А. Белобородова и второго секретаря А.В. Лескова к директору Челябинского Кировского завода И.М. Зальцману, усугубленное тем, что они даже «после постановления ЦК ВКП(б) о Зальцмане не сделали необходимых для себя выводов». Во-вторых, поддержка Белобородовым непригодных секретарей Магнитогорского горкома партии, которых сместили только после вмешательства ЦК ВКП(б). В-третьих, потакание и содействие Белобородова «разложившемуся» руководству Челябинского обкома комсомола. Бюро обкома партии и особенно его первому секретарю вменили в вину отсутствие критики и самокритики, защиту провалившихся работников, подбор кадров по принципу приятельских отношений и замену сильных работников слабыми, но удобными. Постановление завершалось обвинениями в адрес всего обкома в плохом руководстве областной газетой, массово-политической работой и социалистическим соревнованием, в слабом внедрении новой техники и запущенности сельского хозяйства области⁵.

Следует признать, что перечисленные недостатки действительно имели место. Архивные источники и научные исследования подтверждают, что после войны сельское хозяйство Челябинской области находилось в весьма тяжелом положении. Посевные площади увеличивались медленно (в 1940 г. — 1519,7 тыс. га, в 1946 г. — 974,4 тыс., в 1949 г. — 1196,4 тыс.), а довольно умеренные планы хлебозаготовок не выполнялись несколько лет подряд (1946 г. — 64,9 %, 1947 г. —

98,7 %, 1948 г. — 59,6 %, 1949 г. — 74 %) ⁶. С промышленностью дела обстояли несколько лучше. В 1946—1947 гг. из-за непродуманной конверсии с планом по валовой продукции не справились, но затем стали его выполнять и даже перевыполнять (1948 г. — 106,7 %, 1949 г. — 100,6 %). А вот улучшить финансовые показатели, повысить качество продукции и добиться снижения брака, обеспечить рост производительности труда и внедрение новой техники не удалось ⁷. Поэтому на них и обратили внимание в постановлении. Только подобные упущения предъявляли тогда практически всем региональным комитетам партии ⁸.

В послевоенные годы во многих парторганизациях был распространен и неправильный подбор кадров. Из-за нехватки людей с опытом и подходящим уровнем образования, реэвакуации и командирования работников в другие области и столицу соблюдать предписанные принципы подбора не удавалось. В таких условиях местное руководство стремилось окружить себя проверенными людьми, наладить с ними неформальные отношения. По такому пути пошел и новый первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Александр Андрианович Белобородов. 21 марта 1946 г. его назначили вместо Н.С. Патоличева, переведенного на работу в Центральный Комитет. В продвижении Белобородова, с ноября 1941 г. работавшего председателем Челябинского облисполкома, нет ничего неожиданного. В отличие от второго секретаря обкома Ф.Н. Дадонова он давно работал в области, причем как по советской, так и партийной линии. С Патоличевым у него сложились дружеские отношения, которые поддерживались до самой смерти ⁹, и тот наверняка замолвил слово за верного соратника. Впрочем, в марте 1946 г. первыми секретарями уральских обкомов стали и другие председатели исполкомов (С.А. Вагапов в Башкирской АССР, В.И. Недосекин в Свердловской области). В необходимости окружить себя «своими» людьми Белобородов убедился сразу, поскольку доставшаяся ему от предшественника команда не выказывала должной лояльности и рвения. Второй секретарь Дадонов обижался на то, что его не сделали первым, открыто конфликтовал с новым шефом и занимался промышленностью спустя рукава. Прежний третий секретарь И.В. Заикин, ставший председателем облисполкома, работал без инициативы и не терпел никакой критики в свой адрес. Секретарь по кадрам С.Ф. Князев успехами не отличался, часто болел и не имел положенного его статусу высшего образования. «Свежий» секретарь по пропаганде А.Г. Лашин вопреки всем ожиданиям поддержки не оказывал, своим участком работы руководил нехотя, свысока смотрел на коллег. И Белобородов принялся заменять этих людей теми, на кого мог положиться. В 1946 г. ему удалось провести в секретари соратника по облисполкому Г.А. Бездомова. Летом 1947 г. секретарем по кадрам, а затем и вторым секретарем обкома он выдвинул Лескова, с которым доверительные отношения сложились еще во время войны. А в 1948—1949 гг. секретарями стали П.И. Матвейцев и Г.И. Волощенко, также давно известные Белобородову.

Своих людей первый секретарь обкома продвигал и на другие посты. Так, заместителями председателя облисполкома были знакомые ему с довоенных времен Н.П. Паничкин и П.И. Суров. Заведующими отделами обкома работали его приятели А.И. Панкрушев и

И.П. Бобков, причем на плаву они оставались, несмотря на все свои проступки. Расположением Белобородова пользовались и первые секретари горкомов партии крупных городов области: П.Я. Кулешов (Магнитогорск, 1947—1949), В.А. Верзилов (Златоуст, 1946—1949) и С.Н. Долматов (Троицк, 1948—1950). Последние не только возглавляли сложные участки работы, но и помогали на партийных мероприятиях, конференциях и пленумах, задавая там нужный тон. Бывало, что они допускали серьезные промахи, но их неизменно прикрывал обком. Так, осенью 1948 г. Кулешов не справился с продовольственным кризисом в Магнитогорске, но на пленуме обкома всю вину за происшедшее переложили на горисполком. А в феврале 1949 г. на городской партконференции он избежал суровой критики и неизбрания в состав горкома партии только благодаря вмешательству Белобородова ¹⁰.

С руководителями крупных предприятий Белобородову, до того занимавшемуся в основном сельским хозяйством, отношения пришлось выстраивать по-другому. С директором Магнитогорского металлургического комбината (ММК) Г.И. Носовым взаимодействие налажил Лесков, который когда-то работал там инженером, начальником цеха и парторгом ЦК ВКП(б). А вот с Зальцманом, директором Челябинского Кировского завода (ЧКЗ), пришлось устанавливать личный контакт, преодолевая неприязнь, возникшую в военные годы ¹¹. Начало доверительным отношениям было положено осенью 1946 г., когда коммунисты ЧКЗ настроились не избирать Зальцмана в заводской комитет, что автоматически означало и его освобождение от должности директора. Причин для этого имелось немало: директор не отпускал эвакуированных на родину, постоянно грубил подчиненным, а жилищно-бытовые условия на заводе были просто ужасны. В критической ситуации Зальцман обратился к первому секретарю обкома партии, и тот помог: парторгу ЦК ВКП(б) на заводе Е.В. Мамонтову дал указание «сохранить Зальцмана», самых рьяных критиков с завода перевел и на заводской партконференции своим выступлением снизил накал критики в адрес Зальцмана. На тайных выборах директор получил 20% голосов «против», больше, чем все остальные кандидаты, но в состав парткома вошел ¹². Поступок Белобородова понятен: допустить по инициативе снизу отстранение знаменитого управленца, героя и лауреата, которого ценило руководство страны, было слишком самонадеянно. И этот поступок определил все его последующие шаги. Он предоставил Зальцману полную свободу в подборе начальников цехов и отделов. Назначил на партийные должности ЧКЗ полностью управляемых работников. Помог средствами, материалами и людьми, когда в 1948 г. завод получил повышенный план по тракторам (16 500 штук вместо ожидаемых 10 000) ¹³. А когда прокурор области Н.В. Шляев осенью 1948 г. слишком резво взялся за расследование махинаций группы начальников цехов ЧКЗ, собрал на него весомый компромат ¹⁴. Но при этом отношения секретаря и директора не выходили за рамки служебных, не сопровождались подарками и застольями, которые в свое время позволял себе Патоличев.

Еще проще получилось с комсомолом. Возможностей для полноценного контроля над деятельностью молодежных организаций у обкома партии не было. Поэтому эти хлопоты Белобородов полностью

переложил на первого секретаря Челябинского обкома ВЛКСМ А.Я. Борисова. На поверку оказалось, что новый руководитель делами занимался без огонька, продвигал приятелей и не упускал возможности злоупотребить служебным положением. Но поскольку очевидных проколов не было, то казалось, что все благополучно. Лишь в декабре 1948 г. открылись нарушения финансовой дисциплины в обкоме ВЛКСМ. Второй секретарь обкома ВКП(б) Дадонов предложил строго наказать Борисова, но Белобородов поверил в непричастность последнего и заступился за него¹⁵. Точно так же он поступил и через полгода, когда информация о предосудительных поступках Борисова дошла до ЦК ВЛКСМ.

О недостатках в работе Челябинского обкома давно знали в центре. В декабре 1947 г. начальнику Управления кадров ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову сообщили об ошибках в кадровой работе обкома и о том, что Белобородов «либерально относится к недостаткам в работе директоров крупных заводов и руководителей строек». Но предложение заслушать отчет секретаря обкома в Центральном Комитете Кузнецов отклонил, ограничившись личной беседой с ним¹⁶. В мае 1948 г. на Белобородова представили заключение, в котором значилось, что область под его руководством «не выполнила планов как по промышленности, так и по сельскому хозяйству». Неудачи объяснялись тем, что он «не имеет необходимого опыта низовой партийной работы», «отличается медлительностью в работе», «не был связан с крупной промышленностью», «проявляет либеральное отношение к некоторой части недисциплинированных хозяйственников». Инспектор, составивший заключение, согласно практике тех лет предложил направить Белобородова на курсы переподготовки и затем использовать на партийной работе в сельскохозяйственной области¹⁷. Но и в этот раз Кузнецов проигнорировал разумное предложение подчиненного. Точно так же закрывали глаза на проступки Зальцмана, сведения о которых поступали постоянно и из разных источников. Так, факты незаконного расходования государственных средств директором ЧКЗ в 1945—1946 гг. были выявлены в ходе проверок Министерства государственного контроля и Министерства финансов. По их результатам Зальцман в апреле 1947 г. получил выговор от Совета Министров СССР¹⁸. О грубом его отношении к работникам стало известно из заявления бывшего начальника цеха точной механики завода И.Г. Беляева, посланного в ЦК ВКП(б) в октябре 1947 года. Этот сигнал проверили быстро, в течение месяца, но решение по нему приняли только 1 марта следующего года. По настоянию А.А. Жданова оно оказалось весьма «мягким»: директору лишь указали на его непартийные методы¹⁹. А в марте-июне 1948 г. работники Министерства государственного контроля обнаружили серьезные нарушения на ЧКЗ в расходовании денежных средств и соблюдении штатов²⁰. Компромат оказался столь солидным, что Зальцману пришлось обратиться к столичным покровителям. Впрочем, тогда ему помогла и случайность. Летом 1948 г. вокруг ревизии финансово-хозяйственной деятельности Совета Министров Азербайджанской ССР, проведенной Министерством госконтроля, разразился громкий скандал. В результате ведомству Л.З. Мехлиса предъявили обвинение в превышении полномочий и заметно урезали права (в частности, запретили сни-

мать с должности провинившихся и привлекать их к судебной ответственности) ²¹. На этом фоне контролеров, проводивших проверку на ЧКЗ, отчитали за излишнее рвение, а собранные ими материалы положили под сукно.

С упрочением в ЦК ВКП(б) группы Маленкова отношение к огрехам Челябинского обкома партии и директора ЧКЗ круто изменилось. 18 февраля 1949 г. Совет Министров СССР неожиданно объявил Зальцману выговор за срыв в течение последних двух лет заданий по производству танка ИС-4 ²². А в марте 1949 г. Маленков взялся разбирать заявление секретаря парторганизации заводоуправления ЧКЗ А.М. Зверева о безобразиях на заводе, чем положил начало «делу Зальцмана». Последнее обычно связывают с «ленинградским», ссылаясь на утверждение самого Зальцмана о том, что его сняли с должности директора и исключили из партии за отказ дать показания против А.А. Кузнецова и Я.Ф. Капустина ²³. В ряде моментов эти события действительно соприкасались, но не процесс ленинградской группы сыграл здесь основную роль. Имелись другие обстоятельства, о которых и написал Зверев: крупные махинации начальников цехов и отделов, недостачи ценностей на десятки миллионов рублей, нарушения штатной и бюджетной дисциплины, сокрытие директором злоупотреблений своих подчиненных. Неизбежным следствием таких безобразий стало «море бесхозяйственности», породившее инертность в работе и зловредный дух, из-за которого «несколько лет не выполняется план». Искоренить такие порядки, по мнению Зверева, мог только Центральный Комитет, так как «силами местных органов... не решить наболевших вопросов нашей заводской жизни» ²⁴.

Зверев составил заявление 21 февраля, когда выяснилось, что, благодаря помощи обкома партии, Зальцман вновь избежит наказания за беспорядки на заводе. 1 марта оно попало к Сталину, который тут же перенаправил его Маленкову ²⁵. Однако Георгий Максимилианович вопреки своей привычке немедленно приступать к делам, порученным «хозяином», почти месяц им не занимался, так как был занят недавно стартовавшими «делами» ленинградской группы и Госплана. Только 9 апреля 16-страничное заявление обсудили в Секретариате ЦК с участием заместителя Председателя Совмина СССР В.А. Малышева и министра транспортного машиностроения И.И. Носенко, которым поручили предварительно проверить поступивший сигнал. После отчета Зальцмана, уверенно опровергшего обвинения в свой адрес, они дальновидно рассудили, что имеющиеся факты «в известной степени правильно характеризуют недостатки и пороки в руководстве и стиле работы директора Кировского завода», и предложили создать комиссию ЦК для более обстоятельной проверки на месте ²⁶. По неизвестной причине в Челябинск отправились только работники министерства, которые подтвердили наличие некоторых «негативных» явлений, прежде всего, грубое отношение директора к начальникам цехов. Результаты доложили Маленкову, однако указаний от него не последовало, и 29 апреля вопрос был снят с контроля ЦК ²⁷.

21 мая Секретариат ЦК вернулся к казалось бы закрытой теме и поручил новой комиссии перепроверить факты, изложенные в записке Зверева ²⁸. Можно согласиться с Г.В. Костырченко, который объясняет возникшие задержки тем, что «все это время Маленков и стояв-

шие за ним аппаратчики, расправлявшиеся тогда с конкурентами из «ленинградской» группировки, решали, видимо, как лучше использовать Зальцмана в своей политической игре»²⁹. Но привязывать эту игру только к «ленинградскому делу» не стоит. Здесь сплелось несколько сюжетов. С 17 марта по 21 мая Министерство госконтроля проверяло финансово-штатную дисциплину на 11 ведущих заводах Министерства транспортного машиностроения³⁰. Выявленные нарушения вкупе с делом Зальцмана позволяли инициировать чистки в важнейшем министерстве и тем самым ослабить позиции его бывшего руководителя и нынешнего куратора В.А. Малышева. Другим поводом для этого стала задержка ЧКЗ с выполнением специального задания в рамках атомного проекта. Дело в том, что входившее в состав завода ОКБ-700 не изготовило вовремя механизм инициирования подрыва ядерного боеприпаса³¹.

Комиссия под началом заведующего сектором Отдела машиностроения ЦК ВКП(б) А.П. Панина прибыла в Челябинск в конце мая и проработала здесь до середины июня. Но помимо нее у обкома партии появилась еще одна забота. В конце мая подтвердились сведения о злоупотреблениях ряда комсомольских вожakov Магнитогорска (присвоение и растрата крупных сумм, создание «черной кассы», подделка счетов). Тогда арестовали и привлекли к суду комсорга ЦК ВЛКСМ на ММК и секретаря Сталинского райкома ВЛКСМ, а первого секретаря Магнитогорского горкома комсомола сняли с должности и исключили из партии. Одновременно «отличились» и руководители комсомола в Челябинске: употребив спиртное, они затеяли в парке отдыха драку с милиционером. Одного из них освободили от должности, а второго сняли с работы и исключили из партии³². Кажется, местные органы все сделали правильно. Но «забыли» своевременно известить о происшествиях ЦК ВЛКСМ и согласовать с ним свои действия. Поэтому в начале июня в область прибыл представитель центра. Он вник в подробности всех происшествий и попутно убедился в «исключительной запущенности работы» комсомольской организации ММК и неправильном подборе кадров обкомом комсомола³³.

Однако двойную проверку удалось пройти относительно благополучно. Комиссия ЦК ВКП(б) оказалась лояльной к Зальцману: Панин знал его по работе в Нижнем Тагиле, Мосин наверняка получил указание министра защищать «своего», а заведующий отделом машиностроения обкома Руссак и парторг ЧКЗ Ульяненко проводили давнюю линию обкома на сохранение директора. Поэтому комиссия не только проверяла «отрицательные» факты, но и подбирала «положительные» и даже советовала устранить кое-какие ошибки, среди которых самой серьезной оказался перевод Зверева на другой завод³⁴. В итоге проверяющие подтвердили справедливость некоторых обвинений (невыполнение плана, грубость, растраты, кадровые ошибки), предложили привлечь Зальцмана к «строгой ответственности», но переложили часть вины на бывшего парторга Мамонтова и вывели из-под удара обком, предложив поручить его первому секретарю совместно с министром тщательно подобрать кадры для завода³⁵. Еще проще уладили проблему с комсомолом: Белобородов поручился за Борисова перед ЦК ВЛКСМ и на этом инцидент был исчерпан. Наконец, чтобы

убедить вышестоящие органы в своем принципиальном отношении даже к именитым нарушителям, обком пошел на серьезную жертву и «сдал» директора Челябинского металлургического завода Я.И. Сокола: за неправильный подбор кадров ему объявили выговор и попросили ЦК ВКП(б) освободить его от обязанностей ³⁶. И через месяц Сокол отправился работать главным инженером на небольшой завод в Аше.

Но надежды на благоприятный исход, подкрепленные помимо прочего тем, что 16 июня ЦК ВКП(б) предоставил Белобородову очередной отпуск, не оправдались. Во-первых, до Маленкова дошли сведения об изгнании Зверева с ЧКЗ, в результате чего дело предстало в весьма неприглядном виде. Во-вторых, в июне Зальцман отказался свидетельствовать против ленинградцев, из-за чего Маленков решил «раскрутить» и его дело. В 20-х числах июня имевшийся материал в срочном порядке пополнили негативными фактами и вновь обсудили в ЦК ВКП(б), но теперь уже с вызовом Лескова, Мамонтова и Зальцмана. В ходе нескольких заседаний окончательно прояснилась позиция Челябинского обкома, поскольку Лесков выставлял Зверева в неприглядном свете, защищал Зальцмана и просил оставить его директором. Сам Исаак Моисеевич сначала уверенно отрицал предъявленные ему обвинения и смягчал даже очевидные промахи и только под конец признал все ошибки ³⁷. В ходе разбирательств Маленков изыскивал любые поводы, чтобы добиться строгого наказания директору ЧКЗ, а заодно и его покровителям из обкома. Поэтому он буквально ухватился за записку секретаря ЦК ВЛКСМ Михайлова о вскрывшихся к тому времени безобразиях в челябинском комсомоле. Маленков прочел ее 27 июня и тут же предписал в 3 дня подготовить по ней материал для рассмотрения на Секретариате ЦК ВКП(б). Но уже на следующий день Лесков своим поведением дал повод, достаточный для привлечения обкома к ответственности, и комсомольское дело отложили на потом ³⁸.

То, что организатором атаки на Челябинский обком ВКП(б) был именно Маленков, подтверждает пространный проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б), представленный 30 июня 1949 г. Пономаренко, Шкирятовым и Малышевым. В резолютивной части они предложили Зальцмана с завода убрать и передать его дело в КПК, освободить Мамонтова от обязанностей второго секретаря Челябинского горкома и объявить выговор, а обкому и его первому секретарю указать на неправильное отношение к Зальцману. Но Маленкову проект не понравился, и Пономаренко со Шкирятовым пришлось внести правки: смягчить наказание Мамонтову (убрали выговор) и усилить роль Белобородова (его выделили и поставили ему на вид). Однако и такой вариант категорически не устроил Маленкова, и он собственной рукой переписал пункт о Белобородове: «Вопрос о неправильном отношении к непартийным поступкам Зальцмана со стороны Челябинского обкома ВКП(б) рассмотреть на заседании Секретариата ЦК с вызовом т. Белобородова» ³⁹. В этой редакции постановление 1 июля приняли на заседании Секретариата, а 11 июля его утвердило Политбюро. Заметим, что обычно решение оперативного органа ЦК одобрялось его Политическим бюро в течение 3—5 дней, а при необходимости в тот же день. Разрыв же в десять суток означает, что баталии вокруг Зальцмана после 1 июля не стихли, а перешли на

тот уровень, осветить который документально почти невозможно. Остается только предположить, что в это время Маленков давил на Малышева, вынуждая его «сдать» подопечного во избежание масштабных чисток в курируемом министерстве. И Малышев уступил, что подтверждает постановление Совета Министров СССР от 11 июля 1949 г. «О нарушениях финансово-штатной дисциплины на заводах Министерства транспортного машиностроения», согласно которому директора ведущих заводов получили лишь предупреждение ⁴⁰.

Согласно постановлению, Зальцманом занялась Комиссия партийного контроля, а за Белобородова взялся Маленков. В конце июля он вернулся к делу челябинского комсомола, которое к тому времени обросло новыми фактами. Самыми подходящими для новых претензий оказались «либерализм и попустительство» Белобородова по отношению к Борисову и «невнимание» к Магнитогорскому горкому партии. Последнее состояло в том, что секретари обкома часто бывали в Магнитогорске, знали обо всех похождениях первого секретаря горкома Кулешова, но с их стороны «не было острой политической оценки запущенности партийной работы» ⁴¹. При таком раскладе Белобородову, вернувшемуся из отпуска, оставалось только признать ошибки и пообещать исправить их. 5 августа Секретариат ЦК ВКП(б) наложил на него сразу два взыскания: указал на недостатки в работе комсомола и вынес выговор за Зальцмана. Но, вместе с тем, в постановлении значилось: «Заслушать в октябре месяце с. г. отчет о работе Челябинского обкома ВКП(б) на заседании Оргбюро ЦК». Это означало новое наказание. Оно было озвучено еще 1 августа в записке, представленной заведующим Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) А.Л. Дедовым: «Тов. Белобородов не обладает качествами большого руководителя и не может дальше оставаться на посту первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б)» ⁴². На вопрос, почему Маленков не добился этого в августе, простого ответа нет. Наверняка сказались его занятость «ленинградским делом», начавшаяся уборка урожая и участие Челябинской области в подготовке к испытаниям атомной бомбы. К тому же для проведения важного кадрового вопроса через Оргбюро и Политбюро требовалось соблюсти формальности и представить солидные доказательства. Однако намеченный на октябрь доклад заслушали только в январе следующего года. У новой отсрочки также имелось несколько причин. Во-первых, в октябре 1949 г. Берия и Маленков попытались превратить «ленинградское дело» в резонансный политический процесс, и остальные их хлопоты отошли на второй план ⁴³. Во-вторых, Маленкову поручили разобраться с пропажей секретных документов в Госплане и поведением первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б) Г.М. Попова ⁴⁴. В-третьих, немало времени у Георгия Максимилиановича, отвечавшего в ЦК ВКП(б) за сельское хозяйство, отнимали напряженные хлебозаготовки. Много внимания потребовала и внешняя политика, активизированная испытанием атомной бомбы, провозглашением КНР и созданием НАТО. Наконец, нельзя отрицать, что у челябинских секретарей имелись заступники, которые пытались замять дело.

Челябинский обком ВКП(б) получил несколько месяцев на исправление ошибок. И прежде всего выправили положение с комсомо-

лом: 15 августа бюро обкома партии одобрило решение ЦК ВКП(б), 19 августа Белобородов принял участие в IV пленуме обкома комсомола, где отличился принципиальным выступлением, а 29 числа утвердили план мероприятий «по усилению партийного руководства комсомольской организацией области»⁴⁵. Затем Белобородов решился наконец-то сместить оберегаемого им Кулешова, признав, что тот «насаждает в организации порочные методы руководства», «не пользуется авторитетом» и «допустил серьезные ошибки в руководстве работой городской комсомольской организации». Остается загадкой, почему ЦК ВКП(б) не освободил Кулешова по собственной инициативе, а дождался предложения обкома, но 12 сентября первым секретарем Магнитогорского горкома партии стал инструктор Отдела партийных, комсомольских и профсоюзных кадров ЦК ВКП(б) Г.С. Павлов. С ним приехал еще один бывший работник того же отдела — Н.В. Лаптев, утвержденный вторым секретарем Челябинского горкома партии⁴⁶. Кстати, «варяги» выполнили все задания, поставленные перед ними Маленковым: проконтролировали работу обкома партии и собрали дополнительный компромат. Затем обком принялся за проблемы, о которых пока не знали в столице. В сентябре рассмотрели вопрос о работе Троицкого горкома партии, чье руководство славилось семейственностью, гулянками и защитой проворовавшейся дирекции мясокомбината. Сначала по привычке ограничились мягким наказанием — предупреждением первому секретарю горкома, но когда «Известия» опубликовали заметку о троицких расхитителях, того спешно сняли с должности. В октябре 1949 г. на закрытом заседании обсудили недостатки кадровой работы в Челябинском спиротресте и на Уральском автозаводе, руководители которых получили партийные взыскания⁴⁷. При этом в отношении первого дела проявили особую «бдительность», сообщив в ЦК ВКП(б) о том, что сам Главспирт прислал на работу в область сомнительных в политическом плане людей⁴⁸.

Одновременно обком партии принялся засыпать вышестоящие органы различными проектами. Инициативы исходили от него и прежде, но 4-й квартал 1949 г. в этом смысле стал рекордным. 10 августа Белобородов и новый директор ЧКЗ Скачков сообщили Сталину о необходимости масштабного строительства жилья для работников завода, половина которых проживала в «некомфортных условиях» (землянках, бараках под снос, подвалах, кухнях и ваннах). Через месяц в обкоме подготовили предложение о реконструкции заводов оборонного значения, появившихся в области во время войны и совершенно обойденных вниманием в послевоенные годы. В октябре на имя Маленкова как секретаря ЦК ВКП(б) поступили просьбы об оказании помощи Копейску, население которого за годы войны выросло почти в два раза, а ЖКХ осталось прежним, и переводе Магнитогорска из областного в республиканское подчинение, что увеличило бы его финансирование⁴⁹. К Маленкову, но уже как куратору электростанций, Белобородов обратился с инициативой в 1,5 раза больше запланированного увеличить мощность электростанций (на 981 тыс. кВт вместо 656 тыс. кВт), чтобы разрешить проблему с энергоснабжением предприятий и населения. Наконец, в декабре подготовили огромный перечень мероприятий по подъему сельского хозяйства в области⁵⁰. Большую часть проектов наверху одобрили, причем в са-

мые короткие сроки. Так, решение СМ СССР о жилищном строительстве на ЧКЗ появилось 9 октября (через 2 месяца), а о развитии городского хозяйства Копейска 11 декабря (через 1,5 месяца). Предложение по Магнитогорску в ЦК ВКП(б) не приняли, но оказали ощутимую помощь. А в апреле 1950 г. финансами, ресурсами и кадрами помогли сельскому хозяйству области⁵¹. Впрочем, наибольшей удачей обкома стала просьба к Сталину об отмене строительства авиационного завода в Челябинске. Такой промышленный объект, предполагавший приток 100 тыс. новых жителей, грозил обрушить экологию и слабое ЖКХ города. Мнение обкома не сразу, но учли, и вместо возведения очередного гиганта приняли программу по благоустройству Челябинска, Копейска и Коркино⁵².

А вот с самокритикой, которой в партийной жизни придавали особое значение, у секретарей обкома не заладилось. О Зальцмане они вспоминали нехотя, умалчивали о своей роли в его деле и не спешили «принимать меры». И причины такого поведения не столь просты, как казалось. В начале июля Лесков рассказал на бюро обкома, как проходил разбор дела Зальцмана в ЦК, но на предложение коллег ознакомить актив с принятым наверху решением сказал: «Хорошо, поговорю с кем-то из товарищей, которые работали в комиссии по Кировскому заводу». И вскоре заявил, что ему посоветовали не ставить вопрос на широкое обсуждение⁵³. Если вспомнить, что Политбюро отнюдь не всегда утверждало кадровые инициативы Оргбюро и Секретариата, то такое поведение становится понятным. Пока вопрос по Зальцману не утвердил сам Сталин, не стоило разворачивать критику и самокритику. Зато когда все прояснилось, и 19—20 июля на ЧКЗ при участии представителя ЦК ВКП(б) и министра состоялся актив, следовало сменить тон. Но Лесков этого не сделал. На пленуме Челябинского горкома, состоявшемся 28 июля, он кратко сообщил о решении Центрального Комитета, сделав акцент на освобождении Мамонтова, а не снятии Зальцмана. Он не предложил вывести опального директора из состава горкома и это сделали по настоянию рядовых работников горкома партии⁵⁴. Даже на областном партактиве, проходившем 5—6 августа, он поведал о судьбе Зальцмане только по настоянию коммунистов. Но и здесь нет ничего странного: Лесков ждал возвращения шефа и не делал «смелых» шагов, которые могли навредить тому. А вот поведение Белобородова, получившего выговор за Зальцмана, остается непонятным.

В жизни партийного аппарата послевоенных лет известны случаи, когда своевременное признание ошибок и рьяное разоблачение виноватых, позволяли смягчить наказание от вышестоящих инстанций. Именно так поступил первый секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) А.Б. Аристов, когда в 1949 г. его подчиненные оказались замешанными в деле о хищениях на Красноярском заводе плодовых вин⁵⁵. Но глава Челябинского обкома партии подобной расторопности не проявил. Он не стал по горячим следам устраивать публичное обсуждение вскрывшихся «дел» и каяться в собственных ошибках. Лишь после исключения Зальцмана из партии, в конце октября провели пленум, где среди прочего затронули вопрос подбора кадров. Но и здесь Белобородов обошелся общей информацией и лишь

упомянул, что «ЦК ВКП(б) первому секретарю обкома объявил выговор». Предметного разбора не последовало, и Зальцмана вывели из состава обкома не как снятого ЦК, а «как исключенного из рядов ВКП(б)»⁵⁶. Впрочем, самую грубую ошибку Белобородов совершил на внеочередной партийной конференции ЧКЗ. Там он терпеливо выслушал все замечания в свой адрес и удержался от обычной своей отповеди, но не сделал ничего, чтобы предотвратить феноменальный провал Зверева на выборах заводского парткома (217 голосов «за» при 311 «против») ⁵⁷. Понятно, что делегаты сами по себе были настроены против «героя», с которым связывали падение прежнего директора. Но в Москве это событие однозначно расценили как «неправильное отношение» обкома к Звереву.

Только один раз Белобородов сделал ход, который походил на попытку реабилитировать себя в глазах вышестоящего руководства: предложил лишить Зальцмана полномочий депутата Верховного Совета СССР ⁵⁸. Впрочем, в ЦК ВКП(б) эту инициативу оставили без внимания. Зато заинтересовались запиской бывшего заместителя директора ММК по техническому снабжению Я.А. Козлова. Тот критиковал директора на партсобраниях, пока летом 1949 г. второй секретарь обкома Лесков не отозвал его в Челябинск. Четыре месяца опальный Козлов просидел без работы и лишь в октябре устроился заместителем директора метзавода в соседней области. Здесь он подробно написал о кадровых ошибках и злоупотреблениях Носова, желая «помочь оздоровлению обстановки на комбинате и в Магнитогорске». В ноябре заявление тщательно проверили и в январе обсудили на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) ⁵⁹. Казалось, к уже имевшимся претензиям в адрес челябинских секретарей прибавится еще и «дело Носова». Но этого не произошло. Во-первых, ММК планы выполнял и числился передовиком, а во-вторых, как покажут дальнейшие события, Носов согласился помочь центру с «разоблачением» секретарей Челябинского обкома партии.

Полагавшаяся перед отчетом в Центральном комитете проверка прошла в конце ноября-декабре 1949 года. Бригада, возглавляемая инструктором Отдела партийных органов ЦК ВКП(б) М.П. Подугольниковым, изучила документы, обследовала несколько горкомов, провела личные беседы и рассмотрела массу заявлений и даже предложений. Самые ценные сведения поступили от Лаптева, раскопавшего немало прежних и подметившего много новых промахов обкома и Лашина, который уже полгода как учился в Москве. Последний поведал об отсутствии критики и согласия между членами бюро обкома, нерешительности Белобородова, несоответствии своей должности Лескова и прочих тонкостях ⁶⁰. Вряд ли эти факты существенно обогатили имевшийся компромат, но в итоговой записке «О работе Челябинского обкома ВКП(б)», датированной 13 января 1950 г., Лашин не упоминался ни разу, хотя завал с идеологической работой, недостатки в работе вузов и сомнительные мероприятия вроде конференции «по общему подъему культуры» были целиком на его совести ⁶¹. Вообще в данной записке бросается в глаза заиканность на Белобородове и Лескове. Их фамилии красуются на всех 18-ти страницах. Из других заметных фигур в негативном плане упоминаются только Носов и редактор областной газеты Константиновский. На них, ви-

димо, и планировалось взвалить вину за недостатки в работе Челябинского обкома партии. Правда, Носов избежал этой участи.

Отчет Челябинского обкома партии Оргбюро ЦК ВКП(б) заслушало 16 января 1950 года. На заседании среди прочих присутствовал Патоличев. После доклада Белобородова и содоклада Подугольниковова выступили Азарова (?), Михайлов (секретарь ЦК ВЛКСМ), Кузнецов (председатель ВЦСПС), Козлов (заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б)), Дедов (заместитель заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б)), Пономаренко (секретарь ЦК ВКП(б)) и Маленков. Работу областного комитета признали неудовлетворительной, постановили обсудить недостатки на пленуме обкома, а Козлову поручили составить проект постановления СМ СССР о помощи сельскому хозяйству области⁶². К этому решению прилагался проект постановления, через 10 дней утвержденный Политбюро. Но 20 января вопрос обсудили вновь, теперь на заседании Секретариата. На сей раз выступили Пономаренко, Белобородов, Шкирятов, Хрущёв и Маленков, после чего первому поручили подготовить новый проект постановления⁶³. Единственное объяснение такому повороту — «находки», позволявшие усилить нажим на челябинских секретарей. Участие заместителя председателя Комиссии партийного контроля Шкирятова подсказывает, что речь могла идти о каких-то проступках Белобородова и Лескова. Второй «находкой» оказался директор ММК, которого в обкоме прикрывали точно так же, как в свое время директора ЧКЗ. Была еще анонимка, живописующая «нравы» челябинских секретарей, но она была столь бестолковой, что использовать ее не было смысла⁶⁴. Впрочем, новый проект так и не составили, утвердив на Политбюро изначальный вариант. Можно предположить, что вся эта затея понадобилась, чтобы вынудить Белобородова на какое-то признание или сотрудничество. Но почему игру не довели до конца — из-за уступок секретаря или потому, что решили не доводить дело до крайности, — остается только гадать.

Самое примечательное в постановлении по Челябинскому обкому то, что в нем нет резолюции, обычной для документов такого рода. В тексте прямо указаны виновные, но наказание им не определено. Это предоставили сделать членам пленума обкома. На наш взгляд, высшее партийное руководство пошло на столь неординарный шаг для того, чтобы разьяснить причины чисток, обрушившихся на партийные органы в 1949—1950 годах. Требовался достаточно яркий, но вместе с тем отвлеченный пример. И «челябинское дело», вобравшее в себя ряд громких событий (снятие знаменитого директора, освобождение всех секретарей горкома крупнейшего индустриального центра), но не связанное напрямую с «ленинградским», вполне подходило для этого. Тот факт, что «челябинское дело» вывели на финишную прямую после того, как решили не раздувать «дело» ленинградской группы, лишь подтверждает гипотезу. Привлечение же партийной массы к определению санкций проштрафившимся руководителям позволяло представить дело как низовую инициативу. Впрочем, эту часть пускать на самотек в ЦК ВКП(б) не собирались, поэтому-то «обработали» Лашина и Носова, а заодно предложили выступить с разгромной критикой в адрес шефа даже Лескову⁶⁵.

VII пленум Челябинского обкома партии, проходивший 3—5 февраля 1950 г., показал, что все приготовления не были лишними. Первые выступления на критичный лад особо не настраивали. Белобородов просто воспроизвел текст постановления, признав справедливость каждого его пункта. Лесков, приняв на себя большую часть вины за провал в Магнитогорском горкоме и раскрыв свою роль в истории Зверева, стал рассказывать о чудачествах Зальцмана и ляпах коллег, вызывая смех присутствовавших. Заведующий машиностроительным отделом обкома Руссак и секретарь Тракторозаводского райкома Самохвалов критиковали руководство, но осторожно. А секретарь партколлегии Ерасов и вовсе заявил, что с моральной точки зрения ничего плохого о секретарях сказать не может, и стал повествовать о третьих лицах. Благодушный настрой сбил только Лаптев, принявшийся разоблачать проштрафившихся секретарей. Особое внимание он уделил Лескову, поведав собравшимся о его поведении в ЦК и замалчивание им дела Зальцмана. А под конец поставил вопрос о снятии первого и второго секретарей обкома. После подобной атаки прения стали заметно жестче. Последовали весьма критичные и насыщенные подробностями выступления Матвейцева (секретарь обкома), Рождественского (заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома), Беспалова (председатель Челябинского горисполкома), Лашина, Мамонтова и Носова. Шестеро из 34-х ораторов последовали примеру Лаптева и заявили, что руководство следует освободить от работы. И все же обсуждение пошло иначе, нежели предполагалось по сценарию: помимо Белобородова и Лескова собравшиеся осуждали Лашина (за лояльность к Зальцману, запущенность идеологической работы, отсутствие опыта) и Носова (за игнорирование парторганов, зажим критики, грубость), а вину за недостатки обкома возложили на его прежних первых секретарей — Сапрыкина и Патоличева ⁶⁶.

Трудности возникли и при обсуждении проекта резолюции. Комиссия под руководством Лаптева предложила максимально жесткий вариант, в котором пленум просил ЦК снять Белобородова и Лескова за «политические ошибки» и «неискреннее поведение», а Лашина освободить за «недостатки и ошибки в руководстве идеологической работой». Но секретари попросили исключить вторую фразу, которая могла дорого обойтись им. Белобородову не пришлось уговаривать коллег: 44 голосами «за» при 3 голосах «против» они выполнили его просьбу. Вокруг Лескова с подачи Лаптева разгорелся нешуточный спор. Только заступничество ряда членов пленума (31 голос «за» и 16 «против») позволило ему избавиться от опасной формулировки. Настоящий скандал чуть не разгорелся и из-за Лашина, недоумевавшего, отчего некоторые члены пленума предложили снять, а не освободить его. Впрочем, недоразумение уладили даже без вмешательства представителей ЦК (Подугольников, Новиков, Паршина), и секретаря обкома партии по пропаганде решили «освободить» ⁶⁷.

С запиской Подугольникова о прошедшем пленуме Маленков ознакомился 15 февраля 1950 года. Вычитывая текст, он подчеркнул фразы о новых фактах «небольшевистского поведения» секретарей обкома, вечерах на даче Зальцмана и поддержке заведующим отделом пропаганды Челябинского обкома партии людей с националистичес-

кими взглядами. Но с куда большим вниманием он изучил вторую записку, содержащую замечания участников пленума в адрес бывшего первого секретаря обкома ВКП(б) Патоличева. Красным карандашом Маленков выделил такие высказывания: «основу попустительского безобразиям Зальцмана заложил т. Патоличев», «т. Патоличев создавал атмосферу охранения директора завода (ММК. — А.Ф.) от критики», «Патоличев дал здесь (в области. — А.Ф.) свои корни негодного руководства»⁶⁸. Конечно, на основании этого факта самонадеянно утверждать, что «челябинское дело» было в первую очередь направлено против Патоличева. Но то, что Маленков использовал любую возможность раздобыть порочащие соперника «факты», доказывают и другие материалы. Как бы там ни было, но 17 февраля Секретариат утвердил предложение пленума обкома, хотя и с двумя показательными поправками: Белобородова и Лескова освободили от обязанностей, а о Лашине не было ни слова. В тот же день прояснилась и судьба Носова: его простили, обязав «принять меры к серьезному улучшению дела подбора кадров и покончить с неправильным отношением к критике недостатков в его работе»⁶⁹. Все это указывает на то, что высшее руководство не планировало раздувать событие. Кстати, дальнейшая судьба фигурантов «челябинского дела» подтверждает такой вывод.

Белобородова с его согласия перевели в Калинин⁷⁰, где он возглавил областной отдел коммунального хозяйства, а затем областное управление сельского хозяйства⁷¹. Лесков отправился работать заместителем начальника цеха на Запорожсталь. Там при поддержке друзей он занялся наукой и в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Вслед за тем его перевели в столицу, где он возглавил Объединение научно-технических издательств и защитил докторскую диссертацию. Скоропостижная смерть прервала его успешное восхождение по научной и административной лестнице⁷². История Лашина, освобожденного от должности 29 марта 1950 г., первоначально оказалась лучше. Ему присвоили ученую степень кандидата юридических наук, и он какое-то время проработал в Министерстве высшего образования СССР. Но вскоре был назначен деканом юридического факультета МГУ им. Ломоносова, а затем и вовсе лишен руководящих постов⁷³. В 1950 г. свои должности потеряли и другие управленцы местного масштаба (секретарь обкома партии Волошенко, заместители председателя облисполкома Суров и Паничкин, заведующий отделом сельского хозяйства Куницын), раскритикованные на VII пленуме обкома. Инициатором их освобождения был новый глава Челябинского обкома партии А.Б. Аристов, которому потребовалось отчитаться в искоренении кадровых ошибок предшественника и одновременно подыскать людей, способных вывести область из кризиса. Все эти кадровые подвижки никак не похожи на серьезные чистки и тем более массовые репрессии. И этому есть простое объяснение: ни высшее, ни новое областное руководство не желало провоцировать кадровый дефицит и неразбериху, а тем более подкреплять слухи о возможном повторении массовых репрессий в стратегически важном регионе.

Впрочем, у «челябинского дела» было еще одно последствие: благодаря смене руководства область наконец-то вышла из затяжного

кризиса. Осенью 1950 г. впервые за несколько лет были выполнены планы хлебозаготовок. К концу года улучшилась работа крупных предприятий, благодаря чему те выполнили план по основным показателям⁷⁴. С партийной и идеологической работой было хуже, но признание и быстрое исправление новым руководством своих ошибок в глазах вышестоящих органов и местных коммунистов сглаживало недостатки. Ключевую роль во всем этом сыграл Аристов, опытный номенклатурщик и человек редкостной трудоспособности. Будучи выдвиженцем Маленкова, он получил значительную помощь, но решающую роль сыграло то, что он сумел быстро вникнуть в местные дела, настроить на рабочий лад обком и подчинить себе хозяйственников. Впрочем, выкладываться сверх человеческих сил Аристова понуждали и промашки в Красноярском крае, из-за которых его перевели в Челябинскую область. Если бы он не справился на новом месте, его карьера завершилась бы так же, как у Белобородова.

Из изложенного выше материала следует, что «челябинское дело» было составной частью масштабных кадровых чисток 1949—1950 гг., охвативших партийные и хозяйственные органы центрального и регионального уровня. Для его появления имелись объективные причины: недостаточная компетентность партийного руководства области, запущенность основных участков работы, потакание директорам крупных предприятий, забвение важнейших правил внутрипартийной жизни и многое другое. Но в высших органах власти на эти недостатки, вполне обычные для руководства многих региональных комитетов партии, обратили внимание лишь с укреплением там команды Маленкова. Ключевую роль здесь сыграло «дело» Зальцмана, которое Маленков использовал для укрепления своих позиций в Совете Министров СССР и структурах, связанных с атомным проектом. Секретари Челябинского обкома ВКП(б) открыто поддержали Зальцмана, вследствие чего и сами подверглись критике сверху. Случайно открывшиеся тогда же непорядки в комсомольских организациях области и Магнитогорском горкоме партии уже к августу 1949 г. позволили сформировать основу «дела» Челябинского обкома. Но второй этап, когда определяли меру наказания местному руководству, затянулся на четыре месяца из-за занятости Маленкова более важными делами, прежде всего «ленинградским». Только в январе 1950 г. наверху решили более не раздувать «челябинское дело», но при этом вынесли на публичное обсуждение с участием местного партийного актива. В таком виде «дело» вызвало заметный резонанс в самой области, настроило ее руководство на необходимый лад и к концу 1950 г. кризис в ней был уверенно преодолен. Последнее обстоятельство наряду с тем, что немногочисленные виновные получили неожиданно мягкое наказание, и обеспечило «неизвестность» делу Челябинского обкома ВКП(б).

Примечания

1. БОЛДОВСКИЙ К.А. Аппарат Ленинградской городской партийной организации и его место в системе властных отношений в СССР. 1945—1953 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб. 2013, с. 9—10, 24—28; ЗУБКОВА Е.Ю. Прибалтика и Кремль,

- 1940—1953. М. 2008, с. 300—319; ХЛЕВНЮК О.В., ГОРЛИЦКИЙ Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. 2011, с. 84—112.
2. ЛЕЙБОВИЧ О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40—50-х гг. М. 2008, с. 114—177; ЛОСЕВА И.В. Массовые политические репрессии в российской провинции: «ленинградское дело» в Горьковской области. — Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009, № 2, с. 100—103; СУШКОВ А.В. Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.). — Уральский исторический вестник. 2011, № 3, с. 89—95.
  3. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953. М. 2004, с. 240.
  4. Общество и власть. Российская провинция. 1917—1985 гг. Челябинская область: документы и материалы. Т. 2. Челябинск. 2005, с. 97—101, 103—109; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, с. 240—244.
  5. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, с. 240—244.
  6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО), ф. П-288, оп. 13, д. 164, л. 37, 42; МОТРЕВИЧ В.П. Восстановление сельского хозяйства на Урале в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.). — Аграрный вестник Урала. 2012, № 4, с. 23—26.
  7. ОГА ЧО, ф. П-288, оп. 13, д. 164, л. 5, 9—20.
  8. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, с. 170—173, 236—240, 245—248.
  9. В семейном архиве Галины Александровны Рехтиной (дочери А.А. Белобородова) хранится экземпляр воспоминаний Н.С. Патоличева с многозначительной дарственной надписью от 27 декабря 1977 г.: «Примите, дорогой Александр Андрианович, “Испытание на зрелость” на добрую память о вместе пройденном».
  10. ОГА ЧО, ф. П-234, оп. 23, д. 2, л. 72—149; д. 3, л. 216—220об., 237—237об.
  11. Там же, ф. П-288, оп. 14, д. 2, л. 49, 66.
  12. Там же, ф. П-124, оп. 1, д. 633, л. 32—46, 163—179, 192—204, 240—241; ф. П-288, оп. 14, д. 2, л. 50, 159.
  13. Там же, ф. П-288, оп. 12, д. 50, л. 20—24, 122—130.
  14. Там же, оп. 14, д. 127, л. 15—19; оп. 71, д. 213, л. 20—41.
  15. Там же, оп. 12, д. 135, л. 26—27.
  16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 127, д. 1700, л. 121—135.
  17. Там же, д. 1345, л. 202—203.
  18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-8300, оп. 15, д. 1048, л. 1—8, 103—107, 122—137.
  19. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 5, л. 117—121.
  20. ГА РФ, ф. Р-8300, оп. 15, д. 1071, л. 64—84; д. 1085, л. 301, 303—311, 320—323, 336—337.
  21. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, с. 113—120; РУБЦОВ Ю.В. Мехлис. Тень вождя. М. 2011, с. 323—329.
  22. ОГА ЧО, ф. Р-792, оп. 16, д. 2, л. 4—11.
  23. ГЕРВАШ А. Танковый нарком. — Труд. 13.10.1988; СЕРГИЙЧУК В. Танковый король России. Киев. 2005, с. 3—6.
  24. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 352, л. 146—161.
  25. Там же, ф. 558, оп. 11, д. 876, л. 13—18.
  26. Там же, ф. 17, оп. 118, д. 352, л. 142, 145—162.
  27. Там же, д. 360, л. 117; д. 448, л. 188—203; ОГА ЧО, ф. П-124, оп. 1, д. 904, л. 83; Путь советского офицера: Владимир Дмитриевич Тарасов (1923—1978). Челябинск. 2013, с. 110—112.
  28. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 405, л. 34.
  29. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М. 2003, с. 617.
  30. ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 51, д. 707, л. 9—31; ф. Р-8300, оп. 15, д. 1108, л. 25—47.
  31. ШУБАРИНА Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: Региональный опыт развития, 1945—1965 гг.: монография. Челябинск. 2011, с. 81—82.
  32. ОГА ЧО, ф. П-234, оп. 23, д. 8, л. 88—89, 130—132.
  33. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 601, л. 183—191; оп. 4, д. 1081, л. 24.

34. Показательно, что получив от Г.М. Маленкова негативный отзыв о своей работе, члены комиссии немедленно «вспомнили» еще несколько фактов о грубом и недостойном поведении Зальцмана. См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 448, л. 160—161.
35. Там же, л. 164—174.
36. Общество и власть, с. 94—96.
37. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 448, л. 175—187; ОГА ЧО, ф. П-124, оп. 1, д. 969, л. 108, 160; ф. П-288, оп. 14, д. 2, л. 68, 82, 161—162.
38. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 467, л. 23—25; ф. М-1, оп. 3, д. 601, л. 183—206; оп. 4, д. 1086, л. 10.
39. Там же, д. 448, л. 128—130.
40. ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 51, д. 707, л. 72—74.
41. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 467, л. 21—22; д. 485, л. 195—208.
42. Там же, л. 204.
43. Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб. 2009, с. 56—58.
44. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1078, л. 34—35; ф. 558, оп. 11, д. 762, л. 32—35.
45. ОГА ЧО, ф. П-288, оп. 13, д. 90, л. 8; д. 94, л. 27, 174—186; ф. П-485, оп. 1, д. 1851, л. 14, 25—27об.
46. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 522, л. 25—27.
47. ОГА ЧО, ф. П-288, оп. 13, д. 108, л. 4—7, 37—54; оп. 42, д. 33, л. 121—123, 130—146.
48. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 668, л. 19—22.
49. ОГА ЧО, ф. П-288, оп. 13, д. 160, л. 72—73, 81—86; д. 161, л. 62—63; д. 198, л. 16—18, 103—104.
50. Там же, ф. П-288, оп. 13, д. 155, л. 1—84, 116—119; оп. 14, д. 127, л. 110—113.
51. ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 383, л. 281—283; д. 395, л. 120—123; д. 400, л. 374—379; д. 413, л. 256—265.
52. Общество и власть, с. 109—116.
53. ОГА ЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 2, л. 90.
54. Там же, ф. П-92, оп. 6, д. 188, л. 79; ф. П-288, оп. 14, д. 2, л. 69—70, 90.
55. СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 92—94.
56. ОГА ЧО, ф. П-288, оп. 13, д. 5, л. 20; д. 6, л. 62—84; оп. 14, д. 2, л. 86.
57. Там же, ф. П-124, оп. 1, д. 897, л. 39—41, 53, 101—103, 116—117, 131—132; ф. П-288, оп. 14, д. 2, л. 71.
58. Там же, ф. П-288, оп. 13, д. 160, л. 77; д. 161, л. 88.
59. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 596, л. 131—136; д. 705, л. 1—11.
60. ОГА ЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 2, л. 149.
61. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 693, л. 32—49.
62. Там же, оп. 116, д. 480, л. 2; оп. 118, д. 693, л. 1—68.
63. Там же, оп. 116, д. 481, л. 77.
64. Там же, ф. 558, оп. 11, д. 899, л. 138—139.
65. По совету друзей (В.Э. Дымшица и возможно Н.С. Патоличева) Лесков отказался от этого предложения и поэтому во время пленума ожидал ареста.
66. ОГА ЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 2, л. 20—189.
67. Там же, л. 195—202.
68. РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 744, л. 223—229.
69. Там же, оп. 116, д. 491, л. 59, 61—62.
70. О том, что Белобородову предоставили возможность самому выбрать место новой работы, в своих воспоминаниях сообщает его дочь Г.А. Рехтина: «Ему предложили на выбор несколько вариантов. Точно помню, что среди них были Тверь, Брянск и Калининград. Брянск казался совсем уж небольшим городом, Калининград находился слишком далеко и тоже был мал, и только Тверь находилась рядом с Москвой. Это обстоятельство оказалось решающим, потому что именно тогда встал вопрос, где дальше будет учиться окончивший с медалью школу Анатолий (сын А.А. Белобородова. — А.Ф.)». Личный архив автора.
71. КОРСАКОВ С.Н. Белобородов Александр Андрианович. Челябинская область: энциклопедия. Т. 1. Челябинск. 2008, с. 351.
72. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, с. 437.
73. Памяти Анатолия Григорьевича Лашина. — Вестник Московского университета. Серия 12, социально-политические исследования. 1994, № 2, с. 96.
74. Очерки истории Челябинской областной организации КПСС. 1917—1977. Челябинск. 1977, с. 228—230.

1812 г. в судьбе жителей провинциальных городов Центральной России

А.В. Белов

Аннотация. В работе на конкретном материале дан анализ степени ущерба, нанесенного армией Наполеона мирным жителям России. Показаны формы, в которых происходил этот процесс. Дан анализ действиям оккупационной армии. В том числе, имевшим характер целенаправленного военного грабежа. Уделено внимание и случаям причинения убытка со стороны военнослужащих собственной армии, борьбе с этим явлением со стороны государства и формами государственной компенсации.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, оккупация, мародеры, Великая армия.

Annotation. The article deals with analyzing the degree of the damage caused by Napoleon's army to Russian civilians. The forms of this process are shown. The actions of occupational army are analyzed, as well as purposeful military robbery. The cases of loss from the military personnel of Russian army are also studied, as well as fighting against this phenomenon by the state and forms of state compensation.

Key words: Patriotic war of 1812, occupation, marauders, Grand army.

Период Отечественной войны 1812 г. остался в истории страны как пример невиданного роста патриотизма и национального самосознания, жертвенного героизма армии и народа. Вместе с тем, заслуженная слава российского оружия не исчерпывает всей истории той эпохи. В 1812 г. на территорию исторического центра страны вторглась хорошо оснащенная французская армия. Вместе с собой наполеоновские солдаты принесли массовые разорения и бедствия для жителей внутренних губерний, двести лет не знавших военных действий. Общая канва конфликта, тяготы военного времени, сопряженные с перемещением, в том числе, и русской армии, вносили свой вклад в разорение территорий, вели к пагубным последствиям для их жителей, отразившись в демографической динамике последующих десятилетий.

Белов Алексей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: belovavhist@mail.ru.

Belov Alexey V. — PhD (in history), senior research associate of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences. E-mail: belovavhist@mail.ru.

Наполеоновское вторжение прокатилось по землям исторического русского центра как каток, уничтожающий накопленный за столетия хозяйственный потенциал страны и устоявшееся благополучие жителей. Разорение губерний Центральной России, являвшейся одним из наиболее развитых и заселенных регионов, важнейшим транспортным узлом, грозило бедствиями всей стране. Наибольший ущерб был нанесен городам и жителям, оказавшимся непосредственно на направлении перемещения наполеоновской армии. Применительно к Центральной России это относится к большей части поселений Московской и востока Калужской губерний. На территории последней оказались 3 города, претерпевшие непосредственное военное разорение. Два из них (Боровск и Малоярославец) были полностью уничтожены неприятелем в ходе многочасового боя (первый) или как месть за непокорность накануне отступления (второй). Третьему (Медынь) причинили убыток русские войска.

Учрежденная вскоре после войны «Комиссия для вспоможения разоренным от неприятеля»¹, определила для городов Московской губернии размеры ущерба: «причиненное неприятелям разорение обывателям насколько составляет суммою, полагая онную по заслуживающим вероятным сведениям»². Согласно этому документу, можно выстроить официально признанную иерархию разорения жителей городов Московской губернии.

Первое место по степени ущерба, естественно, занимала «столичная» и торговая Москва (249 млн 787 тыс. 387 руб. 85 1/2 коп.). За ней по убывающей шли: Веря (2 млн 525 тыс. 380 руб. 21 коп.), Можайск (862 тыс. 185 руб. 88 коп.), Серпухов (658 тыс. 605 руб. 14 коп.), Бронницы (304 тыс. 318 руб. 93 коп.), Подольск (281 тыс. 478 руб. 7 коп.), Руза (261 тыс. 543 руб. 84 коп.), Звенигород (182 тыс. 555 руб. 86 коп.), Богородск (74 тыс. 75 руб. 60 коп.), Клин (20 тыс. руб.), Волоколамск (4 тыс. 995 руб. 5 коп.) и Коломна (4 тыс. рублей). Кроме того, большой ущерб был причинен Дмитрову, имущество которого, по признанию комиссии, было «большой частью разграблено». По косвенным данным, по урону, нанесенному жителям, город занимал приблизительно 10-е место, находясь между Богородском (занятым передовыми частями Великой армии) и тыловым Клином.

Жители всех без исключения городских поселений при приближении неприятеля в подавляющем большинстве покидали город, унося лишь то, что представлялось возможным. Нередко для эвакуации практически не было времени. Из-за этого урон для домашнего имущества и товаров был особенно большим. Исключение составила Руза, жители которой были буквально застигнуты врасплох, отчего масштаб ущерба был особенно заметным. Оказавшись в плену у солдат враждебной армии, они стали очевидцами уничтожения собственного хозяйства и родного города, оставив интересные свидетельства о характере причиненного ущерба и самом процессе грабежа. Подобные материалы сохранились и по другим поселениям края.

По свидетельству городских обывателей, французские солдаты забирали полностью движимое личное имущество («имущество все разграблено»³). О том же впоследствии сообщают данные комиссии. При проверке домов противник не брезговал даже женской и детской одеждой, обирая жилища всех, в том числе и вдов с детьми. Людей

раздевали в буквальном смысле на улице. Воспоминания о неблагоприятном поведении солдат и офицеров Великой армии сохранились в мемуарах одного из них — офицера Эжена Лабома, описавшего разорение Рузы: «многие... грабили и тащили все вплоть до платья с женщин и детей»⁴.

Примеров разграбления хозяйств бедных семей множество. Один из них, например, связан с домом «мещанской жены вдовы» Матрёны Назаровой Смирновой, жившей с единственным малолетним сыном. Неприятель отнял у них все, что нашел: хлеб и овощи (191 руб.), скот и птицу (44 руб.), а также платья (41 руб. 90 коп.). Итого 276 руб. 90 копеек⁵. Типичным примером награбленного является список изъятого у рузского мещанина Фёдора Архипова сына Стрелкова⁶. Солдаты забрали у него хлеба на 55 руб. 14 коп., сена на 34 руб., лесу на 28 руб. 30 коп., платья на 48 руб., скота и птиц на 66 руб. 40 коп., «огородного овощу на 31 рубль» и посуды домашней на 32 руб. 70 копеек.

Если проанализировать подход солдат противника к задачам и, как следствие, к предметам грабежа, то они сводятся к нескольким основным группам. Первая — забрать все, до чего только можно было дотянуться. На это есть множество прямых указаний самих жителей. Вторая — любые продукты и фураж, которые, судя по объемам, забирались полностью. Абсолютно во всех домах изымали в огромном количестве сено, хлеб, скот, птицу и «огородный овощ». Отнимали буквально все, имевшее отношение к еде. Так, например, у рузского мещанина Карпа Егорова сына Параштина со двора вынесли даже улей с пчелами⁷.

Кроме того, целью грабежа солдат, обыскивавших дома обывателей, был инструмент и полуфабрикаты производства. Особенно железо («колец кованных 20 руб.»), а также лошади. Их изымали всегда, сразу и безжалостно. Одежду (как и продукты) забирали абсолютно у всех категорий жителей и в большом количестве.

Особым объектом повышенного интереса мародеров выступали деньги и ценности. Французы и их союзники с особым рвением искали у русских «граждан» сокровища и деньги, спрятанные в доме или в земле. Для поиска кладов (случаи очень частые во время оккупации городов) французские солдаты методично перекапывали дворы, по опыту зная, где можно обнаружить сокровище. Нередко такие схроны находились. Если хозяева отказывались добровольно передать сбережения, применяли силу. В прошениях о компенсации, написанных после освобождения, часто использовался особый термин «отбито» (например, «отбито 265 руб.»⁸), то есть отобрано силой.

Отнимая деньги, наполеоновские солдаты (как и в случае с иными видами имущества) не смотрели ни на состав семьи, ни на ее благосостояние, ни на конфискуемую сумму. Удивительно, но французы и их союзники не брезговали даже медной российской мелочью. Так, например, доход от грабежа дома рузского мещанина Павла Васильева сына Воскова составил всего-навсего 3 руб. 60 копеек. Горожанин содержал семью, состоящую из жены, двух сыновей и двух дочерей, и, судя по размеру ущерба, относился к весьма небогатым людям⁹. Исходя из прошений жителей городов губернии, всего у них было отнято денег на 7 тыс. 556 рублей. В том числе 4 тыс. 608 руб.

нашли в домах и отобрали без применения силы, 2 тыс. 948 руб. (40%) «отбили»¹⁰.

Обязательным предметом грабежа повсеместно были иконы или «божия милосердия», как часто сами горожане именовали домашние образа. Судя по документам, они пропадали не из каждого дома. Это обстоятельство указывает на то, что мародеров интересовал не сам образ, а украшающие его оклады, например, серебряные венцы, фрагменты которых часто находили в ранцах солдат отступающей Великой армии. В одном из них обнаружили «серебра с разными металлами смешанного пуд четырнадцать фунтов; в изломанных окладах, венцах, сосудах, кадилах и других церковных утварях оказалось серебра пуд тринадцать фунтов», что также указывает и на цели, и на масштабы грабежа¹¹.

Жители Рузы указывали, что из их икон были выломаны драгоценные части («с икон серебра на 2 рубли 50 коп.»¹²). Впрочем, так как отношение к иконе на Руси было особенное, даже в бедных семьях не скупилась на ее украшение. Так, например, у рузского мещанина Матвея Ильина сына Шепердяева, содержащего помимо себя, жены и сына еще двух племянников и сноху, все богатство которого состояло в основном из платья на 62 руб. и хлеба на 88 руб., было украдено «образов» на заметную сумму — 20 рублей. Этот убыток составлял $\frac{1}{10}$ от всего имущественного ущерба мещанской семьи. В доме рузского мещанина Павла Гаврилова сына Уздыкина «икон в окладе серебряных» было похищено на 100 рублей¹³.

Особую группу утраченного составила... деревянная посуда! Наполеоновские солдаты тащили ее из всех домов и в огромном количестве. При этом главной целью сбора выступало в буквальном смысле уничтожение награбленного: деревянную посуду «жгли». Указание на это встречается множество раз¹⁴. Не желая возиться с колкой и рубкой дров, в дело пускались бочки, кадушки, миски и чашки, которые легко разламывались или горели целиком. Показательно, что в перечне утрат рядом с ними всегда стояли «дрова», «тес», приготовленный для строительства лес с указанием «всего сожжено». В документах часто встречаются такие обороты: «созжено разного материала и дров на 210 руб.», «посуды и дров на 91 рубль», «созжено дров и досок, и посуды на 139 руб.»¹⁵ и т.д. При этом во всех случаях указано, что дом неприятель оставил целым, и, следовательно, списать утрату на пожар нельзя.

Утрата посуды с первого раза может показаться незначительным эпизодом. В действительности же это был важный и дорогостоящий атрибут дома и хозяйства. Так, к примеру, ущерб рузского мещанина Александра Николаева сына Фокина от того, что у него «разной посуды было сожжено», составил просто астрономическую для малого русского городка сумму — 100 рублей. Для сравнения, отнятый французами у ружанина Степана Гаврилова сына Калашникова в Москве конь со сбруей был оценен обществом в 20 руб. 60 копеек. Таким образом, общий ущерб от изъятия и уничтожения бочек и ложек только одного ружанина Фокина равнялся пяти рабочим лошадям.

Наиболее убыточной для местных жителей целью грабежа выступали места скопления товаров: «разграблено именно из лабазов»¹⁶ и т.п.

Жители Центральной России были абсолютно уверены, что война не доберется до их порога. В 1812 г. русская мещанская вдова Василиса Иванова Остафьева возвела для себя дом. К моменту прихода неприятеля строительство до конца закончено не было, и при доме оставалось большое число «дров и тесу». Стоимость уже готового жилья составляла 2 тыс. 300 рублей. Для сравнения: у живущих по соседству мещанина Антона сына Парашина дом оценивался в 948 руб., а у Дмитрия сына Фокина еще ниже — в 160. Счастливая хозяйка даже успела перебраться в новое жилище и наполнить его домашним скарбом, сгоревшим вместе со зданием. Общий урон домовладелицы был оценен в 3 тыс. 696 рублей. Причем 850 руб. были в буквальном смысле выбиты («отбиты») у нее солдатами. Потерявшая все на склоне лет мещанка осталась одна с дочерью и без каких бы то ни было «имений». В пособие ей решено было выделить 500 руб. и еще 546 обещали внести «в разряд движимого имения»¹⁷.

Другой пример относится к самой богатой до 26 августа 1812 г. жительнице Рузы — вдове местного купца 2-й гильдии (для такого города высокий статус) Александре Фёдоровне дочери Кармилиной. Как и многие деловые и богатые жители уездных подмосковных городов, она постоянно жила в Москве. Причем в престижной и деловой городской части. Здесь в 1798 г. Кармилина даже купила себе дом за 17 тыс. руб., что говорит о состоятельности и предпринимательской удачливости купчихи. В 1805 и 1808 гг. здание было перестроено как «каменное в двух этажах строение». Все это (вместе с прежней покупкой) обошлось купчихе Кармилиной в 47 тыс. рублей. К 1812 г. богатый дом наполнился многочисленным имуществом и необходимыми запасами. Все это сгинуло в огне московского пожара, и если что-то и осталось, то перекочевало в мешки мародеров. Общий итог убытка был равен 79 тыс. 384 рублям. Кармилина претендовала на «вспомоществование», но получила лишь 4 тыс. руб.: полицейские власти усомнились в ее окончательном разорении и дали справку, что купчиха может «поправить свой дом от капитала»¹⁸. На иждивении у бывшей за полгода до этого очень богатой и успешной женщины находилось три сына и дочь.

Особое внимание наполеоновские солдаты уделяли лавкам. При этом неоднократно отмечалось, что «неприятельские французские войска» неизменно лавки «жгли» именно «при вступлении» в город¹⁹. Показательно, что поджоги лавок никогда не носили характер сокрытия преступления после расхищения чужого имущества: шла война, и грабеж не воспринимался солдатами вторгнувшейся в чужую страну армии как беззаконие. Более того, лавки неоднократно жгли именно вместе с товаром²⁰. Наряду с ними также преднамеренно уничтожали наполненные товарами и сырьем амбары и сараи. Так, к примеру, только у одного русского мещанина Петра Матвеева сына Фролова неприятелем были сожжены «лавка и в ней товару на 658 руб.» и «анбар с посудой и конской упряжью на 181 руб.». У мещанина Ивана Моесеева сына Карзина две «лавки и анбар сожжены с товаром на 380 руб.». Потеря только товара в сожженной лавке мещанина Потапова Иванова сына Парашина составила 560 рублей²¹. Стоимость уничтоженного имущества Федосьи Егоровой дочери Парашинной была близка к тысяче. Вместе со стоимостью лавки ущерб

составлял 830 рублей. Ущерб купца Михаила Петрова сына Брюшкова в двух лавках от гибели «товару разного, как то рукавишного и красного» составил более 5 тыс. рублей. Стоимость самих лавок по сравнению с этим была незначительной — 350 рублей ²².

Таким образом, поджог лавок и разного рода складов был целенаправленным действием, которое напрямую входило в задачи армии вторжения. Массовое уничтожение торговых и складских сооружений велось вместе с содержащимися в них товарами и производилось для решения практических задач войны — подорвать торговлю в покоряемой стране, нанести урон ее экономике, жителям, элите и сделать их в итоге слабее или стоворчивее, что в тех условиях являлось одним и тем же.

Целенаправленный поджог лавок часто вел также к полному или частичному разрушению жилых покоев, которые находились в общем доме: «Имел я в Московской губернии в городе Рузе собственный свой деревянный дом, который неприятелем сожжен, а имущество разграблено... а именно сожжен дом со строением на 945 руб., товару в лавке на 189 руб.» ²³.

Если при входе в города неприятель жег лавки и амбары, то по оставлении их — запаливал жилые дома. «Отъщечик» уездного казначейства Яков особо отмечал, что «собственный мой дом... по выступлении из Рузы неприятельских французский войск» остался цел. О том же сообщал и писарь местного уездного казначейства Максим Тимофеев ²⁴. Даже в Дмитрове, когда французским войскам грозило окружение и уничтожение, при спешном выходе из города они пытались разрушать дома и торговые объекты.

Дополнительной и важной причиной тяжелого разорения жителей Московской губернии стало уничтожение «столичного города Москвы». Наибольший ущерб был причинен верейцам, которые несколько веков традиционно имели большие обороты на московском рынке. В отличие от них, жители других городских поселений края не играли в торговле Первопрестольной столь заметной роли и в основном занимались здесь ремеслами или служили приказчиками при московских купцах. Но, так как занятие это было распространенным, то и ущерб от него являлся весьма ощутимым.

Так, рузский мещанин Максим Анисимов Царапкин занимался в Москве производством рам и коробов для зеркал. Во время нашествия неприятеля все его домашнее имущество, инструмент были разграблены, а общая сумма ущерба составила 2 тыс. 120 рублей. Другой мещанин, Гаврила Степанов сын Калашников, жил в Москве в Рогожской части. Судя по перечню утрат, он имел в «Столичном городе» собственное «заведение» «ситцеваго мастерства». В огне Великого пожара погибли принадлежащие фабриканту инструменты (столы, манеры, щиты, посуда), а также краски на 1 тыс. 124 руб. 70 копеек ²⁵.

Купец города Рузы Дмитрий Никитин сын Карзин торговал в городской части Москвы в лавке в Шапошном большом ряду. При приближении неприятеля «не имел способа из Москвы вывести свой товар». В итоге весь он на сумму в 5 тыс. 741 руб. полностью погиб. Как, впрочем, и все, что находилось в то время в центральной торго-

вой части города ²⁶. Наличие при купце жены и малолетней дочери не позволило ему покинуть Москву даже налегке. В итоге они вместе пережили оккупацию и находились «в порабощении, претерпевая разные изнурения» ²⁷.

В Большом Шапошном ряду рузжане не были редкостью. Другой выходец из этого города, сын купца 3-й гильдии, из-за нашествия потерял товара на 2 тыс. рублей. Аналогичная судьба постигла и «3-й гильдии купецкого сына Данилы Климова сына Стрелкова». По его собственным словам: «В вверенным мне от разных людей капитал производил я здесь в Москве в Городской части в Китай-городе в нанимаемых в Шапошном ряду лавок и палатке разным товаром торг как-то шапками с бобровым, собольим, и крымскими, околами, с бархатными и прочими верхами, а также пуховыми шляпами, офиерками султанами, и полимажем, и всего у меня того выше писаного товара было на 8 тыс. 800 руб. во время бытности в Москве неприятелей разграблен и созжон» ²⁸.

В Кафтанном ряду Китай-города торговал Алексей Ефимов сын Крупенин. Он работал на московского купца Ивана Нестерова. Когда неприятель подступал к городу, сам Нестеров с семейством уехал, оставив в лавке провинциального и зависимого от него работника. Судя по всему, рузжанин был человеком предприимчивым, так как даже в тех сложных условиях смог наторговать на 645 рублей. Но при вступлении «Великой» армии в город весь товар и вырученные деньги пропали. Ущерб составил 1 тыс. 275 рублей. Вскоре французы явились к приказчику «в квартиру» и насильно отняли его личное имущество ²⁹.

Заняв город, французские солдаты охотно брали в плен местное население и широко использовали его на разных работах. Всех пленных, в частности в Рузе, разбивали на две группы. Одних отправляли для работ в Смоленск. Как правило, это были члены инвалидной команды и молодые горожане. Других использовали в самом городе. В этом случае в качестве пленных рассматривали всех членов семьи независимо от пола и возраста. Так, рядовой русской инвалидной команды Иван Шеховской был взят в плен вместе со своей женой ³⁰. Старший унтер-офицер рузской уездной инвалидной команды Григорий Фёдоров сын Сафронов находился в плену «со всем семейством», то есть женой и тремя детьми, а рядовой Гаврила Гирюшин — с женой, двумя сыновьями и дочерью ³¹.

Иностранные солдаты, как правило, не испытывали к местному населению особо теплых чувств, стремясь подчинить и жестко контролировать его поступки. Так, по признанию мещанина Игнатия Иванова сына Фокина «во время нашествия французского неприятеля» был убит его отец. В итоге на иждивении Игнатия оказались брат и две дочери ³². Кто-то из солдат убил служащего рузской воинской штатной команды Смирнова («от которого неприятеля муж мой жизни лишен»). Унтер-офицер инвалидной команды Алексей Емельянов получил удар саблей по голове. Подобный прием принуждения населения и пленных к повиновению использовался наполеоновскими солдатами неоднократно. Живший в городе рядовой инвалидной команды Прохор Кашелников был «от неприятеля ранен по носу саблею от чего имеется великий знак». Другому «инвалиду» повезло мень-

ше — его убили, а оставшийся паспорт наполеоновские солдаты похитили ³³, по-видимому, стремясь продать.

Не лучше была судьба у пленных, вывезенных на работы в Смоленск. Рядовой рузской инвалидной команды Василия Фёдорова скорее всего погиб в плену, так как в город (в отличие от многих) не вернулся ³⁴. Причем случай этот был далеко не единственным ³⁵.

Все города, оказавшиеся в зоне оккупации, лишились подавляющей части своих общественных сооружений. Это не только уничтожало труды многих десятилетий, но и лишало «общество» доходов, которые могли поступать от их использования. Так, в Верее оккупационные войска полностью разрушили «каменный магистрат двухэтажный об двенадцати покоех, гостиной двор крытый тесом в нем каменных 50, деревянных внутри онаго 20, да в особом месте построенных для продажи... 10 лавок». Также были уничтожены сооружения, используемые «для помещения во время квартирования полковых лошадей» ³⁶. Отступая, французы сожгли здание духовного правления. Во время пожара пресвитер Рождественского собора Иоанн Скобеев перенес в трапезную дела правления. Благодаря этому они были спасены от уничтожения. После освобождения духовное ведомство Вереи работало в каменном подвале под церковью ³⁷.

Ситуация в других центрах (не говоря уже о Москве) была еще страшнее. Фактически ничего не осталось от Можайска, через который дважды прошла армия Наполеона. Причем во второй раз отступавшие из Москвы и Малоярославца солдаты откровенно мстили за свое поражение. Согласно данным о «степени разорения», представленным Московскому военному генерал-губернатору 14 декабря 1814 г., «обывательских домов выжжено 13 каменных и 228 деревянных» ³⁸. В начале века в Можайске значилось 7 каменных и 517 деревянных зданий ³⁹. Таким образом, окончательно покидая город, французы и их союзники целенаправленно уничтожали в нем всю каменную застройку. Деревянная была сожжена приблизительно наполовину. Наряду с ней исчезла и подавляющая часть казенных (административных, общественных и торговых) зданий: «корпуса присутственных мест, соляного магазина, деревянных почтовой экспедиции и двух питейных домов». Государство вынуждено пошло на выдачу отдельной компенсации жителям пригородной ямской слободы, которую неприятель спалил полностью — все 143 дома и прилегающие к ним постройки. Общий ущерб, по официальной оценке, насчитывал 117 тыс. 172 руб., что составило 14% от материальных потерь жителей всего города ⁴⁰.

По свидетельству Е. Лабома, полки, отступавшие через Можайск к Смоленску, старались обойти пустой, сожженный и заполненный трупами город (армия «не проходила через Можайск» ⁴¹). Города уже не существовало и использовать его как часть коммуникации не имело смысла. Показательно, что Наполеон, проезжая свою главную тыловую базу около Москвы, не остановился здесь на ночлег, так как в Можайске не было даже сколь-нибудь подходящего для этого дома. Такой нашли лишь в восьми километрах к Смоленску, где и был устроен привал ⁴².

Надругательству со стороны оккупантов подвергся уцелевший «подгородный» Лужицкий монастырь. Квартировавшие в обители солдаты 8-го армейского корпуса Жюно намеренно оставили здесь гору

коровьих трупов, пробитые гвоздями иконы, заминированные постройки, а также книги и документы архива, использованные в качестве туалетной бумаги («все по нужникам и в навозе валяются»⁴³).

Колоссальной проблемой для всех без исключения захваченных городов стала уборка большого числа трупов, разложение которых повсеместно вело к эпидемиям. По воспоминаниям самих французов и их союзников, уцелевшие дома в городах были «полны трупов»⁴⁴. Только в одном Можайске, спустя полгода после изгнания неприятеля ассенизационные команды подняли еще 598 человеческих и 253 лошадиных трупа. Несмотря на рапорты Ф.В. Ростопчина о завершении работ зимой 1813 г., уже весной их пришлось возобновить. В освобожденной от мертвых тел Верее весной 1813 г. обнаружили еще 19 человеческих и 18 лошадиных останков. Окончательно работы по очищению городов и уездов удалось завершить лишь (по официальным данным) к 1 мая 1813 года⁴⁵.

Не менее тяжелой была судьба и тех поселений, через которые не прошел поток основных сил. Пример этому дает маленький Звенигород, оказавшийся на маршруте следования единственного корпуса. Проезжавший через город спустя пять лет по завершении войны император Александр I был буквально потрясен бедственным состоянием Звенигорода, особо указав на это своим министрам⁴⁶.

Оказавшиеся в похожем положении Бронницы пострадали меньше. По официальным данным, за время господства в городе неприятелем было сожжено 17 бытовых деревянных домов. Общий урон «по заслуживающим вероятным сведениям» составил 304 тыс. 318 руб. 93 копейки⁴⁷. Впрочем, данные об ущербе, скорее всего, как и в других случаях, несколько занижены или иначе интерпретированы. По подсчетам исследовательницы И.А. Сливки, обрабатывающей непосредственно прошения горожан, «пострадало от пребывания французов» 136 домов⁴⁸.

После освобождения главной тормозящей силой, не позволявшей возобновить городские промыслы, было отсутствие у местных жителей свободного капитала. Примерно 3% из числа уцелевших и вернувшихся жителей смогли вскоре заняться мелочной торговлей, но влезли из-за этого в долги. Еще 2% совмещали мелочную торговлю и промыслы. Ремеслом и «своею работою» кормило себя не более 14% от подавших прошения. Причем почти половина из них одновременно искала возможность для торговли спасенными вещами.

Стремительное разорение отодвинуло на второй план традиционные для города ремесла и посредническую торговлю. Первое место заняла не продажа, а распродажа вывезенного сбереженного имущества. В разоренной округе с множеством сожженных деревень любой город продолжал играть роль торгового центра, и это спасало его жителей: «Содержу продажей последнего имущества, которое успел взять и сохранить от разграбления», — писал можайский купец Яков Фёдорович сын Цвилев, владевший до этого деревянным домом и движимым имуществом более чем на 1,5 тыс. рублей⁴⁹. Случай этот типичен для всех поселений края.

Всего в городе, так или иначе, торговало около 80% населения. В том числе и многие мешане. Порой форма промысла была весьма

необычна. Так, находясь вблизи мест сражений, горожане собирали на полях боев пули на продажу.

Из-за разорения многие купцы перешли в мещанское сословие. В частности, Можайская купеческая вдова М.З. Неугодова по причине разорения не смогла оплатить положенный процентный сбор с капитала. По данным ревизии 1816 г., из числа жителей Можайска в мещанство переписались 49 купцов, причем 9 семей перешли туда в полном составе ⁵⁰.

Удивительно, но, несмотря на масштабы разорения и его последствия, в городе почти не жили на милостыню. В Можайске в попрошайничестве призналась лишь 1 семья. Так же мало шли в прислуги (около 2%), что косвенно указывает на тотальное разорение жителей, не способных принять кого-то к себе на работу. Всего на благодарение, помощь родственников и совмещение подаяния с собственной работой существовало не более 7% жителей Можайска.

Печальная судьба постигла и Медынь — небольшой городок Калужской губернии. Все попытки верных Наполеону поляков проложить через город дорогу, чтобы зайти в тыл войскам М.И. Кутузова, заперевшего все еще сильного противника в Малоярославце, ничего не дали. Казаки разбили поляков непосредственно у городских застав, отобрав у них помимо артиллерии и весь обоз. Таким образом, победа была полной, а территория города спасена от вторжения. Но вскоре русская армия, преследовавшая противника от Полотняного завода, прошла через Медынь, оставленную населением, ожидавшим прихода поляков. Проход основных сил многотысячной армии через маленький и пустой город неизбежно привел к его разорению. Ущерб хотя и был не столь ужасающим, как от грабежа оккупантов, но все же весьма ощутимым. События эти пришлось в том числе на 18—19 октября и длились, по меньшей мере, неделю.

Всего в Медыне было разграблено 168 посадских дворов и 1 лавка. Общий ущерб составил 50 тыс. 296 руб. 55 копеек ⁵¹. Также солдаты изъяли партию сапог (11 пар) и полушубков (13 штук), которые жители собирали для армии, но не смогли из-за приближения поляков, отвезти в Калугу, и оставили на хранении в чулане дома медынского мещанина Дениса Талыпова ⁵².

Во время пребывания военных частей вблизи Медыни ими буквально был взят в плен и привлечен к работам на армию местный житель Василий Капитонов сын Жердяев («находился всю неделю за их караулом и работал на казну»). Судя по перечню утраченного им имущества («уголь дляковки железа на 100 [руб.]», «ножей полтораста» и др.) это был профессиональный кузнец, что и объясняет интерес к его мастерству со стороны полковых офицеров. Впрочем, внезапно возникшая «государева служба» не спасла имущество медынского кузнеца от частичного, но весьма ощутимого расхищения войсками (210 руб. 20 коп.) ⁵³. Других случаев пленения русских горожан своими же солдатами в документе отмечено не было.

При сличении обстоятельств расхищения имущества русских горожан своими и неприятельскими солдатами в глаза бросается большое внешнее сходство: обе стороны особо интересовали еда, фураж, теплые вещи, металл, дрова и инструмент. Но при этом налицо и боль-

шая разница. Так, солдаты наполеоновской армии вели буквально тотальный грабеж, изымали практически все. Что не могли забрать — уничтожали, поджигая, в первую очередь, лавки, склады и амбары, а также дома. Обязательной целью было уничтожение икон и поиск денег, вплоть до избиения хозяев. Русские солдаты в медыньском инциденте себе этого не позволяли. Отличительной чертой их грабежа было изъятие из домов того, что было замечено при беглом осмотре и почему-то приглянулось. Полностью отсутствовали случаи надругательства над образами, поиска кладов или избиения жителей для принуждения их к выдаче денег. Обе армии практиковали пленение местных с целью использования в работах на военные нужды.

Вскоре после инцидента в Медыни был произведен сбор прошений о компенсации, осуществленный в два приема за два дня (13 ноября и 9 декабря). Так, например, «гражданству» Суздаля компенсации выдавались до тех пор, пока, согласно тексту источника, «обыватели были удовлетворены»⁵⁴. Но и после этого в городе оставался специально направленный чиновник, призванный не допустить повторения «убытка» в ходе фуражировки проходивших через Суздаль полков ополчения⁵⁵.

Другой факт ущерба от действий своих войск относится к истории Клина, компенсация жителям которого была назначена в 20 тыс. руб.⁵⁶, хотя неприятель не дошел до города 50 верст.

При рассмотрении судьбы городов губерний Центральной России в эпоху 1812 г. нельзя не отметить поведение наполеоновских солдат, основной деятельностью которых был грабеж. У населения в массовом порядке забирали и «выбивали» все мало-мальски ценное. Наряду с этим, задачей армии вторжения было повсеместное уничтожение торговой и иной инфраструктуры города с целью подрыва экономических возможностей страны.

При возвращении к мирной жизни жители вставали перед необходимостью поиска средств существования. Они продавали сохранившееся имущество, правда, если имели возможность заблаговременно покинуть город. Случаи поиска милостыни присутствовали, но не были распространены.

Незатронутые нашествием города и их жители также терпели убытки, в первую очередь, от вынужденного оставления городов и «потери» вещей. В том числе и в результате действий соседей, подразделений регулярной российской армии, казаков и ополченцев.

Освобожденные от неприятеля поселения оказались лишены значительной части сооружений, включая сакральные и казенные, представлявшие особую ценность. Все приходилось начинать сначала, и это ложилось дополнительным грузом на местное, разоренное войной городское население.

Примечания

1. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 20, оп. 2, д. 20, л. 1.
2. Там же, д. 3905, л. 14.
3. Там же, д. 1545, л. 15.
4. ЛАБОМ Е. Путь в Москву. В кн.: Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. Кн. 1. М. 2004, с. 256.
5. ЦИАМ, ф. 20, оп. 2, д. 1545, л. 153.

6. Там же, л. 35.
7. Там же, ф. 20, оп. 2, д. 1555, л. 84.
8. Там же, д. 1545, л. 15 и др.
9. Там же, л. 43.
10. Подсчитано по: ЦИАМ, ф.16, оп. 2, д. 1543, л. 1—184; д. 1545, л. 1—191; д. 1555, л. 1—95.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 93, д. 635, л. 125.
12. ЦИАМ, ф. 20, оп. 2, д. 1555, л. 7
13. Там же, л. 57.
14. Там же, д. 1545, л. 38.
15. Там же, д. 1555, л. 47.
16. Там же, д. 1543, л. 49.
17. Там же, д. 1555, л. 89—90.
18. Там же, л. 95—95об.
19. Там же, д. 1545, л. 21, 29, 45 и др.
20. Там же, л. 53, 191 и др.; д. 1555, л. 39, 44, 49, 62, 66, 67, 73, 82, 91 и др.
21. Там же, л. 82.
22. Там же, л. 73.
23. Там же, л. 79—80.
24. Там же, ф. 20, оп. 2, д. 1543, л. 65.
25. Там же, д. 1545, л. 106—106об.
26. БУРГОНЬ А.-Ж.-Б. Ф. Воспоминания сержанта Бургоня. М. 2005, с. 4—5.
27. ЦИАМ, ф. 20, оп. 2, д. 1543, л. 77.
28. Там же, л. 89.
29. Там же, л. 88.
30. Там же, л. 83.
31. Там же, д. 1545, л. 71.
32. Там же, д. 1543, л. 182.
33. Там же, д. 1545, л. 79.
34. Там же, д. 1543, л. 81.
35. Там же, д. 1545, л. 98.
36. Там же, д. 1541, л. 7.
37. БОЛДИНА Е.Г. Западные уезды Московской губернии после освобождения (ноябрь 1812 — март 1813 года). В кн.: «Сей день пребудет вечным памятником». Бородино 1812—2012. Материалы Международной научной конференции, 3—7 сентября 2012 г. Можайск. 2013, с. 255.
38. ЦИАМ, ф.16, оп. 2, д. 3905, л. 15.
39. РГИА, ф. 1375, оп. 1, д. 6, л. 63об.
40. ЦИАМ, ф.16, оп. 2, д. 3905, л. 15—15об.
41. Французы в России: 1812 год в воспоминаниях современников-иностранцев, с. 501.
42. Там же, с. 505.
43. ДИОНИСИЙ (ВИНОГРАДОВ Д.П.), Архимандрит. Краткая летопись Лужецкого второклассного монастыря с 1708 по 1892 год. М. 1892, с. 140.
44. Французы в России: 1812 год в воспоминаниях современников-иностранцев, с. 505, 520.
45. БОЛДИНА Е.Г. Ук. соч., с. 261.
46. ЦИАМ, ф. 16, оп. 6, д. 3905, л. 9, 26.
47. Там же, оп. 2, д. 3905, л. 16об.
48. СЛИВКА И.А. «Топчет нивы, палит дома, змеем лютым в Русь летит». Город Бронницы и его жители в 1812 году. // <http://www.bogorodsk.ru/irina-slivka>.
49. ЦИАМ, ф. 20, оп. 2, д. 1540, л. 22.
50. ПРОХОРОВ М.Ф. Можайск после Отечественной войны 1812 года. В кн.: Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Бородино, 5—7 сентября 2005 г. Бородино. 2005, с. 328.
51. Государственный архив Калужской области (ГА КО), ф. 282, оп. 1, д. 11, л. 80об.—138об.
52. Там же, л. 138.
53. Там же, л. 407.
54. Государственный архив Владимирской области, ф. 14, оп. 1, д. 1342, л. 148.
55. Там же, л. 153.
56. ЦИАМ, ф. 16, оп. 2, д. 3905, л. 16.

Управление контингентом прусских военнопленных в России в период Семилетней войны 1756—1763 гг.

В.В. Познахирев

Аннотация. В статье реконструируется режим военного плена, применяемый в России к военнослужащим противника в годы Семилетней войны. По мнению автора, этот режим отличался заметной спецификой, детерминированной двумя взаимосвязанными и взаимообусловленными особенностями армии Пруссии: во-первых, многонациональным составом, включающим в себя подданных европейских государств, в т.ч. нейтральных, и даже союзных Петербургу, а во-вторых, чрезвычайно высоким уровнем дезертирства из ее рядов, главным образом, в формах индивидуального и группового перехода на сторону противника. Автор раскрывает уникальный порядок дифференциации пруссаков в русском плену; анализирует отличия в управлении их контингентом от управления военнопленными в периоды войн России со Швецией (1741—1743 гг. и 1787—1791 гг.) и Турцией (1735—1739 гг. и 1768—1774 гг.); приходит к выводу, что опыт развития отечественной системы военного плена, полученный на рубеже 50-х — 60-х гг. XVIII в., мог быть использован российским военно-политическим руководством в ходе последующих вооруженных конфликтов, особенно, в периоды Отечественной войны 1812 г. и обеих мировых войн.

Ключевые слова: Военная коллегия, военнопленные, Восточная Пруссия, дезертиры, Кабинет Министров, Конференция при высочайшем дворе, натурализация, подданство, Правительствующий сенат, репатриация.

Abstract. The article reconstructs the regime of military captivity, used in Russia to the enemy servicemen during the Seven Years' War. According to the author, this regime differed serious specifics, determined by two interrelated and interdependent characteristics of the Prussian Army: first, multinational structure, including the subjects of different European states, in particular neutral and even allied for Petersburg, and secondly, an extremely high level of desertion from its ranks, mainly in the forms of individual and group transition to the enemy. The author reveals the unique order of differentiation of the Prussian prisoner in the Russia; analyzes the differences in the management of their contingent from the management of prisoners in times of wars between Russia and Sweden (1741—1743 and 1787—1791) and between Russia and Turkey (1735—1739 and 1768—1774); concludes that the experience of the development of the national system of military captivity, received at the turn of the 50s — 60s XVIII century, could be used by the Russian military and political leadership during the subsequent armed conflict, especially during the Patriotic War of 1812 and the both World Wars.

Key words: Military Collegium, prisoners of war, East Prussia, deserters, the Cabinet of Ministers, the Conference at the Imperial Court, naturalization, nationalship citizenship, Government Senate, repatriation.

Познахирев Виталий Витальевич — кандидат исторических наук, доцент Смольного института Российской академии образования. E-mail: vvr@list.ru, kaymakam1956@gmail.com.

Poznakhirev Vitaly V. — PhD in historical sciences, assistant professor of the Smolny Institute of Russian Academy of Education. E-mail: vvr@list.ru, kaymakam1956@gmail.com.

Как следует из анализа отечественной историографии, военный плен периода Семилетней войны 1756—1763 гг. никогда не привлекал к себе внимания ни дореволюционных, ни советских, ни современных российских исследователей. Сказанное в полной мере относится и к составителям сборников документов, ибо на сегодняшний день по данной теме опубликованы лишь отдельные акты, не позволяющие не только реконструировать ту систему управления контингентом прусских пленников, которая сложилась в нашей стране на рубеже 50-х — 60-х гг. XVIII столетия, но даже приблизиться к пониманию ее концептуальных основ ¹.

Между тем, названная система отличалась рядом принципиальных особенностей, в том числе и на уровне своей организационной структуры. В частности, возглавлялась она высшим государственным учреждением тех лет — Конференцией при высочайшем дворе, специально образованной для руководства внешней политикой и военными действиями на период противостояния с Пруссией. Правда, в отечественной военно-исторической литературе роль и значение данного органа принято оценивать не слишком высоко. К примеру, по мнению Д.Ф. Масловского, «Конференция, всецело погруженная в разрешение самых сложных стратегических комбинаций», не имела времени «касаться военно-административных частностей, не представляя, однако, их и Военной коллегии... с учреждением Конференции вместо уменьшения переписки и объединения власти... было только большее усложнение и медленность в исполнении дел» ².

В контексте рассматриваемого вопроса мы должны во многом согласиться с приведенной точкой зрения. Управленческая деятельность Конференции действительно не достигла уровня Кабинета Министров, который в ходе Русско-турецкой войны 1735—1739 гг. разработал целый комплекс нормативно-правовых актов, детально регламентирующих режим военного плена и опередивших свое время едва ли не на столетие. Не смогла она заменить и Правительствующий Сенат, который (пусть и менее успешно, но, в целом, вполне удовлетворительно) выполнял те же функции в период Русско-шведской войны 1741—1743 годов.

Хотя из рескриптов Конференции и следует, что руководство интернируемыми в Россию пруссаками она поручила Военной коллегии, данное решение не было четко прописано и не подкреплялось соответствующими организационно-правовыми мерами. В итоге, в России в годы Семилетней войны сложилась довольно громоздкая структура управления контингентом военнопленных, включавшая в себя, помимо Конференции, командование действующей армией и Балтийским флотом, Военную коллегию, Сенат, Адмиралтейств-коллегию, московские конторы Сената и Военной коллегии, губернаторов, комендантов крепостей, а также гарнизонные и полицмейстерские канцелярии в регионах. При этом функции должностных лиц названных органов и учреждений так никогда и не были ясно определены.

Несмотря на то, что в качестве образца для формирования режима военного плена Конференция избрала опыт, накопленный в ходе Русско-шведской войны 1741—1743 гг., есть серьезные основания полагать, что чиновниками органов управления всех уровней (начиная с самой Конференции) этот опыт едва ли должным образом изу-

чался и обобщался. В пользу сказанного говорит уже то, что даже география расквартирования в России пруссаков приобрела в годы Семилетней войны (в сравнении с периодом 1741—1743 гг.) крайне размытые очертания. Формально этих людей предписывалось не оставлять в Петербурге и в «Остезейских провинциях», а размещать в «других приличных внутри государства местах»³. Однако перечень «приличных мест» так и не был определен. И хотя большинство пленников интернировалось в регионы Поволжья и Южного Урала, в действительности к исходу войны их можно было встретить на всем пространстве от Выборга до Астрахани и от Риги до Томска.

Хотя на протяжении 1757—1761 гг. Конференцией было издано несколько десятков рескриптов, так или иначе касающихся военнопленных противника, ни один из них не смог претендовать на роль базового нормативного акта, регламентирующего основы содержания пруссаков в России. Да и сами названные рескрипты, включая те из них, которые носили вполне прогрессивный характер, не всегда отличались последовательностью. Например, прусские офицеры стали первыми в отечественной истории пленными офицерами европейской армии, которым было установлено регулярное денежное содержание (ранее таковое предусматривалось исключительно для турок). Однако беспрецедентно высокий уровень этого содержания (20 коп. в день или 6 руб. в месяц) заставляет думать, что названная сумма определялась вообще без каких-либо обоснований. Действительно, с одной стороны, она не имела ничего общего с российской практикой, так как в ходе войн с Турцией 1735—1739 гг. и 1768—1774 гг. оттоманские офицеры получали от 4-х до 6-и коп. в день, а шведские, вплоть до конца XVIII в., не получали вообще ничего. С другой стороны, тут не прослеживалось связи и с «принципом взаимности», так как пленным русским офицерам, расквартированным, к примеру, в Берлине в 1757—1758 гг., выдавали по 10 талеров в месяц (что составляло по тогдашнему курсу 1 руб. 62 коп.), то есть почти в четыре раза меньше, чем офицерам-пруссакам, интернированным в относительно «дешевую» Казань⁴.

Пример диаметрально противоположного характера являло собой финансовое довольствие пленников из числа нижних чинов. Изначально им, как и шведам в 1741—1743 гг., помимо провианта в натуре, платили так называемые «кормовые» в размере 1 1/2 коп. рядовым и 2 коп. унтер-офицерам. Однако в феврале 1759 г. со стороны Конференции последовало распоряжение довольствовать указанных лиц «равномерно, как и российские в Пруссии содержатся, и каждому давать на всякие пять дней против прусских грошей российскими деньгами по пяти копеек с половиною»⁵. Таким образом, суточное денежное довольствие пруссаков было сокращено до 1,1 коп., что поставило этих людей в гораздо худшие условия в сравнении не только со шведами, но и с турками и поляками (в периоды Русско-турецких войн 1735—1739 гг. и 1768—1774 гг., а также Войны за польское наследство 1733—1735 гг. пленные нижние чины получали от 2-х до 3-х коп. в день). Другими словами, «кормовые», предусмотренные для пруссаков, оказались самыми низкими из всех, какие Россия платила иностранным военнопленным в середине XVIII столетия.

Вместе с тем, в исследуемый период Конференцией был принят и ряд вполне удачных управленческих решений. Так, к безусловным

заслугам данного органа можно отнести установленный им порядок эвакуации пленников, предусматривающий их частичную доставку морем через Кронштадт в Петербург, где пруссаков принимало от флота армейское командование. Порядок этот отличался оперативностью, но требовал четкого взаимодействия военного и морского ведомств, в том числе и в вопросах взаиморасчетов. Связано это было с тем, что в Кронштадте пленные из числа здоровых сразу же переводились на сухопутное довольствие, а больные и раненые (доля которых достигала 15—20%) направлялись в Кронштадтский морской госпиталь, где их предписывалось содержать наравне «с прочими морскими адмиралтейскими служащими», но «на счет сухопутной команды»⁶.

Но самым значительным достижением Конференции мы считаем то, что ей удалось выработать принципиально новую классификацию прусских пленников, детерминированную комплексом факторов, которые можно разделить условно на «внутренние» и «внешние». При этом к первым мы относим вполне традиционное стремление Петербурга:

— побудить как можно большее число иностранных военнопленных остаться в России, если и не навсегда, то хотя бы на продолжительное время;

— сократить как прямые финансовые затраты на содержание пленников, так и расход личного состава, наряжаемого для несения караульной службы в местах расквартирования пруссаков.

«Внешними» факторами мы называем две взаимосвязанные и взаимообусловленные отличительные особенности армии Фридриха II, а именно:

— многонациональный состав, включавший в себя подданных не только Пруссии, но и нейтральных, и даже союзных Петербургу держав;

— чрезвычайно высокий уровень дезертирства, преимущественно в формах индивидуального и группового перехода на сторону противника.

В процессе поиска наиболее оптимального сочетания названных факторов российские власти сочли целесообразным проводить классификацию пруссаков в несколько этапов, с использованием применительно к каждому субъекту трех критериев:

а) обстоятельства пленения;

б) государственная принадлежность (подданство);

в) направленность волеизъявления.

1. В ходе первого этапа представители исследуемого контингента дифференцировались на две ключевые группы:

— «военнопленные», то есть лица, «взятые на баталиях и в партиях с оружием в руках»;

— «дезертиры», под которыми подразумевались «добровольно отдавшиеся и перебежчики».

2. На втором этапе из состава обеих групп выделялись:

— подданные Пруссии;

— «не природные короля прусского подданные, но чужестранные и по большей части насильно в службу его захваченные».

3. Наконец, на заключительном этапе военному служащему противника предлагалось на выбор:

- поступить на русскую военную службу;
- поселиться в России и зарабатывать себе на жизнь своим трудом;
- остаться в статусе военнопленного (дезертира).

Кроме того, дезертиры из числа «не природных короля прусского подданных» получали право:

- перейти на службу в свою национальную армию (если таковая входила в состав антипрусской коалиции);
- вернуться на родину еще до окончания военных действий.

Надо отметить, что тенденция к удержанию пленников в России дала о себе знать буквально с первых дней фактического русско-прусского вооруженного противостояния (июнь 1757 г.), когда из состава гарнизона крепости Мемель дезертировало свыше 250 унтер-офицеров и рядовых противника. Уже к концу сентября 1757 г. 208 чел. из этого числа были направлены для дальнейшего прохождения службы в российские воинские части. Еще 42 пруссака, заявивших о желании «своим рукоделием и ремеслом здесь (в Петербурге. — *В.П.*), в Москве и в других городах питаться», военное ведомство передало Сенату для распределения «в цехи и на фабрики» ⁷.

Служили пленные, в основном, в Астрахани, Казани, Оренбурге и Симбирске, занимая различные должности в пехотных, драгунских и гусарских полках, гарнизонных батальонах, артиллерийских и инженерных командах и т.п. При этом Петербург явно не поспешил на льготы всем этим людям: в русскую армию они зачислялись «теми же чинами, какими в здешний плен взяты»; избравшим себе гарнизонную службу выплачивалось более высокое, так называемое «полевое» жалование. Единовременное «денежное вспоможение» для их «обзаваживания» в России составляло довольно значительные суммы: для унтер-офицеров — 10 руб. (имеющих семьи) и 7 руб. (холостых), а для таких же категорий рядовых — 7 руб. и 5 руб. соответственно ⁸. Впрочем, в конце 1759 г. российские власти, обратившись, наконец, к опыту войны со Швецией 1741—1743 гг., пришли к выводу, что поступающим на службу пруссакам, как и шведам, для «обзаваживания» на новом месте будет вполне достаточно и трех рублей, вне зависимости от воинского звания и семейного положения ⁹.

С равной предупредительностью Конференция отнеслась и к тем, кто пожелал заняться «своим рукоделием и ремеслом». Правда, предусмотренный для них размер единовременного денежного пособия составлял несколько меньшую сумму — 2 рубля. Однако московской конторе Сената вменялось в обязанность обеспечивать вчерашних пленных жильем и трудоустраивать в кратчайшие сроки, дабы они «без распределения нималого времени продолжаться и без пропитания находиться не могли». Как правило, указанная контора направляла таких людей «по их мастерствам, кого куда надлежит». Например, оружейники следовали на тульские оружейные заводы, а суконщики — на предприятия шерстяной промышленности Казани, Ярославля и других городов. При этом работодателям «накрепко» предписывалось относиться к новым работникам «ласково и порядочно, без наималейшего озлобления, и кто куда распределены будут, о том в Сенат сообщить» ¹⁰.

Не обошли вниманием власти и членов семей тех, кто оставался в России. Так, в сентябре 1757 г. вдове и дочери прусского фельдфе-

бея, скончавшегося вскоре после перехода на русскую службу, было повелено выдавать «на первое время для пропитания» 50 % от размера денежного содержания мужа. Свое дальнейшее развитие данный вопрос получил в протоколе Конференции от 5 января 1758 года. Как гласил данный документ, «понеже всевысочайшее ее императорского величества соизволение есть, чтоб вдова и дети, остающиеся после вступивших пред сим в службу ее императорского величества мемельского гарнизона прусских унтер-офицеров и солдат, без призрения и пропитания оставлены не были, то Правительствующему Сенату посему не оставить такое определение учинить, дабы помянутые вдовы, где б они ни находились, однако ж до их замужества на пропитание и содержание свое получать могли половинное против мужей их жалование с провиантом, а дети мужеска полу определяемы были в гарнизонные школы»¹¹.

Вместе с тем, если поначалу лицам рассматриваемой категории предлагалось дать присягу лишь «в верности службы», то уже с января 1758 г. Петербург стал рекомендовать властям на местах «без всякого принуждения склонять» таких людей, «дабы они вечно в России остались», а точнее — присягнули «быть в вечном ее императорского величества подданстве»¹². Правда, к концу 1759 г. выяснилось, что основная масса пруссаков все-таки стремится вернуться на родину, а если «в нашу службу идут и жить остаются», то «против желания» и «по нужде большой», а скорее всего — в целях избавления от тягот плена¹³. В этой связи условие о «вечном подданстве» Петербург счел за лучшее, «из особенного ее императорского величества милосердия», фактически, отменить.

Тем не менее, в отношении лиц, уже сделавших свой выбор в пользу России, Конференция всегда оставалась бескомпромиссна и неоднократно давала понять властям на местах, что речь идет о безвозвратной форме натурализации, а значит пруссакам, вступившим в российское подданство, надлежит «во оном и остаться, и хотя б кто какой нации ни был, из России отнюдь не выпускать»¹⁴. Причем указания такого рода были далеко не пустым звуком. К примеру, в июле 1758 г. шведский посланник в Петербурге поднял вопрос об освобождении и возвращении на родину прусского дезертира Иоганна Вилке, являвшегося «подданным короля его» (жителем шведской Померании). Российские власти ответили категорическим отказом, ссылаясь на то, что означенный дезертир «пожелал остаться навсегда в России для прокормления себя портным своим ремеслом, учиня добровольно в вечном подданстве присягу»¹⁵.

В то же время здесь необходимо иметь в виду, что какую бы присягу не «учинили» лица рассматриваемой категории, вплоть до конца войны все они оставались существенно ограниченными в своих правах. Например, Конференция допускала свободу передвижения для тех, кто перешел в русскую армию, но еще не убыл к месту службы. Однако одновременно требовала «за ними для охранения, чтобы не было им от кого никаких обид, а с другой стороны, чтоб и они не учинили каких своевольств, тако ж и побегов, иметь смотрение, токмо тем посланным ходить без обнаженных палашей»¹⁶. Кроме того, к местам дислокаций своих воинских частей эти люди направлялись в сопровождении конвоя и подлежали увольнению в том случае, если

их части переводилась в западные регионы страны, — ближе к театру военных действий.

Примерно то же можно сказать и об оставшихся в России «на своем пропитании». Хотя формально им выдавались паспорта «для свободного в здешней империи жития», все они находились в «крепком смотре» полиции, обязывающей их подпиской «дабы они жили здесь, где распределятся», а в иные населенные пункты без разрешения губернской канцелярии не перемещались¹⁷.

Однако подавляющее большинство военнопленных все-таки уклонялось от перехода в российское подданство и предпочитало сохранять верность присяге, данной своему королю. Например, доставленный в столицу в октябре 1760 г. «прусской нации» рядовой Иоахим Абрагам, 20-и лет от роду, из крестьян, в армии с 1758 г., будучи опрошенным в Военной коллегии, заявил, что он «в здешнюю службу вступить и на своем пропитании остаться не желает», а потому и был отправлен для дальнейшего пребывания «в Санкт-Петербургской крепости под караулом»¹⁸. При этом надо заметить, что тех военнопленных, которые являлись подданными нейтральных и союзных России держав, Конференция предписывала содержать «с некоторою пред природными короля прусского подданными льготою»¹⁹. Правда, в чем именно должна была выразиться данная «льгота», высшее государственное учреждение традиционно не раскрывало, и единственное известное нам различие состояло в том, что «природные пруссаки», в противоположность «неприродным», привлекались к принудительным работам²⁰.

Еще меньше отличий мы обнаруживаем в режимах содержания «военнопленных» и «дезертиров», если и те, и другие не пожелали натурализоваться в России. Пожалуй, некоторую разницу между ними однажды увидел разве что престарелый командующий Балтийским флотом адмирал З.Д. Мишуков, который в 1760 г. приказал не только освободить из-под стражи доставленных в Кронштадт дезертиров, но и выплачивать им суточные в размере 2 коп., что действующими правовыми установлениями не предусматривалось. И выяснился данный факт только после того, как Адмиралтейств-коллегия попыталась компенсировать эти свои «расходы» за счет бюджета военно-сухопутного ведомства²¹.

Служба дезертиров из числа «неприродных пруссаков», в своих национальных армиях входивших в состав антипрусской коалиции, как явление, по-видимому, не получило широкого распространения. Во всяком случае нами выявлен лишь один факт такого рода, когда в декабре 1759 г. глава саксонского дипломатического представительства в Петербурге обратился в Коллегию иностранных дел с просьбой в отношении «подданных короля его... из прусской службы дезертировавших и в отечество возвратиться желающих, чтоб тех из них, кои сами о себе охотно объявят, что намерены вступить в саксонскую службу, отправить отсюда (из Петербурга. — *В.П.*) до Митавы с отходящей туда первой воинской командой». Во исполнение данного ходатайства российскими властями было отобрано и в начале 1760 г. возвращено на родину 13 перебежчиков-саксонцев²².

Наконец, что касается дезертиров, желающих вернуться на родину до окончания военных действий, то «природным пруссакам» такое право не предоставлялось, «ибо сверх того, что трудно им прохо-

дить в свои дома, опасно, что они еще примут противу ее императорского величества оружие»²³. В отношении же остальных главная проблема заключалась в том, что национальная принадлежность таких людей зачастую определялась лишь на основании... их собственных показаний, а точнее — «сказок» и устных заявлений. Кроме того, как справедливо было замечено Конференцией в ноябре 1759 г., «некоторые из пленных предъявили себя уроженцами Римской империи, а во оной есть многие земли владения короля прусского, только жители оных не называются пруссаками»²⁴.

В этой связи Петербург регулярно напоминал властям на местах о необходимости «накрепко смотреть, чтоб кто-либо из них (дезертиров-подданных Пруссии. — *В.П.*) такими неприродными пруссаками подложно не назвался и тем себе свободы получить не могли»²⁵.

Вместе с тем, ни одного факта такого рода подлогов нам выявить не удалось. Да и вряд ли подобное намерение было легко реализовать. Во-первых, потому что дезертиры «шведской, польской, саксонской, курляндской, австрийской, венгерской, моравской и богемской наций», выразившие желание вернуться на родину, передавались их дипломатическим представителям, аккредитованным при петербургском дворе, и (вне всяких сомнений) ими же дополнительно опрашивались. А во-вторых, российские власти на местах действительно следили за этим вопросом «накрепко». О последнем можно судить, в частности, по рапорту Оренбургской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел от 20 августа 1758 года. Как следует из данного документа, интернированный в Оренбург прусский подпрапорщик Андреас Стрелау при опросе «показался саксонцем, который о себе сказал, что он родиною саксонского владения гор. Гданьска... в прусскую службу взят он тому ныне 4 года поневоле..., а что де он подлинно родиною саксонец, а не природный пруссак, в том послался на находящегося здесь... из прусских же военнопленных... подпрапорщика Александра Ушиновского, да на... прусской службы вахмистра Иоганна Годфрида Эриха, которые, что он подлинно саксонец, а не природный пруссак и служил в прусской службе поневоле и засвидетельствовали, и сверх того, ежели от Коллегии иностранных дел или отколь ни есть, о том, что он подлинно ль саксонец и уроженец гор. Гданьска справиться повелено будет, то де он доказать может»²⁶.

Впрочем, все старания Андреаса Стрелау и хлопотавшего за него посланника Саксонии в России оказались напрасны, ибо, по учетным данным, подпрапорщик числился не дезертиром, а военнопленным. Поэтому 3 декабря 1758 г. Конференция с полным основанием предписала Военной коллегии и Коллегии иностранных дел «как ему, пленному (Андреасу Стрелау. — *В.П.*), так и другим, кто еще равномерно просить будет, объявить, что как он или ему подобные действительно в сражении с неприятелем в полон взят и по всем правам не может иначе, как за военнопленного признаваем быть, то не остается им иного, как токмо или милостью нашею пользоваться, вступая в вечное подданство, или военнопленным остаться, а после, при будущих соглашениях, на наших пленных разменены быть»²⁷.

В гораздо лучшем положении в этом отношении находились пленные прусские офицеры, так как они могли получить свободу практи-

чески в любое время, дав лишь письменное обязательно («реверс») о своем неучастии в дальнейших военных действиях. Причем по сведениям, которыми мы располагаем, за годы войны этим правом воспользовалось не менее 30—40 офицеров противника²⁸. Несколько своеобразное положение в данном списке занял генерал-поручик Фридрих-Евгений герцог Вюртембергский, плененный после полученных им ранений 11 февраля 1760 г. вместе с сопровождавшей его супругой. Узнав об этом, императрица Елизавета Петровна потребовала немедленно освободить обоих, обеспечив их «всем тем, что для исправления их пути потребно, и дав им такой конвой, с которым бы они до первого избираемого ими пограничного места безопасно доехать могли, но только при том с его светлости... как с генерал-поручика неприятельского, обыкновенный реверс взять»²⁹. Однако это высочайшее повеление опоздало, так как герцог и без того был почти сразу же освобожден под обязательство прислать за себя выкуп в размере 5 тыс. гульденов, что соответствовало 2,5 тыс. российских рублей (серьезные раны существенно ограничивали транспортабельность генерала, а это, в свою очередь, создавало угрозу безопасности для захватившего его русского отряда, который в тот момент находился едва ли не в тылу у пруссаков). Названная сумма была доставлена представителем герцога в русскую Главную квартиру уже 20 февраля. По нашим данным, приведенный случай прямого выкупа у России пленного стал единственным за весь период Семилетней войны и последним в отечественной военной истории³⁰.

Поскольку речь зашла о нетранспортабельных пленных, заметим, что раненые и больные военнослужащие противника, находившиеся в лечебных учреждениях, захваченных русской армией, признавались военнопленными, правда, не все, а только «впредь к службе надежные»³¹. В этой связи небезынтересно отметить, что на исходе 1760 г. из России были возвращены на родину 5 пруссаков, сумевших документально доказать, что они еще до своего пленения были уволены в отставку по инвалидности³².

Пленные, госпитализированные в российские военно-лечебные заведения, как уже упоминалось выше, содержались наравне с русскими военнослужащими. О том, что это означало, можно в некоторой степени судить на примере прусских рядовых Иоганна Леймана и Иоганна Резингера, пострадавших в боях за Кольберг и находившихся на излечении в Кронштадтском морском госпитале в период с 14 октября 1761 г. по 16 июля 1762 г., то есть 274 дня. Как следует из их документов на выписку, «в даче оным при госпитале (морской. — *В.П.*) провиант произведен по регламенту сего июля по 16-е, а сухопутный будущего августа по 1-е число... Мундир, с которым они присланы были, имеется весь при них... При выписке выдан сухопутный провиант по 1 четверти муки, по 2,5 фунта круп, по 1 фунту соли, по 1 чарке вина. В бытность при госпитале каждый употребил в пищу: круп — 3 пуда 35 фунтов, масла 17 фунтов 30 золотников, соли — 14 фунтов 46 золотников, пива — 34 ведра 2 кружки, хлеба — 10 пудов 11 фунтов, мяса — 4 пуда 11 1/2 фунтов»³³.

Из иных категорий пленных, не упомянутых выше, отдельного внимания заслуживают моряки торговых судов, тем более, что высочайшим указом от 6 марта 1758 г. на Балтике и в «землях королевства

Прусского» провозглашалась свобода торговли. 23 мая того же года Елизавета Петровна подтвердила, что российская армия и флот никоим образом не будут препятствовать коммерции. Однако судовладельцы и грузоотправители предостерегались от участия в перевозках «неприятельского войска и всяких военных снарядов, а наипаче в такие места и крепости, кои осажены были б, ибо в таком случае, по силе военных прав, оные браны будут»³⁴.

Свобода торговли, разумеется, не распространялась на подданных Пруссии и их имущество. Суда и грузы этих людей объявлялись законным призом, а сами они признавались военнопленными. В то же время моряки не передавались военно-сухопутному ведомству, расквартировывались в Петербурге на Морском полковом дворе, получали суточные от 4 коп. (для матросов) до 10 коп. (для шкиперов) и даже могли быть отданы на поруки заслуживающим доверия россиянам. Более того, в 1761 г. власти стали не только освобождать прусских моряков, но и предоставлять им право свободного выезда из России «в рассуждение, что они не военные люди, а только для пропитания мореплаванием на купеческом судне были»³⁵.

Иногда среди плененных на море оказывались и представители нейтральных держав, особенно, если они подозревались в содействии неприятелю. Так, роттердамский шкипер Каспар Селентин, чье судно было задержано в 1757 г. на подходе к Штеттину, несмотря на наличие доказательств своего голландского подданства, оставался в плену, по меньшей мере, до 1761 г. (правда, будучи не под стражей, а на поруках у знакомого петербургского купца)³⁶. Вместе с тем, в 1760 г. Коллегия иностранных дел настояла на освобождении гданьского шкипера и подданного Курляндии Иоганна Христофора. При этом почему-то не были приняты во внимание возражения командования Балтийским флотом, утверждавшего, что в момент задержания судна шкипер имел на борту... прусских солдат и пытался с боем прорваться в гавань блокированного русскими Кольберга³⁷.

Помимо моряков, в списках военнопленных можно встретить и сугубо гражданских лиц, например: «амтмана» (главу местной администрации), «собственного офицерского слугу», «солдатского сына» и т.п. Так, среди пленников, доставленных флотом в Кронштадт в октябре 1760 г., значилось 3 «кольбергских жителя» и «пруссский дворянин». Причины пленения трех первых остаются неизвестны. В отношении же последнего имеется примечание, что человек этот, «будучи в Кольберге, исполнял полицмейстерскую должность, чего ради он военнопленным и удержан»³⁸. Однако чаще всего «удержанным» оказывался обыкновенный «мужик». Наиболее значительный перечень последних (из числа выявленных нами) датирован 1761 г. и включает в себя 246 «пруссских мужиков» в возрасте от 21 года до 58 лет. Как видно из сопроводительных документов, людей этих предполагалось передать противнику в рамках намечавшегося тогда обмена пленными³⁹.

В свете всего изложенного особый интерес вызывает тот факт, что оккупация в 1758 г. российскими войсками Восточной Пруссии и последующее приведение ее населения к присяге на верность императрице Елизавете Петровне, на первый взгляд, мало отразились на положении военнопленных и дезертиров противника из числа жителей названного региона. Они по-прежнему продолжали считаться

полноправными «природными короля прусского подданными», не удостоились никаких льгот, а режим их содержания мог быть изменен только на общих основаниях. Вместе с тем, когда на рубеже 1759—1760 гг. воюющие стороны проводили обмен пленными, жители Восточной Пруссии, в отличие от всех прочих, возвращались Фридриху II только по их желанию⁴⁰. Еще одно указание на несколько обособленное положение этих людей мы обнаруживаем в Инструкции для препровождения пленных, данной начальнику конвоя генерал-аншефом П.А. Румянцевым в декабре 1761 года. По смыслу названного документа, военнопленных следовало вести тремя колоннами и «которые уроженцы: австрийских, шведских, прусских и других союзных наших земель, оных во время марша определить итить по сторонам, а бранденбургских и других, принадлежащих королю прусскому, в середине»⁴¹.

Помимо рескриптов Конференции и иных актов национального законодательства, определенное влияние на систему управления рассматриваемым контингентом оказывали и нормы двухсторонних соглашений. Важнейшим из них, безусловно, являлся Картель о размене и выкупе обеих сторон военнопленных от 4 (15) октября 1759 года. Для своего времени это был достаточно прогрессивный документ, предусматривавший не только порядок и условия обмена пленными, но и определявший круг лиц, которых следует не «почитать за пленных, но к армии противной стороны безденежно и без отлагательства обратно отослать». К последним, в частности, относились священнослужители, медицинский персонал, работники отделений полевой почты, принадлежавшие офицерам собственные слуги и денщики, а равно предоставленные им «во услужение рекруты, если они не действительные солдаты». Более того, содержание рассматриваемого соглашения выходило далеко за рамки его наименования. В частности, Картель обязывал стороны воздерживаться от жесткого обращения с пленными «ниже в противность заведенному в войне порядку»; предоставлять военнопленным из числа унтер-офицеров и рядовых «квартиру, дрова, свечи и постелю безденежно»; «за ранеными или больными пленными смотреть докторам и лекарям, и потребные лекарства, также и нужное для из здоровья им давать»; разрешать пленникам «писать к сродникам их за отверстою печатью о том, где они находятся» и т.п.⁴²

Однако ввиду возникновения непримиримых противоречий в позициях сторон, высокого уровня взаимного недоверия и ряда иных причин, реализация названного договора изначально шла с большими трудностями, а уже к середине марта 1760 г. он фактически утратил силу. Всего, по нашим данным, за период действия Картеля прусской стороне было передано 1174 пленника (в том числе 78 офицеров) и получено взамен 1328 россиян (84 офицера). При этом нельзя не обратить внимание на то, что хотя в наименовании Картеля и его тексте фигурирует термин «выкуп», никаких данных о фактическом перечислении сторонами «выкупных платежей» нами не выявлено⁴³.

Свои изменения в рассматриваемую систему вносили и отдельные условия капитуляции. Так, по условиям сдачи берлинского гарнизона от 28 сентября (9 октября) 1760 г. военному плену подлежали не только больные, но и «отставные, кои еще служить могут»⁴⁴. На-

против, капитуляция гор. Трептау от 3 (14) октября 1761 г. не предусматривала даже эвакуации в Россию пленных офицеров и, более того, провозглашала, что им «вольно будет себе для жития место выбирать», но «только за Вислою в Пруссии»⁴⁵.

Заметное влияние на процесс управления контингентом пленных оказывали и присущие XVIII в. обычаи вооруженных конфликтов. Так, часть военнопленных обеих сторон (в первую очередь, компактно размещенные в том или ином населенном пункте) получала денежное довольствие не от «державшей в плену державы», а от своего правительства. Характерно, что для этой цели использовались самые разные каналы, вплоть до расчетов по частным сделкам. К примеру, в августе 1758 г. находившийся в русском плену флигель-адъютант Фридриха II Вильгельм-Фридрих фон Шверин взял заимообразно под вексель у Главнокомандующего русской армией генерал-аншефа В.В. Фермора 500 червонных. Копию векселя В.В. Фермор, в свою очередь, направил старшему из располагавшихся в Пруссии пленных русских офицеров генерал-поручику И.А. Салтыкову с указанием, чтобы «помянутые деньги, как скоро от вдовствующей графини Швериною (речь идет о матери названного флигель-адъютанта. — *В.П.*) получить изволите, имеющим нужду пленным офицерам по вашему рассмотрению на счет их жалования под расписки раздать»⁴⁶.

Что касается вещевого обеспечения пруссаков, то для пошива и (или) закупки им одежды обычно использовалась часть их собственного денежного содержания. Однако порой возникали и «нештатные ситуации». К примеру, в октябре 1760 г. Балтийский флот какое-то время не мог передать пленных армейскому командованию ввиду неблагоприятных погодных условий (по Неве шел лед). Пруссаки же, плененные еще в августе, страдали от отсутствия зимнего обмундирования. Отдавая должное Адмиралтейств-коллегии, надо признать, что она оперативно отреагировала и распорядилась немедленно выдать пленным «из оставшего после беглых и умерших морских служителей поношенного мундиру, дабы они от стужи не претерпели нужды»⁴⁷.

Существенными особенностями отличался и порядок репатриации пруссаков из России. Связано это было, в первую очередь, с кончиной императрицы Елизаветы Петровны (25 декабря 1761 г.) и вступлением на престол ее племянника Петра Фёдоровича (Петра III), откровенно симпатизировавшего Фридриху II. Воспользовавшись этим, прусский король 28 января (8 февраля) 1762 г. предложил новому главе российского государства заключить перемирие и распорядился в одностороннем порядке, без каких-либо условий освободить и вернуть на родину всех русских пленных. В сложившейся ситуации Петру III было трудно принять иное решение, кроме как «показать к тому (действиям Фридриха II. — *В.П.*) совершенное взаимство». 5 февраля 1762 г. он предписал генерал-фельдмаршалу П.С. Салтыкову «выдачу прусских пленных немедленно начать, и таким же образом производить, как то с прусской стороны делается»⁴⁸.

Уже весной 1762 г. обмен военнопленными был, в основном, завершен. Особо примечательно, что стороны так и не сочли нужным урегулировать этот процесс каким-либо двухсторонним соглашением, и он всецело остался за рамками не только Акта о перемирии

между Россией и Пруссией от 5 (16) марта 1762 г.⁴⁹, но и Петербургского мирного договора от 24 апреля (5 мая) 1762 года⁵⁰.

Отказ сторон от международно-правовой регламентации порядка и, главное, правил возвращения пленных на родину видится нам, по меньшей мере, опрометчивым, особенно с учетом отмеченной выше сложности классификации пруссаков. В итоге — в отдельных регионах даже осенью 1763 г. не всегда понимали, кого им «возвращать надлежит»: «таких ли вечно обязавшихся в подданстве ее императорскому величеству, или только не обязавшихся?»⁵¹

Ситуацию усугубляли искажения (порой значительные) имен и фамилий пленных в документах учета и, скажем так, далеко не идеальный, в целом, уровень российского делопроизводства, что не всегда позволяло установить статус того или иного лица. Так, в марте 1771 г. в Оренбурге продолжали находиться «на своем пропитании» не менее 20 пруссаков, которые, по одним данным, в свое время «пожелали быть в вечном ее императорского величества подданстве», «в чем и присягою себя утвердили», по другим — «не токмо ни в какие обязательства не вступали, но и желают все быть освобождены и возвратиться в их отечество». В итоге Военная коллегия приказала «учинить с ними как со своими подданными» и оставить «на поселении». Но справедливости ради надо признать, что за 9 послевоенных лет ни Оренбургская губернская канцелярия, ни любой другой управленческий орган так и не смогли представить убедительных доказательств государственной принадлежности названных лиц⁵².

Кроме того, репатриации традиционно подлежали лишь те пруссаки, «кои остались в отеческом своем лютеранском законе и не женились на русских женках» (сюда же относились и католики)⁵³. В этой связи небезынтересно отметить, что часть вчерашних пленников до последнего момента явно колебалась в выборе своего дальнейшего жизненного пути. К примеру, в январе 1766 г. Готфрид Рейхерт, Петр Бакгауз и Яков Фрелих заявили о желании перейти в православие и остаться в России буквально в день своего отъезда из Оренбурга на родину⁵⁴. В то же время некоторые из «восприявших веру греческого исповедания» пытались выдвигать властям «дополнительные требования». Так, Георг Кригер и Давид Рихтер (в православие, соответственно, Михаил Андреев и Фёдор Андреев) «соглашались» остаться в России только при условии, что их дома будут освобождены от постоя, а сами они — от исполнения обязанностей «по полицейской должности»⁵⁵. (Реакция Петербурга на это заявление нами не выявлена).

Несколько проще обстояло дело с теми пленными, которые изначально обязались поступить в русскую армию лишь на определенный срок (обычно на 3 года), а по его прошествии ставили вопрос о своей репатриации. Таких людей предписывалось возвращать в отечество по выяснению, кто из них и «на каких кондициях в службу вступил». При этом, правда, у репатриантов изымались «незаслуженные казенные вещи». Однако им самим выдавали жалование за три месяца, их женам — «на один месяц против мужнего оклада», а детям — по 50 % от суммы, полагавшейся матери⁵⁶.

Как видно из всего изложенного выше, в годы Семилетней войны режим содержания в России прусских военнопленных и дезерти-

ров формировался в условиях отсутствия четко выстроенной системы управления, наличия пробелов в действующем законодательстве, противоречивости отдельных нормативных актов, неверного толкования на местах тех или иных правовых установлений, не всегда своевременного обращения к опыту прошлого и недостаточного уровня исполнительской дисциплины.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что в исследованных хронологических рамках Россия практически впервые столкнулась со столь многонациональным составом пленных, значительная часть которых, к тому же, по объективным причинам требовала более мягкого к себе отношения. Принимая во внимание данный факт, мы приходим к выводу, что, несмотря на отмеченные недостатки, управление рассматриваемым контингентом, в целом, отвечало и требованиям своего времени, и объективно складывающимся обстоятельствам. Одновременно оно позволяло Петербургу соблюдать как собственные национальные интересы, так и интересы своих союзников.

Полагаем, что опыт, накопленный на рубеже 50-х — 60-х гг. XVIII столетия, мог быть в той или иной степени использован российским военно-политическим руководством при формировании системы военного плена в ходе последующих вооруженных конфликтов, особенно в периоды Отечественной войны 1812 г. и обеих мировых войн.

Примечания

1. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг. М. 1948, с. 672, 684—685, 687, 693; МАСЛОВСКИЙ Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 2. М. 1888, с. 12—13; Там же. Вып. 3. М. 1891, с. 124—125; 127—129, 139—141; О перемирии с Пруссией и размене пленных см.: Архив князя Воронцова. Кн. 7. М. 1875, с. 367—378; Письма императора Петра Фёдоровича к прусскому королю Фридриху Второму. — Русский архив. 1898, т. 1, № 1, с. 6.
2. МАСЛОВСКИЙ Д.Ф. Ук. соч. Вып. 1. М. 1886, с. 72—73.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1329, оп. 1, д. 89, л. 55—57; д. 90, л. 378—379.
4. Там же, ф. 1329, оп. 1, д. 90, л. 476; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 16, оп. 1, д. 2125, л. 41; ф. 39, оп. 1, д. 267, л. 25.
5. РГВИА, ф. 27, оп. 1, д. 9, л. 365; РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 90, л. 379.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 212, оп. 11, 1759 г., д. 8, л. 97; 1760 г., д. 7, л. 176.
7. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 89, л. 55—57; д. 90, л. 359—360.
8. РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 430, л. 34об.; РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 89, л. 55.
9. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 98, л. 233; РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 148, л. 1—4.
10. РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 363, л. 2—3; д. 430, л. 34; РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 89, л. 55—59.
11. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 89, л. 59; д. 91, л. 2.
12. РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 53, л. 2—3, 10; д. 430, л. 34об.
13. Там же, д. 148, л. 10; д. 363, л. 1—3.
14. Там же, д. 53, л. 10.
15. Там же, л. 2—3, 5, 7; д. 431, л. 12.
16. Там же, д. 148, л. 4.
17. Там же, л. 2; д. 363, л. 1—2; д. 430, л. 34об.
18. Там же, д. 237, л. 1.
19. Там же, д. 53, л. 10.
20. РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, 1760 г., д. 10, л. 344.

21. Там же, л. 181, 221, 226, 254.
22. РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 227, л. 6, 8—10.
23. Там же, д. 363, л. 2.
24. Там же, л. 12.
25. Там же, д. 53, л. 4.
26. Там же, д. 55, л. 1—1а.
27. Там же, д. 53, л. 11; д. 55, л. 7—8.
28. Там же, д. 143, л. 1; д. 240, л. 1—32.
29. Санкт-Петербургские ведомости. 3.III.1760, с. 1.
30. РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 189, л. 48; д. 231, л. 1—9.
31. Там же, д. 53, л. 1—2.
32. РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, 1760 г., д. 10, л. 256, 258.
33. Там же, 1759 г., д. 8, л. 21—23; 1760 г., д. 7, л. 176; д. 10, л. 162, 164.
34. ПСЗ-1, т. XV, № 10841.
35. РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, 1761 г., д. 20, л. 5—6, 18, 36, 39; ф. 227, оп. 1, д. 16, л. 21.
36. Там же, ф. 212, оп. 11, 1761 г., д. 20, л. 2, 17—18, 36.
37. Там же, 1760 г., д. 10, л. 266, 326—327, 333об., 338, 668.
38. Там же, л. 158—159, 180об.
39. РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 267, л. 11—16.
40. Там же, д. 189, л. 47.
41. МАСЛОВСКИЙ Д.Ф. Ук. соч., вып. 3, с. 139.
42. РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 145, л. 1—8.
43. Там же, д. 98, л. 1—2.
44. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота..., с. 685.
45. Санкт-Петербургские ведомости. 13.XI.1761. Прибавление, с. 3—4.
46. РГВИА, ф. 16, оп. 1, д. 2125, л. 2—3.
47. РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, 1760 г., д. 10, л. 214, 225.
48. РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1695, л. 4—6.
49. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. V. СПб. 1880, с. 364—367.
50. ПСЗ-1, т. XV, № 11516.
51. РГВИА, ф. 16, оп. 1, д. 1720, л. 3.
52. Там же, л. 7—8, 17—18, 20—22.
53. Там же, ф. 39, оп. 1, д. 430, л. 1—2, 11.
54. Там же, л. 28.
55. Там же, л. 6—7.
56. Там же, л. 37.

Эволюция политических взглядов Людовика XVIII в годы Французской революции

Д.Ю. Бовыкин

Аннотация. Статья посвящена эволюции политических взглядов Людовика-Станисласа-Ксавье, графа Прованского, вступившего в 1795 г. на престол под именем Людовика XVIII. В начале Французской революции он пользовался большой популярностью и выступал за реформы, оказавшись в 1791 г. в эмиграции занял более консервативную позицию, однако ход событий заставил его прийти в 1799 г. к необходимости компромисса между Старым порядком и Революцией. Автор показывает, что Людовик действовал скорее не как принц, а как политик, высказывая те идеи, которые виделись ему наиболее эффективными. Одновременно он не предавал и собственные политические взгляды, четко видя тот предел, до которого он готов идти на уступки.

Ключевые слова: XVIII век, Французская революция, Людовик XVIII, контрреволюция, история Франции.

Abstract. The article is devoted to the evolution of political views of Louis Stanislas Xavier of the House of Bourbon, who until his accession to the throne of France in 1795 as Louis XVIII held the title of Count of Provence. At the beginning of the French Revolution he advocated reforms and was very popular, then he went into exile in 1791 and took a more conservative stance, but the course of events forced him by 1799 to realize the need for compromise between the Ancien Régime and the Revolution. The author demonstrates that Louis XVIII acted more as a politician rather than as a prince while expressing the ideas he believed were the most effective. At the same time, Louis XVIII did not betray his own political views as he always knew very well the extent to which he was willing to make concessions.

Key words: XVIII century, French Revolution, Louis XVIII, Counter-Revolution, the history of France.

«Бурбоны ничего не забыли и ничему не научились». Со времени Французской революции XVIII в. эта фраза стала крылатой и многократно повторялась по любому поводу. Она не раз приписывалась то Талейрану ¹, то Наполеону ², то Александру I ³, хотя, на самом деле,

---

Бовыкин Дмитрий Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИВИ РАН. E-mail: bovykine@yandex.ru.

Bovykin Dmitry Y. — PhD in history, senior lecturer of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, senior researcher at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences. E-mail: bovykine@yandex.ru.

в первый раз эти слова встречаются в небольшой книге известного в те годы генерала Ш.Ф. Дюмурье, опубликованной в Гамбурге в сентябре 1795 г. и относящейся не к Бурбонам и даже не к самому королю, а к его окружению. «Самое большое несчастье Людовика XVIII, — писал Дюмурье, — заключается в том, что у него появился двор еще до того, как появилось королевство. Придворные, которые его окружают, ничего не забыли и ничему не научились»⁴.

Под именем Людовика XVIII на престол взошел Людовик-Станислас-Ксавье, граф Прованский, брат казненного в 1793 г. революционерами Людовика XVI и дядя Людовика XVII, провозглашенного роялистами королем и никогда в реальности не правившего. Когда в июне 1795 г. власти Французской республики официально объявили о смерти десятилетнего сына Людовика XVI и Марии-Антуанетты, граф Прованский, находившийся в то время в эмиграции, в соответствии с фундаментальными законами французской монархии провозгласил себя королем. Вернуться во Францию и занять трон он смог лишь в 1814 г., по окончании наполеоновских войн.

Историки, пишущие о Французской революции XVIII в. и о наполеоновской эпохе, традиционно описывают и самого Людовика XVIII, и его политические взгляды во многом в духе этого известного афоризма. Несмотря на то, что подробный анализ воззрений Людовика XVIII в годы эмиграции практически никем из исследователей до сих пор не проводился, в исторической литературе доминирует точка зрения, основанная на идее о том, что они оставались неизменными на протяжении всего этого времени. Так, например, рассказывая о декларации графа Прованского, изданной в 1793 г. после получения известия о казни Людовика XVI, признанный французский специалист по истории контрреволюции Ж. Годшо отмечал, что в этой декларации «содержалось стремление восстановить Старый порядок во всей его полноте». «Эта декларация крайне важна, — пояснял он далее, — поскольку она определяет отношение регента, а затем и Людовика XVIII к Революции. До знаменитой Сент-Уэнской декларации 1814 г. он его совершенно не изменил»⁵. Беря за отправную точку несколько более позднюю Веронскую декларацию 1795 г., которую король адресовал своим подданным сразу после восшествия на престол, Е.В. Тарле пришел к аналогичным выводам: «Основная мысль графа Прованского, которую он выражал много раз до и после этого манифеста... заключается в том, что, взойдя на прародительский престол, он... никаких ограничений своей власти, никаких компромиссов не допустит»⁶. Людовик XVIII «стоял за реставрацию ancien régime»⁷, — утверждал и английский историк, член Британской академии К.Г. Доусон. «Непримиримым приверженцем абсолютистского режима»⁸ называл короля и А.З. Манфред. Однако изучение политических воззрений Людовика XVIII в годы Французской революции создает совершенно иную картину.

Прежде всего, следует отметить, что свои политические взгляды в эту эпоху граф Прованский высказывал в совершенно различных исторических контекстах. До 1795 г. он носил титул Месье, как традиционно титуловали старшего брата короля. Его отношения с Людовиком XVI и его женой были непростыми. Граф Прованский на людях, как правило, демонстрировал свою лояльность брату, а затем и

государю, неизменно был благожелателен и корректен, устраивал для королевской четы празднества в своих замках. Однако сказывались и разница в характерах, и стремление матери Марии-Антуанетты, императрицы Священной Римской империи Марии-Терезии, настроить дочь против Месье, и то, что, по мнению ряда современников, граф Прованский не только куда лучше подходил на роль короля, но и очень мечтал им быть. Как писала Мария-Антуанетта, «в его сердце больше любви к себе, нежели привязанности к старшему брату и, без сомнения, ко мне. Всю жизнь он страдал от того, что не родился господином»⁹.

Трудно сказать, так это было или нет, однако Людовик XVI явно стремился не допускать брата к управлению страной. При том, что Месье неизменно демонстрировал интерес к политике и финансам, Людовик XVI так и не ввел брата в королевский Совет. Посол Марии-Терезии граф Мерси д'Аржанто пояснял логику такого странного решения следующим образом: королевская семья боялась, что граф Прованский станет играть в нем роль первого министра¹⁰. Несмотря на это, Месье нередко обсуждал со своими приближенными вопросы текущей политики, формировал о них свое мнение и не упускал случая его высказать: так, сразу же после воцарения Людовика XVI, в октябре 1774 г., граф Прованский направил брату послание, в котором высказался против возвращения парламентов, озаглавив документ «Мои мысли».

Одна из немногих современных исследователей жизни и деятельности Людовика XVIII, Э. Левер в своей книге неоднократно называет Месье консерватором и подчеркивает, что тот поменял «политическую тактику» лишь к концу 1788 г., когда осознал, что быть принцем-«патриотом» значительно выгоднее¹¹. Таким образом, подразумевается, что граф Прованский не менял свои убеждения, но лишь умело маскировал их ради обретения популярности. Разумеется, в этом нет ничего невероятного, но мне все же видится, что оба тезиса нуждаются в доказательствах — как идея о том, что до 1788 г. взгляды Месье были консервативно-традиционными, так и то, что затем он не стал либералом, а лишь притворялся им.

Уверенно можно говорить лишь о том, что граф Прованский неоднократно занимал позицию, диаметрально противоположную позиции брата: выступал против реформ знаменитого физиократа А.Р.Ж. Тюрго и немало делал для того, чтобы добиться его отставки, стремился отстранить от власти другого реформатора, швейцарского банкира Ж. Неккера. Считается, что именно он руководил нападками на П.К. Бомарше и чуть ли даже не оплачивал компанию против него. Однако делал ли он это, исходя из внутренних убеждений или пытаясь выставить себя в выгодном свете, сыграв на противоречиях с братом, остается большим вопросом. В любом случае, трудно, исходя из этих фактов, причислить его к консерваторам или либералам. Несомненно иное: к середине 1780-х гг. Месье единственный из королевской семьи пользовался популярностью. В 1784 г. на премьере «Женитьбы Фигаро» зал приветствовал его бурными овациями. Когда в 1787 г. падение авторитета Людовика XVI и Марии-Антуанетты вызвало лавину оскорбительных памфлетов и сатирических гравюр, на эстампе, изображавшем умирающую Францию, именно Месье перевязывал ее раны. Когда 17 августа того же года граф Прованский

прибыл в Счетную палату для регистрации королевского эдикта, его встретили цветами и шквалом аплодисментов, тогда как младшего брата короля, графа д'Артуа, приехавшего с тем же эдиктом в Налоговую палату, освистали ¹².

Когда Людовик XVI собрал Ассамблею нотаблей, она была разделена на семь комитетов, каждый возглавлял принц крови. Комитет под руководством Месье называли «комитет мудрецов» ¹³. С этого времени политическая позиция графа Прованского действительно стала более определенной. Стремление всегда оказываться в противофазе с действиями старшего брата привело его в лагерь будущих революционеров. Однозначно высказавшись за удвоение числа депутатов Генеральных штатов от третьего сословия, он стал своим для группировки «патриотов», делавших все для дестабилизации государственной системы накануне революции и в первые ее месяцы. После переезда королевской семьи в Париж в октябре 1789 г. ходили разговоры о том, что его следует назначить главой Совета ¹⁴ или правительства. Симпатии революционеров Людовику XVIII не простят до конца жизни.

Казалось, что принц, столь долгие годы отодвинутый от власти, наконец находится от нее в одном шаге. По некоторым свидетельствам, его благосклонности искал один из самых авторитетных депутатов, автор важнейшего для раннего периода Революции памфлета «Что такое третье сословие?» Э.-Ж. Сийес ¹⁵. С ним начал активно сотрудничать другой лидер самопровозглашенного Учредительного собрания, граф де Мирабо, произнесший в эти дни фразу о том, что династия погибнет, если Месье не возьмет в свои руки бразды правления ¹⁶. В бумагах влиятельного депутата, командующего Национальной гвардией маркиза де Лафайета даже, якобы, сохранился написанный рукой Мирабо проект, датированный 20 октября 1789 г., в котором говорилось, что все принцы крови, кроме одного, состоят в заговоре против революции или подозреваются в этом; соответственно, доверием может пользоваться только Месье. И лишь он в силах спасти всех, объединив короля и революцию ¹⁷. В декабре 1789 г., когда возникали подозрения, что граф Прованский замешан в контрреволюционном заговоре, он сам, не дожидаясь, пока у него потребуют объяснений, явился в Ратушу, где выступил с большой речью ¹⁸, встреченной аплодисментами.

Таким образом, и накануне, и в первый год Революции граф Прованский отнюдь не предстает бездумным консерватором и оголтелым защитником Старого порядка. Разумеется, невозможно судить об искренности его высказываний, однако перед нами человек, отлично чувствующавший политическую конъюнктуру и умевший ею воспользоваться. Другое дело, что его пространство для маневра оказалось очень ограничено. Совершенно не готовый, как это сделает впоследствии герцог Орлеанский, приветствовать республику и голосовать за казнь короля, Месье заигрывал с революционерами лишь до тех пор, пока Революция не начала угрожать самим основам королевской власти. Как только это произошло, он эмигрировал и, в отличие от Людовика XVI и Марии-Антуанетты, удачно. Третий брат, граф д'Артуа, сделал свой выбор еще раньше, покинув страну в 1789 году.

Политическая конъюнктура менялась, менялись и взгляды, которые высказывал граф Прованский. По мере того, как Людовик XVI

один за другим подписывал декреты Учредительного и Законодательного собраний, разрушавшие тысячелетнюю французскую монархию, позиция Месье по отношению к Революции становилась все более жесткой. Меж тем, оказавшись в эмиграции, братья должны были действовать очень осторожно, понимая, что их заявления могут повредить королевской семье, оставшейся в Париже. Кроме того, королю приходилось требовать их возвращения на родину и осуждать все действия принцев, направленные на то, чтобы организовать военное и политическое сопротивление французским властям. Историки до сих пор не могут прийти к согласию по поводу того, действительно ли братья имели тайные полномочия от короля или же специально делали все, чтобы обострить ситуацию и поставить под угрозу жизнь Людовика XVI, поскольку его смерть очевидно развязывала им руки.

Так, 10 сентября 1791 г. граф Прованский и граф д'Артуа подписали и предали гласности объемный документ¹⁹, в котором они обращались к Людовику XVI с просьбой не одобрять новую Конституцию, «которую отвергает его сердце, которая идет вразрез с его собственными интересами и интересами его народа, а также с обязанностями короля». Это обращение по сути представляет собой подробный и конкретный манифест, расставлявший все точки над «i» в том, как видят сложившуюся ситуацию братья короля. С их точки зрения, законодательный орган, последовательно разрушающий королевскую власть, забыл о том, что существует лишь королевской милостью. Братья также призывают короля не держаться за свою власть, занимаясь попытками найти общий язык с Собранием: даже если оно примет постановление об отрешении его от трона, этот декрет все равно не будет признан ни французами, ни правительствами других стран. К тому же, если парижане причинят королевской чете вред, иностранные армии тут же обрушатся на французскую столицу. А вот, если король сам откажется от части своей власти, это причинит куда больший ущерб, так как принцы должны будут объявить его подпись под конституцией не имеющей силы. Этот текст, напоминают они, противоречит фундаментальным законам королевства, а лишение монарха законодательной власти по сути означает отмену королевской власти в целом. В равной мере им противоречат отмена сословий и всей иерархической системы французской монархии, не говоря уже о введении гражданского устройства духовенства. 11 сентября к этому посланию присоединились три наиболее влиятельных принца крови.

После казни Людовика XVI граф Прованский 28 января 1793 г. в г. Хамм опубликовал специальную декларацию, извещая о вступлении на престол своего племянника, Людовика XVII, объявляя себя регентом по праву рождения и в соответствии с фундаментальными законами и именуя королеву «царственной матерью и опекуницей» (*tutrice*). Граф д'Артуа провозглашался наместником королевства. Беря на себя обязательство всячески способствовать освобождению членов королевской семьи, граф Прованский бегло набросал контуры будущего государственного устройства: «восстановление монархии на неколебимых основах Конституции; исправление злоупотреблений в административной системе; восстановление религии наших отцов во всей чистоте культа и канонической дисциплины; воссоздание маги-

стратур для поддержания общественного порядка и отправления правосудия; восстановление французов всех сословий в их законных правах, равно как и в правах пользования их захваченной и узурпированной собственностью; суровое и показательное наказание преступлений; восстановление законов и мира и наконец выполнение тех формальных обязательств, которые мы на себя добровольно взяли... в нашем послании от 11 сентября 1791 г. и в других документах от нашего имени». Под «мы» в данном случае подразумевались все принцы крови, оказавшиеся за пределами страны»²⁰.

Декларация показывает, что через полтора года эмиграции Месье окончательно занял, по крайней мере формально, исключительно консервативную позицию. Этот текст действительно говорит о стремлении полностью восстановить Старый порядок: католицизм, парламенты, фундаментальные законы королевства, сословную систему. Тем не менее, одновременно он делал все, чтобы продемонстрировать французам свою добрую волю. Обещание наказать преступления постоянно соседствовало в его речах и текстах с обещанием проявить милосердие. 23 августа 1792 г., когда войска эмигрантов готовы были вторгнуться на территорию Франции, граф Прованский произнес перед офицерами речь, посвященную преимущественно одной теме: «Вам знакома та ложь, — говорил он, — которую наши враги беспрестанно распространяют о нас, и те усилия, которые они предпринимают, чтобы доказать, что мы возвращаемся на родину лишь для того, чтобы удовлетворить стремление отомстить нашим личным врагам. Докажем же всей Европе нашим поведением, той сердечностью, с которой мы заключим заблудших французов в наши объятия, что французское дворянство, еще более знаменитое, чем когда бы то ни было, благодаря своим несчастьям и своей стойкости, умеет побеждать врагов и прощать ошибки соотечественников»²¹.

Летом 1795 г., провозгласив себя Людовиком XVIII, Месье принял еще одну декларацию, на сей раз в итальянском городе Верона. Казалось бы, теперь его руки развязаны: Людовик XVI и Мария-Антуанетта казнены, Национальный Конвент объявил, что Людовик XVII скончался от болезни, в живых осталась лишь дочь королевской четы, которой никакие политические заявления повредить, безусловно, не могли, тем более, что шли успешные переговоры о ее освобождении. Однако именно Веронская декларация обычно представляется историкам манифестом, подтверждающим неизменность взглядов наиболее твердолобых роялистов — «сторонников полной и абсолютной контрреволюции, в том виде, в котором ее отстаивали, начиная с 1789 г., первые эмигранты в Турине и в Кобленце: враждебной всякому компромиссу с Революцией, отказывающейся от каких бы то ни было политических и социальных преобразований, рассматривающей в качестве максимально возможной уступки программе, объявленную Людовиком XVI 23 июня 1789 г. и предполагавшую восстановление абсолютистского режима»²².

Анализ истории создания Веронской декларации показывает, что, хотя текст писался и обсуждался в довольно сжатые сроки, король немало размышлял над тем, чтобы этот манифест получился максимально удачным и тщательно отбирал те тезисы, которые хотел в нем высказать. Более того, он постарался по различным каналам собрать

информацию о том, что происходило в то время во Франции. В частности, им были проанализированы знаменитые «бюллетени» бывшего депутата Генеральных штатов графа д'Антрэга, к услугам которого прибегали английский, испанский, российский, австрийский, португальский и неаполитанский дворы. В фонде Бурбонов Архива Министерства иностранных дел Франции сохранилось и немало проектов будущей декларации, написанных различными роялистами, включая конституционных монархистов, и отнюдь не все они были ультраконсервативными. Для ряда авторов было очевидно, что декларация должна быть проникнута идеей компромисса между старым и новым, должна привлечь на сторону короля максимально широкие слои французского общества, от дворян-эмигрантов до тех сотен и тысяч французов, которые уже успели воспользоваться предоставляемыми революцией социальными лифтами. Призывали короля к умеренности и его ближайшие соратники, в частности, маршал де Кастри ²³.

В чем же причина столь критической оценки Веронской декларации историками (да и многими современниками она была принята без восторга)? Что заставило Людовика XVIII не прислушаться к советам умеренных роялистов? По сути, король оказался заложником тех взглядов, которые он высказывал на протяжении предыдущих лет. Обвиняя своего старшего брата в неумеренном стремлении к компромиссу с Революцией, он сам теперь не мог позволить себе занять более мягкую позицию по сравнению со своими заявлениями и манифестами 1792—1795 годов.

Веронская декларация открывалась традиционной для Старого порядка формулой: «Людовик, милостью Божьей король Франции и Наварры, всем нашим подданным» ²⁴. Однако в 1795 г. эти слова воспринимались уже совсем по-иному и свидетельствовали, прежде всего, о том, что новый король игнорирует те изменения в системе государственной власти, которые произошли во Франции после начала Революции. Ведь декларации монарха конституционного начинались совсем иначе: «Людовик, милостью Божьей и в силу конституционного закона государства, король французов, всем гражданам» ²⁵.

Решительно дистанцируясь, таким образом, от той позиции, которую занимал Людовик XVI в первые годы Революции, Людовик XVIII сделал все, чтобы не задеть тех, кому была дорога память о его брате. Людовик XVI изображался в Декларации как человек не от мира сего, «король-мученик, послушный Богу, который сделал его государем», как автор прекрасных «проектов, мудро задуманных им ради блага заблуждающегося народа, который его и погубил». При этом никакой конкретики, что это за проекты, из текста Декларации совершенно не ясно, что позволяло трактовать этот раздел как угодно. Здесь и правда следовало быть осторожным: ведь Людовик XVI одобрил конституционную монархию, Декларацию прав человека и гражданина, отмену сословий, гражданское устройство духовенства и многое другое. Не удивительно, что из чернового проекта Декларации была вычеркнута фраза: «Все, что не смог сделать Людовик XVI, завершим мы» ²⁶.

Аналогичным образом — на первый взгляд, очень четко, но по сути максимально туманно — был выстроен и другой раздел Веронской декларации, посвященный восстановлению монархической фор-

мы правления. Подобно депутатам Национального Конвента, с осени 1793 г. избегавших разговоров о конкретных чертах будущего государственного устройства Франции, отодвигая этот вопрос в неопределенное будущее, которое должно наступить после установления всеобщего мира, Людовик XVIII не стремился давать конкретные обещания. Из текста понятно, что при формальном сохранении всех основ Старого порядка многое будет изменено и изменено радикально, но что именно и как, король не говорил.

Это и создало у многих современников ощущение, что новый государь выступает за простое и безоговорочное восстановление Старого порядка. То, что для Людовика XVIII виделось лишь как форма, для его потенциальных подданных оказалось сутью. Фундаментальные законы монархии неизменны, никому не дано право менять их по собственному желанию, что и делает эти законы такими прочными. Королю необходимо вернуть все утраченные им права. Католическая религия должна быть восстановлена, так же как и система трех сословий, поскольку именно она обеспечивает соподчинение различных частей общества, без которого это общество существовать не может.

Данные королем пояснения мало что меняли в восприятии этих тезисов: конституция «сама по себе создает для нас благотворную невозможность ее изменить». Во времена, когда царит мания нововведений, только древняя конституция, обеспечивавшая королевству процветание на протяжении многих веков, способна «объединить все души», всех подданных. К тому же в силах французов «вернуть ей всю ее чистоту..., все ее могущество, которое время ослабило». Осталось незамеченным и то, что большинство черт Старого порядка, которые вызвали бурные дискуссии еще в начале Революции, король постарался обойти молчанием. Хотя в некоторых проектах и предлагалось объявить об отмене «тягостных и одиозных феодальных прав» (тем более, что этого требовали еще в наказах Генеральным штатам)²⁷, в окончательном тексте о них нет ни слова. Что касается предложения, содержавшегося в некоторых проектах, об уплате налогов всеми тремя сословиями²⁸, то король декларировал лишь то, что установление налогов регулируется конституцией, «чтобы народ мог быть уверен: налоги, которые он платит, необходимы для блага государства».

В проектах планировалось также восстановление парламентов, «хранителей такого государственного устройства, которое предоставляет законам истинную защиту от нововведений»²⁹, однако в тексте Декларации само слово «парламенты» демонстративно отсутствует. Посвященный «суверенным судам» раздел можно толковать множеством разных способов: старые ли это парламенты, видоизмененные ли, которые пытались ввести еще по реформе Мопу, принципиально новые органы, — все это остается неясным. Король лишь упоминает о «наших палатах магистратов, которые всегда были включены в органы правосудия и подавали пример повиновения законам, служителями коих являлись», а также провозглашает, что конституция «доверяет главным корпорациям магистратов сохранение законов, чтобы они следили за их исполнением и напоминали Монарху о его святой обязанности, если он станет заблуждаться». И, кроме того, специально подчеркивался характерный и для Старого порядка принцип верховенства закона над всеми, включая монарха, «чтобы обезопасить муд-

рость законодателя от козней обольстителей и защитить от злоупотреблений власти свободу подданных».

В Декларации предусматривалось и немало нового — даже, если оставить в стороне абстрактную фразу о том, что пороки древней системы управления страной будут исправлены. Король не мог не задумываться над тем, что будет после восстановления монархии с людьми, сделавшими за шесть лет революции успешную военную или чиновничью карьеру. Конституция, отмечал он, «не закрепляет ни за одним сословием каких бы то ни было политических прав, не характерных для всех; она оставляет открытым доступ ко всем занятиям французам из любого класса; она в равной мере обеспечивает защиту общества всем людям и всему имуществу — именно так исчезнет в глазах общества и в храме Правосудия все то неравенство среди жителей единой империи, которое гражданское общество поневоле привносит, исходя из их положения и состояния». Здесь, безусловно, не говорится о равенстве всех сословий, однако нарисованная картина разительно отличается от той, что была характерна для Старого порядка. В сущности, это несколько завуалированные и модифицированные статьи Декларации прав 1789 г. о равенстве прав, равенстве всех перед законом, равном доступе ко всем общественным должностям. Согласно королевской Декларации, конституция гарантировала французам и личную свободу.

Одним из самых сложных вопросов, который необходимо было осветить в Декларации, стал вопрос о судьбе французов, поддержавших революцию. Шансы на реставрацию монархии силами воюющих с Францией держав становились все более иллюзорными, и Людовик XVIII отлично понимал, что, если против его возвращения выскажутся те, кто находился у власти в 1795 г. — от депутатов Конвента и командующих армиями до членов местных администраций — страна утонет в крови. Это подталкивало короля к провозглашению широкой амнистии. К этому же его призывало и английское правительство³⁰, и многочисленные конституционные монархисты³¹, и авторы ряда проектов Веронской декларации³². Однако прощать пришлось бы слишком многое — от взятия Бастилии до казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Получалось, что «мятежные подданные» шесть лет грабили и убивали дворян и священников, лишили родины многих верных королю людей, уничтожили помазанного монарха и часть его семьи, а теперь Людовик XVIII должен был все это простить и призвать своих сторонников к забвению прошлого.

Итогом этих размышлений стало провозглашение амнистии для всех, кроме тех депутатов Конвента, которых называли «цареубийцами», то есть тех, кто голосовал за казнь Людовика XVI. С одной стороны, в Декларации говорилось: «Мы не только не видим преступлений в простых ошибках, но и сами преступления, вызванные этими ошибками, заслуживают в наших глазах прощения. Все французы, которые, отвергнув пагубные взгляды, припадут к подножию нашего трона, будут нами приняты; все французы, единственная вина которых состоит в том, что они позволили себя увлечь, найдут в нас не непоколебимого судью, а полного сочувствия отца». С другой стороны, специально оговаривалось: «Есть, однако, злодеяния, которые не могут стереться из нашей памяти, как и из памяти всех людей.

Есть злодеяния, жестокость которых переходит границы королевского милосердия. На том навеки проклятом заседании, где подданные осмелились судить Короля, все депутаты, участвовавшие в процессе, сделались сообщниками... Вся Франция призывает обрушить меч правосудия на негодяев, чьи святотатственные уста осмелились потребовать его смерти, на всех тех, кто способствовал ей, на прямых и непосредственных исполнителей его казни...»

Таким образом, тщательно выстраивая тот раздел Декларации, который отвечал за контуры будущего государственного устройства, Людовик XVIII попытался решить сложнейшую задачу: одновременно продемонстрировать свою твердость как государя, за плечами которого стоит тысячелетняя монархия, понимающего всю возложенную на него ответственность, не мягкотелого и нерешительного, как старший брат, но сурового и справедливого, и, в то же время, наглядно показать свою способность и готовность к компромиссу. С разных сторон король получал информацию о том, что народ Франции устал от республики и готов, как это некогда произошло в Англии, вернуться к монархическому строю. В этой ситуации важно было и не оттолкнуть от себя союзников — эмигрантов и роялистов — но и не настроить против себя тех, кто реально управлял Францией. На этапе Веронской декларации эта задача оказалась ему не по силам: непоколебимости было продемонстрировано слишком много, гибкости — слишком мало. Ультрароялисты оказались недовольны стремлением слишком радикально реформировать Старый порядок и отказаться от парламентов, депутаты Конвента поторопились заявить, что угрозы короля без королевства просто смешны, конституционные монархисты были в ярости от того, что король не последовал их советам. Даже парижские газеты с удовольствием цитировали слова одного из них, Ж. Малле дю Пана, заявившего, что после Веронской декларации Людовик XVIII «может смело поставить на Франции крест. Он ее больше не увидит, разве что на географической карте»³³.

Как опытный политик, Людовик XVIII мгновенно осознал, что исполненная им роль консерватора не принесла тех аплодисментов, на которые он рассчитывал. Финальный этап Революции, 1796—1799 гг., прошли для него под знаком очередной трансформации высказываемой им публично политической позиции. Король не уставал подчеркивать, что не является сторонником реставрации Старого порядка, а стремится лишь основываться на фундаментальных законах монархии³⁴. Впрочем, и в его окружении многие полагали возвращение в 1788 г. не только невозможным, но и нежелательным. «Целых десять лет тревог и потрясений не привели еще к возрождению этой несчастной страны и, тем не менее, говорят о том, чтобы вернуть все, как было до начала ее упадка!» — патетически восклицал один из членов королевского Совета граф де Сен-При. И добавлял: «Как бы то ни было, старая машина уничтожена. Эта услуга была оказана Франции первым Национальным собранием; не следует лишать его этой заслуги, которой отнюдь не достаточно, чтобы искупить всю его вину»³⁵. Позиция же самого короля была, несомненно, значительно более осторожной. Он выражал ее весьма лаконично, но не менее недвусмысленно: «Я полагаю — насколько об этом можно судить издали — что есть вещи, до такой степени разрушенные, что их невозможно

восстановить; и что среди новых институтов есть пригодные для сохранения. Однако я не знаю, какие из них какие, и не могу высказаться по этому поводу»³⁶.

В эти годы король пришел к следующему убеждению: пока он находится далеко за пределами своей страны, пока лишь умозрительно представляет себе, что там творится, пока еще не завоевал реальную власть, не следует вдаваться в подробности. Когда летом 1799 г. планировалось, что брат короля, граф д'Артуа, первым высадится на территорию Франции, Людовик написал для него обширную инструкцию³⁷, не предназначавшуюся для публикации. В ней король мог позволить себе быть откровенным:

«Стремясь к восстановлению старого строя и к устранению злоупотреблений, необходимо не упускать из виду две вещи: 1 — то, что реально восстановить; 2 — то, что, возможно, лучше было бы сохранить. Однако ни вы, ни я, ни, не исключено, кто бы то ни было еще, не может рассматривать эти две вещи по отдельности. Соответственно, необходимо от чего-то отталкиваться: поскольку невозможно разрушить и ничего не создать на этом месте, как невозможно создать неведомо что. Именно это способствовало моему решению временно сохранить существующие ныне формы гражданской и судебной администрации со следующими ограничениями: 1 — чтобы весь их персонал в целом и каждый человек по отдельности принес мне клятву верности; 2 — чтобы они исполняли свои функции от моего имени. Однако я рассматриваю это решение лишь как временное, а все, что относится к духовной сфере, должно быть безотлагательно возвращено к прежнему состоянию... Что же до присвоенных имуществ, эта тема представляется мне деликатной. Их возвращение — естественное право, и не объявить о нем было бы своего рода соучастием в несправедливых грабежах. С другой стороны, покупатели [этих имуществ] многочисленны, и опасно озлобить сей класс и довести его до отчаяния. По этой причине я принял решение пообещать нынешним владельцам компенсацию в зависимости от обстоятельств. Это выражение туманно, и я об этом знаю, однако оно наилучшим образом соответствует моей цели: 1 — поскольку оно оставляет мне свободу определить впоследствии и способ, и размер компенсации; 2 — поскольку, избавляя владельцев от страха..., оно, в то же время, предоставляет им шанс обрести, в зависимости от поведения, лучшую или худшую долю, или быть ее лишенной, если они станут упорно оставаться на стороне мятежников».

В этой же инструкции король говорил о том, что до тех пор, пока не станут известны истинные потребности бюджета, революционная система налогообложения будет оставаться в силе. Обещая сохранение должностей и воинских званий за теми чиновниками и офицерами, которые перейдут на его сторону, он не обходил и вопрос об амнистии: «Мои мысли о милосердии хорошо известны: его пределы обозначены в моей декларации 1795 года. Однако возможно оказать такие услуги, которые заставят меня закрыть глаза на самые страшные преступления».

Эта инструкция наглядно показывает, что король в полной мере извлек уроки из опыта Веронской декларации и теперь стремился быть максимально лаконичным: «Все это вплоть до последней запя-

той, мой дорогой брат, можно говорить лишь с большой осмотрительностью и лишь тогда, когда этого безусловно потребуют обстоятельства... Этих временных [инструкций] будет достаточно, чтобы машина работала вплоть до моего прибытия, которое последует вскоре за вашим. Добавлю лишь, как Св. Павел, *cetera autem cum venero disponam* ³⁸ ».

Аналогичные мысли высказываются и в созданном в это время в соответствии с королевскими распоряжениями большом корпусе ³⁹ из двух десятков разнородных документов — мемуаров, пояснительных записок, проектов деклараций, ордонансов и эдиктов, затрагивающих все сферы жизни общества. На многих из них имеется правка, сделанная королевской рукой. В хранящемся в этом же фонде проекте обращения к французам от имени короля говорится: «Мы внимательно и беспристрастно изучим как древние учреждения, чтобы отменить те из них, которые оказались порочными, так и новые институты, чтобы сохранить те, которые полезны; и из этого мудро составленного соединения старого порядка и порядка нового возникнет во всех областях управления такое положение вещей, которое, не затрагивая принципов Монархии, станет наилучшим для блага государства. Так мы заставим даже саму революцию послужить ко всеобщей пользе, чтобы она, по крайней мере некоторым образом, компенсировала причиненный ею непоправимый вред» ⁴⁰.

Данный комплекс документов позволяет проанализировать, каким Людовик XVIII видел будущее государственное устройство Франции. Оно по-прежнему должно было быть построено с опорой на католическую религию и фундаментальные законы французской монархии. Король давал согласие на то, чтобы превратить неписанную конституцию в четкий юридический документ — Хартию. Предусматривался созыв Генеральных штатов. Предполагалось объявить, что на переходный период во Франции будет установлен временный порядок управления: окружение короля осознавало, что невозможно в одночасье выстроить новую систему управления государством, а старая, существовавшая до 1789 г., очевидно уже не отвечала изменившимся условиям. Не хватало и кадров: опытных должностных лиц с дореволюционным опытом работы было явно не достаточно. Но едва ли не самое главное, что позволял временный порядок управления, — это отложить на неопределенный срок решение вопросов, на которые у короля не было ответов.

В результате та система управления страной, которая должна была установиться во Франции после победы роялистов, мало чем напоминала бы Старый порядок. Людовик XVIII оставлял за собой право в будущем все изменить по своему желанию, однако на неопределенный срок во Франции должны были сохраниться унаследованные от Революции налоговая система, деление страны на департаменты, гражданские и судебные власти. Советники короля отмечали, что, помимо всего прочего, это позволило бы покончить с теми чертами Старого порядка, от которых в XVIII в. тщетно пыталась избавиться королевская власть: с партикуляризмом и привилегиями провинций, неравномерным налогообложением сословий и отдельных частей королевства, сомнением парламентов, отжившими свой век сеньориальными правами.

Столь радикальные метаморфозы публично демонстрируемых в годы Французской революции политических взглядов графа Прованского подводят к выводу о том, что в условиях революционных пертурбаций он выступал в роли, совершенно не характерной для принцев крови или государей эпохи Старого порядка — в роли политика Нового времени, нацеленного на приобретение или удержание власти и высказывающего те идеи, которые видятся наиболее эффективными в данный конкретный момент времени. Если накануне выборов в Генеральные штаты в 1789 г. было тактически выгоднее выступить за удвоение числа депутатов от третьего сословия, Месье охотно приобретал на этом политические дивиденды, однако в 1799 г. в его проектах воссоздания Генеральных штатов об этом нет ни слова. Когда в 1795 г. казалась тактически более уместной непримиримая позиция в отношении царубийц, Людовик XVIII выступал за исключение их из амнистии, однако, убедившись в неэффективности этой позиции, уже со следующего года готов был предоставить царубийцам возможность искупить свою вину.

Вместе с тем, нельзя назвать Людовика XVIII «политическим флюгером». Той границей, которую он не был готов перейти, стали фундаментальные законы французской монархии. Король полагал, что допустить возможность их обсуждения и трансформации означает уничтожить и сам фундамент государства, и то, что, собственно, и делает его королем. Дарованная им в 1814 г. Конституционная хартия показывает, что эта его позиция останется неизменной и в наполеоновскую эпоху: в ней не сложно увидеть реализацию тех планов, которые Людовик вынашивал уже в конце 1790-х гг., да и фундаментальные законы она, по сути, не нарушает. Так, после долгих колебаний, оказалась найдена та мера политического компромисса, которая покажется королю идеальной. Ее он и будет отстаивать на протяжении следующих пятнадцати лет, до тех пор, пока Реставрация не вернет ему трон, который он столь долго мечтал занять.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке научного фонда, грант № 14-18-01116.

1. См., например: ТАПЛЕ Е.В. Наполеон. М. 1992, с. 451.
2. См., например: THIERS A. Histoire de l'Empire. P. 1867, vol. 4, p. 384.
3. ШИЛЬДЕР Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. III. СПб. 1905, с. 231.
4. DUMOURIEZ CH.F. Examen impartial d'un écrit intitulé Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre. 15 septembre 1795. Hambourg. 1795, p. 40.
5. GODECHOT J. La contre-révolution. 1789—1804. P. 1984, p. 181.
6. ТАПЛЕ Е.В. Жерминаль и прериаль. М. 1957, с. 69.
7. ДОУСОН К.Г. Боги революции. СПб. 2002, с. 244.
8. МАНФРЕД А.З. Великая французская революция. М. 1983, с. 203.
9. Marie-Antoinette à la princesse de Lamballe. [Premiers jours de juillet 1791]. In: Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth, lettres et documents inédits. P. 1864, vol. 2, p. 154.
10. Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 17 juillet 1775. In: Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le cte de Mercy-Argenteau : avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette. P. 1875, vol. 2, p. 368.
11. LEVER E. Louis XVIII. P. 1988, p. 103, 109.

12. Biographie universelle ancienne et moderne. P.-Leipzig. [185?]. In: Nouvelle édition, vol. 25, p. 241.
13. BEAUCHAMP A. Vie de Louis XVIII: roi de France et de Navarre. P. 1821, p. 21.
14. Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés par sa famille. P. 1837, vol. 2, p. 11.
15. Ibid., p. 49.
16. Archives parlementaires. 1re série. T. XIX. P. 1884, p. 401.
17. Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette..., vol. 2, p. 495—496.
18. Réimpression de l'ancien Moniteur. P. 1840, vol. 2, p. 498—499.
19. Ibidem. P. 1842, vol. 9, p. 733—736.
20. Цит. по: BEAUCHESNE A. de. Louis XVII, sa vie, son agonie, sa mort. P. 1867, vol. 2, p. 1—3.
21. Ibid., p. 106.
22. BOURDIN F. Les résistances royalistes au Directoire en: Révoltes et révolutions en Amérique et en Europe (1773—1802). P. 2005, p. 100.
23. Minute d'une lettre date du 1er juin, annotée et complétée les jours suivants et expédiée à Vérone par le maréchal de Castries, depuis Eisenach en Thuringue. Archives du château de Castries, année 1795. In: CASTRIES, duc de. Louis XVIII. Portrait d'un roi. P. 1969, p. 94
24. Цит. по: LOUIS XVIII. Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre à ses sujets. S.l., s.d.
25. См., например: Proclamation de Louis XVI. 28 septembre 1791. In: Euvres de Louis XVI. P. 1864, vol. 2, p. 245.
26. Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Mémoires et documents, France, 588, f. 244.
27. Ibid., f. 235v.
28. Ibid., f. 241v.
29. Ibid., f. 240v.
30. The Correspondence of the Right Honourable William Wickham from the Year 1794. L. 1870, vol. 1, p. 13; Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Mémoires et documents, France, 624, f. 86—86v, 86v—87.
31. См., например: MALLET DU PAN J. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan pour servir à l'histoire de la Révolution française recueillis et mis en ordre par A. Sayous. P. 1851, vol. 2, p. 160.
32. Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Mémoires et documents, France, 588, f. 233, 234v.
33. Le Censeur des journaux, 24 vendémiaire (16.X.1795), № 50, p. 3.
34. См., например: Premières instructions générales à M. le Comte de Moutiers. Vérone, le 20 mars 1796. In: Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Mémoires et documents, France, 625, 1796, f. 108v.
35. Mémoire rédigé par le comte de Saint-Priest pour le Roi. 5 juin 1799. In: Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest. P. 1845, p. 67, 69.
36. Observations du Roi sur le précédent mémoire de M. de Saint-Priest. Ibid., p. 81.
37. Extrait d'une lettre écrite par le Roi à Monsieur pour lui servir d'instruction. Le 24 juillet 1799. In: Archives Nationales, 444 AP 1. Papiers d'abbé André (Delamare), doc. 7.
38. Прочее устрой, когда приду (лат.). Цитата из Первого послания к коринфянам.
39. Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Mémoires et documents, France, 608, 1799.
40. Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi. Ibid., f. 81.

Место Косово во внешней политике Албании

В.А. Курбацкий

Аннотация. Статья посвящена анализу косовского направления во внешней политике Республики Албания в конце XX — начале XXI в. В качестве источника использованы разнообразные политико-дипломатические документы албанского правительства, а также других государств. Особое внимание уделено месту политики Албании в отношении Косово в контексте усилий Тираны по обеспечению вступления страны в Европейский союз и НАТО.

Ключевые слова: Албания, Косово, Европейский союз, НАТО, Европа, США, Россия, геополитика.

Abstract. This article is devoted to the Republic of Albania's policy towards Kosovo problem at the end of XXth and the beginning of the XXIth centuries. It is based on political and diplomatic documents from Albania as well as other European countries and the USA. The author pays particular attention to the place of Kosovo in the Albania's efforts to the place of Kosovo in the Albania's efforts to obtain EU and NATO membership.

Key words: Albania, Kosovo, European Union, NATO, Europe, USA, Russia, geopolitics.

Косовское направление во внешней политике Албании формировалось на протяжении всего XX в., но стало в полной мере приоритетным во второй половине 1990-х годов. Это произошло на фоне резкого обострения самого косовского кризиса, получившего четкое геополитическое измерение. Уже в 1996 г. некоторые международные неправительственные организации фактически высказывались за независимость Косово как один из вероятных сценариев развития событий. Так, опубликованный в 1996 г. доклад Фонда Карнеги констатировал, что ситуация в Косово «требует срочного международного миротворческого процесса; и даже если подобный процесс вскоре начнется, независимость Косово может оказаться неизбежной». При этом в документе признавалась возможность раздела Косово, поскольку

Курбацкий Владислав Андреевич — второй секретарь МИД России, соискатель Дипломатической Академии МИД РФ. E-mail: Kurbatskiy@gmail.com.

Kurbatzkiy Vladislav A. — second secretary of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, applicant of Diplomatc Academy of MFA RF. E-mail: Kurbatskiy@gmail.com.

ку «несколько сербских анклавов, включая место исторической битвы — Косово-Поле — и крупнейшие монастыри могут быть переданы под постоянный сербский контроль, гарантированный со стороны ООН»¹.

В этих условиях правительство Албании продолжило политику «закулисного» маневрирования в целях обеспечения внутренней и внешней поддержки албанских сепаратистов Косово, а заодно укрепления собственных политических позиций. Это закономерно привело к дальнейшему ухудшению албано-югославских отношений. В августе 1996 г. временный поверенный в делах Постоянного представительства СРЮ при отделении ООН в Женеве М. Милошевич распространил письмо, посвященное не только актуальной политике Албании в косовском вопросе, но и несоблюдению властями Тираны прав национальных меньшинств в своей собственной стране, а также состоянию национального избирательного процесса. В документе, в частности, подчеркивалось, что «новое правительство Республики Албания, сформированное по итогам недавно проведенных выборов, отличительным признаком которых являлись грубейшие нарушения и недемократические действия властей, осужденные в самой решительной форме ОБСЕ, Советом Европы, Европейским парламентом и многими авторитетными членами международного сообщества, продолжает придерживаться своего политического курса на создание “Великой Албании”, поощряя сепаратистские настроения среди этнических албанцев и вмешиваясь во внутренние дела своих соседей. Рассматривая “албанский национальный вопрос” в качестве приоритетного направления своей внешней политики, албанское правительство ничего не сообщает при этом о своих намерениях относительно уважения прав национальных меньшинств в собственной стране, хотя оно обязано делать это в качестве члена Совета Европы, а также в соответствии с договорами Организации Объединенных Наций и ОБСЕ»².

Политические соображения, пассивность международного сообщества и существовавшие в 1990-е гг. антиюгославские санкции отнюдь не мешали (а в чем-то и помогали) развитию еще одного формата отношений Албании и Косово — трансграничной торговли. По свидетельству одного из ведущих современных сербских специалистов по косовской проблеме Ненада Поповича, «для экономики Косово и Метохии эти события явились поводом еще глубже уйти в теневой сектор. Почти не охраняемая и труднопроходимая граница с Албанией стала территорией, на которой велась торговля всеми видами товара, от нефти и нефтепродуктов до товаров широкого потребления. Этому способствовало как экономическое положение в обеих странах, так и коррупционность обеих администраций. С другой стороны, албанское население, получавшее дотации из-за границы, на тот момент обладало слабой покупательной способностью, поэтому огромное количество товара, произведенного в Сербии или ввезенного по тайным каналам из Косово и Метохии, оставалось на рынке»³.

Как весьма справедливо отмечалось в обстоятельном докладе «Международной кризисной группы» под красноречивым названием «Взгляд из Тираны: албанское измерение косовского кризиса», обнаруженном 10 июля 1998 г., взаимоотношения Албании и Косово к этому времени приобрели сложный и во многом противоречивый характер. Вот, что, в частности, говорилось в документе: «Отношения

между албанцами из собственно Албании и их этническими родственниками за косовской границей являются сложными. Несмотря на очевидные языковые и культурные связи, политическое разделение, существовавшее на протяжении последних 80 лет, и изоляция Албании в течение коммунистического периода стали причиной того, что обе общности развивались на очень различный манер. Более того, прибытие косовских албанцев в Албанию в последние годы и их влияние в некоторых непривлекательных сферах экономики породили обиды среди албанцев из самой Албании, большинство из которых слишком озабочены ежедневной борьбой за существование, чтобы еще уделять много времени или думать о национальных вопросах. Тем не менее, всплеск насилия в Косово и приток нескольких тысяч косовско-албанских беженцев напомнил албанцам о связях, существующих между двумя общностями, и симпатии к этническим родственникам в Косово особенно сильны в приграничных районах среди гегов — северных албанцев»⁴.

Согласно докладу, который обнародовал в конце 1998 г. спецпредставитель ООН по правам человека Иржи Динстбир, с начала столкновений в Косово погибло примерно 700 чел., приблизительно 240 тыс. покинуло свои жилища, а около 14 тыс. бежали в Албанию.

Схожие данные приводит в своем докладе от 5 августа 1998 г. генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Он указывает на то, что «количество беженцев в северных районах Албании остается примерно тем же (оно оценивается примерно в 13 500 чел. — *В.К.*), а зарегистрированных беженцев насчитывается 10 300 человек. Большинство из них (примерно 10 тыс. чел. — *В.К.*) прибыли в Албанию в период с 29 мая по 9 июня. Хотя одно из главных мест размещения беженцев — Тропоя — расположено всего в 7 километрах от границы, близость к границе на данном этапе не создает какой-либо угрозы для безопасности беженцев. Тем не менее, с учетом усиливающейся милитаризации пограничного района и эскалации напряженности в Косово, возможна дестабилизация положения в пограничном районе Албании» — предупреждал Кофи Аннан.

Особое внимание в данном докладе генерального секретаря ООН было уделено положению непосредственно на косовском участке албано-югославской границы. В документе отмечалось, что «продолжающиеся акты насилия в Косово усилили общие воинственные настроения среди этнических албанцев по обе стороны границы. Трансграничная деятельность АОК приобретает все более открытый характер». «Возросший уровень напряженности и вооруженной конфронтации привели к дальнейшей дестабилизации положения в северо-восточном районе Албании — говорилось в докладе⁵.

Таким образом, к концу 1998 г. ситуация в связке «Тирана-Приштина» претерпела радикальные изменения. Обе стороны теперь, по сути, видели будущее Албании и Косово в единой системе политических координат. Говоря словами занимавшего в конце 1990-х гг. пост министра иностранных дел Албании Паскаля Милё, «будущая цель всех албанцев заключается в создании албанской зоны, включающей в себя все албанонаселенные регионы юго-восточной Европы, интегрированной в евроатлантические структуры»⁶.

Эта мысль перекликается с одним из ключевых тезисов, сформулированных экспертами влиятельного Стокгольмского института ис-

следований проблем мира. Они подчеркивали, что «наибольшую угрозу безопасности Европы после холодной войны представляют не конфликты между государствами, а конфликты внутри них» ⁷. Иными словами, речь идет о приведении в действие «механизма “запуска” этноконфликта», причем на первом этапе «формируется группа борцов за “национальную идею”, подпитываемая, как правило, внешними силами» ⁸.

Укрепляющиеся связи между Албанией и Косово, в свою очередь, стали одним из ключевых факторов активизации косовского сепаратизма к концу 1990-х годов. Российский историк Е.Ю. Гуськова считает стремление ряда лидеров албанцев Косово объединиться с Албанией важным фактором косовского сепаратизма. «Суть проблемы Косово — подчеркивает она — состоит в столкновении интересов большинства албанского населения края, которые выражаются в стремлении отделиться от Югославии, создать свое национальное государство на Балканах, объединившись с Албанией, и интересов Республики Сербии и Югославии, отстаивающих целостность своей территории. И та, и другая стороны использовали для достижения собственных целей все доступные меры» ⁹.

Согласно данным, приводимым многими исследователями со ссылкой на информацию международных организаций (в частности, «Международной кризисной группы»), в 1998 г. на территории Албании действовали несколько центров подготовки боевиков «Армии освобождения Косово» — в частности, в районе городов Кукес, Тропоя и Байрам-Цурри ¹⁰. По данным сербского эксперта в сфере безопасности М. Дрецуна, на территории Албании в этот период постоянно базировались 15 тыс. членов АОК, при этом им оказывали поддержку еще от 6 до 8 тыс. военнослужащих и полицейских самой Албании ¹¹. На это же указывают и ведущие российские эксперты. «В 1998 г. албанцы взяли за оружие, чтобы вооруженным путем добиться отделения от Югославии. Боевики проходили подготовку в специальных лагерях в Албании, создали Освободительную Армию Косова (ОАК), широко закупали оружие, привлекали к сопротивлению все албанское население края. Именно боевики ОАК спровоцировали возобновление конфликта в начале 1998 г.» — свидетельствует Гуськова ¹².

Острейший общественно-политический кризис в Албании, вспыхнувший в начале 1997 г. как восстание обманутых вкладчиков «финансовых пирамид», оказал значительное влияние на изменение всей военно-политической обстановки в балканском регионе и, в первую очередь, в Косово. По данным большинства международных экспертов, в этот год «поток оружия из Албании резко увеличился и приобрел невиданные прежде масштабы», поскольку «дезертировавшие военные и мародеры разграбили склады боеприпасов и военные базы». Данное обстоятельство в значительной степени снивелировало негативные последствия для косовских сепаратистов от вынужденной отставки с поста президента весной 1997 г. Сали Бериши. Пришедшее к власти левоцентристское правительство социалиста Фатоса Нано первоначально отнеслось к «Армии освобождения Косово» и ее деятельности с гораздо меньшим энтузиазмом.

Однако подобное политическое охлаждение продолжалось недолго. По данным ряда источников, уже в том же 1997 г. новые власти

Албании возобновили активную помощь косовским сепаратистам. Об этом свидетельствует, в частности, Рам Куча, отвечавший в разведывательной службе Албании (SHIK) за ситуацию в северных районах страны. По его словам, новое албанское правительство установило контакты с АОК уже в ноябре 1997 г. и, в частности, по своим каналам посодействовало налаживанию косовскими сепаратистами контактов с США и западноевропейскими странами ¹³.

В последнее время в развитии ситуации по линии Тирана-Приштина значительную роль стали играть международные неправительственные организации, вольно или невольно способствующие активизации албанского фактора на Балканах, а также албанские землячества ¹⁴.

Последним принадлежит особое место в контексте формирования внешнеполитического курса Албании в целом и его косовских приоритетов в частности. Речь идет о многочисленных албанских этнических общинах и землячествах в странах Европы, Северной Африки, Ближнего Востока и США. Близкая к американскому политическому истеблишменту «Международная кризисная группа» констатирует, что «многочисленная диаспора косовских албанцев, проживающая в США, Германии и Швейцарии, играла и будет продолжать играть ключевую роль в нынешнем и будущем экономическом, социальном и политическом развитии Косово, а также диктовать развитие военной ситуации на местах. Они могут легко открыть новые фронты, если того пожелают, чтобы поддерживать давление в многочисленных нерешенных вопросах, относящихся к албанцам» ¹⁵. При этом можно констатировать, что албанские землячества в США и западноевропейских странах в вопросе создания «Великой Албании» настроены более решительно, чем политические силы в Приштине или Тиране ¹⁶. Кроме того, особая роль в данном вопросе принадлежит самим США, которые, по сути, видят в великоалбанских сценариях «средство “держать на коротком поводке” европейцев» ¹⁷.

Международные эксперты, со своей стороны, отнюдь не склонны преуменьшать значимость этнического фактора во внешней политике Тираны — в том числе, в отношении Косово. Как весьма справедливо отмечается в одном из профильных докладов Всемирного банка, «хотя Албания является самым маленьким и наименее развитым из балканских государств, она традиционно играла ключевую роль в поддержании мира и стабильности в регионе — в значительной степени по причине того, что число албанцев, проживающих в соседних странах, почти соответствует численности живущих в ее границах (3 млн против 3,3 млн)». По мнению Всемирного банка, речь идет о «непропорциональном влиянии» Албании на региональные дела, с которым международное сообщество вынуждено считаться ¹⁸.

Исход беженцев из Косово в Албанию оказал значительное влияние как на социально-экономическую, так и на внутривнутриполитическую обстановку в стране, став еще одним дестабилизирующим фактором после коллапса весны 1997 года. По свидетельству Всемирного банка, к 2002 г. уровень безработицы в этой стране был намного выше, чем у ее региональных соседей Греции и Италии, а доход на душу населения — на 90% ниже ¹⁹.

К сентябрю 2007 г. в Албании в целом был достигнут внутривнутриполитический консенсус по косовской проблеме. Его основным пара-

метром стало негативное отношение к переговорам об определении окончательного статуса Косово, проходившим при посредничестве ООН, России, США и Евросоюза. И президент Албании Бамир Топи, и лидер находившейся тогда в оппозиции Социалистической партии Албании Эди Рама сошлись в отрицании какого-либо смысла в данном переговорном процессе. Выступивший на заседании Совета национальной безопасности Албании президент Топи назвал отвергнутый к тому времени и Сербией, и, главное, Советом Безопасности ООН «план Ахтисаари» (наделявший Косово «подконтрольной независимостью») «единственным приемлемым решением» косовской проблемы. Аналогичную мысль лидер социалистов озвучил в ходе своего визита в Приштину. Эди Рама подчеркнул, что «вопрос о независимости Косово не может быть предметом переговоров». Такого же мнения придерживался и министр иностранных дел Албании Люльзим Баша, назвавший «план Ахтисаари» «единственно приемлемым планом» решения проблемы Косово, хотя и дипломатично предложил все-таки формально дождаться завершения переговоров между Белградом и Приштиной.

Провозглашение независимости Албании от Сербии в одностороннем порядке 17 февраля 2008 г. перевело отношения Тираны и Приштины в более практическое русло. Албанские власти одними из первых признали самопровозглашенное государство и стали всеми силами лоббировать обретение им как можно более широкого международного признания. В тексте решения о признании Косово, опубликованного в Тиране 18 февраля 2008 г., говорилось, что «Республика Албания признает Республику Косово». В тот же день Тирана установила с Приштиной дипломатические отношения и направила туда своего посла. Одновременно активизировался процесс сближения Албании и Косово де-факто по целому ряду политических, торгово-экономических, административных, правовых и иных направлений.

Обнародованный 22 июля 2010 г. вердикт Международного суда ООН по поводу самопровозглашенной независимости Косово в определенной степени поддержал позицию и аргументы Албании. Тогда впервые в истории созданного в 1945 г. данного международного судебного органа была фактически озвучена поддержка одностороннего выхода территории из состава государства — члена ООН — без согласия последнего.

В 2008 г. появилась и первая конкретная идея относительно объединения экономических систем Албании и Косово. Ее применительно к созданию единого регионального рынка озвучила албанская компания Konfindustria. На косовской политической сцене это предложение активно поддержал лидер «Альянса за новое Косово» известный бизнесмен Беджет Паколли, предложивший включить в единую зону свободной торговли не только Албанию и Косово, но и всю Сербию. В июле 2011 г. занимавший тогда пост вице-премьера Паколли, находясь с визитом в Тиране, напрямую представил данную инициативу спикеру парламента Албании Жозефине Топалли. Однако вплоть до настоящего времени экономическое сотрудничество Тираны и Приштины развивается преимущественно в сфере создания общей транспортной инфраструктуры.

На состоявшейся в конце 2011 г. весьма примечательной встрече Сали Бериши со студентами Университета в Приштине глава албанского правительства следующим образом ответил на вопрос о возможности объединения Косово и Албании в единое государство: единственная такая возможность — это объединение в рамках Европейского союза.

Следует согласиться с мнением британского балканиста Т. Джуды, подчеркивающего в своем исследовании «Косово: война и месть», что «еще находясь в оппозиции по отношению к прежней Коммунистической партии, а отныне Социалистической партии, Бериша продумал для себя сильный националистический имидж, осуждая своих оппонентов за то, что они недостаточно работают для Косово»²⁰. Автор подчеркивает, что, по крайней мере, в середине 1990-х гг., он проводил «осторожную политику в отношении Косово». Позиция Бериши и его единомышленников в отношении албанцев, проживающих за пределами Албании, указывает Джуда, могла быть сведена к формуле: «Для них не будет никакого решения, если они не станут думать так же, как мы»²¹.

Сегодня есть все основания утверждать, что, если мировому сообществу и удалось посредством всего комплекса доступных мер, включая военные, воспрепятствовать появлению на карте Балкан «Великой Сербии», то идея «Великой Албании» изначально и ошибочно не рассматривалась ведущими мировыми игроками в качестве реальной угрозы. Ныне же ситуация в этой сфере, похоже, выходит из-под контроля мирового сообщества, а «некоторым албанским националистам еще только предстоит отказаться от тех вождедений, от которых уже отказались их соседи»²².

Трудно не согласиться с тем, что проблема создания на Балканах «Великой Албании» — государства, объединяющего территории с преобладающим албанским населением, — приобрела в последнее время не только теоретическое, но и практическое значение. Провозглашение в феврале 2008 г. в одностороннем порядке независимости Косово вновь, как и столетие назад, поставило вопрос о пересмотре всей системы балканского геополитического пространства, сделав уязвимыми границы государств региона. Не только в Косово, но и в Албании, Македонии, Черногории, Греции появляются все новые политические партии и движения, которые выступают за проведение новых «разменов территорий». Это делается для того, чтобы максимально приблизить границы «этнической» Албании к местам проживания албанцев²³.

С другой стороны, многие эксперты выражают обоснованные сомнения в том, что в настоящее время у Албании имеются реальные возможности для того, чтобы взять на себя роль своеобразного албанского «Пьемонта». Как указывает, в частности, германский публицист В. Майер, «Албания по-прежнему пребывает в хаосе, что создает для ее соседей проблемы в плане иммиграции и распространения мафиозных структур, но в настоящее время западное сообщество мало что может сделать в самой Албании. Здесь, пожалуй, проявляется также и исторически слабо развитая у албанцев гражданственность. Во всяком случае, в нынешних обстоятельствах Тирана вряд ли может стать выразителем или хотя бы точкой кристаллизации всех ал-

банцев»²⁴. Скорее стоит согласиться с теми учеными, которые считают, что «идеи создания “Великой” или “этнической” Албании существуют независимо от заявлений, предостережений и опасений официальной Тираны»²⁵.

Подводя итоги, следует отметить одно, на наш взгляд, ключевое обстоятельство, присущее рассматриваемой проблеме. Политика Албании в отношении косовской проблемы развивается как бы в двух измерениях. Одно из них — это политические, дипломатические шаги правительства страны, заявления, демарши, инициативы в международных организациях. Другое имеет скорее военно-этническую окраску и связано с деятельностью албанских этнических партий, движений, группировок и кланов, зачастую не контролируемых официальной Тираной и действующих на более широком балканском пространстве. Именно второй фактор приобретает все большее значение в силу своей мобильности и независимости от каких-либо политических ограничений, наложенных на Албанию (необходимость следовать правилам поведения для кандидатов в Европейский союз, выполнять условия международных займов и т.д.).

В результате власти Тираны становятся заложниками активизации албанского фактора на Балканах, который они в чем-то сами инициировали, но который уже фактически вышел из-под их контроля (так же как и контроля ООН или ЕС). Развитие ситуации полностью отвечает концепции, сформулированной еще в 1980-е гг. американским экономистом Полом Дэвидом и получившей широкое распространение также в политологии и теории исторического процесса. Она исходит из того, что «первичные события» (так называемые «критические соединения») запускают «специфические траектории, или цепи событий, усиливающие, в свою очередь, первоначально заданный путь, который в результате становится все труднее и труднее изменить».

Примечания

1. Unfinished Peace. Report of the International Commission on the Balkans. Washington. 1996, p. 117.
2. ПОПОВИЧ Н. Откровенно об экономике Косово и Метохии. М. 2009, с. 89.
3. The View from Tirana. The Albanian Dimension of the Kosovo Crisis. — ICG Balkans, № 36. 10. VII.1998, p. 1.
4. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 2. М. 2007, с. 92—97.
5. MILO P. «Greater Albania». Between Fiction and Reality. Tirana. 2001, p. 45.
6. Europe: Creating Security through International Organization. Stockholm. 1996, p. 58.
7. ЗАДРОЖНИК Э.Г. Новые региональные идентичности в Европе: Становление и перспективы. М. 2006, с. 24.
8. ЗАДОХИН А.Г., НИЗОВСКИЙ А.Ю. Пороховой погреб Европы. М. 2000, с. 330.
9. ГУСЬКОВА Е.Ю. Албанское сепаратистское движение в Косове. В кн.: Албанский фактор кризиса на Балканах. М. 2003, с. 29.
10. ДИМИТРИЈЕВИЋ Б. Преглед дејстава арнаутске гериле 1998—1999. In: Косово и Метохија у великоалбанским плановима: 1878—2000. Београд. 2001, с. 236.
11. ДРЕЦУН М. Други косовски бој. Ветерник. 2001, с. 19.
12. ГУСЬКОВА Е.Ю. Десять лет после агрессии НАТО на Югославию. Что произошло на Балканах. — Военно-исторический журнал. 2009, № 5, с. 252—253.

13. ОСИПОВА А.В. От сепаратизма к экстремизму. Создание Освободительной армии Косова. — Славянский альманах. М. 2010, с. 215.
14. ГУСЬКОВА Е.Ю. Албанский фактор кризиса в бывшей Югославии. Политика двойных стандартов международных организаций. — Аналитические записки. 2006, июнь, № 18, с. 90.
15. Pan-Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana-Brussels. 2004, p. 31.
16. Подробнее см.: НОСКЕНОС Р. Homeland Calling: Exile Patriotism and the Balkan Wars. Cornell. 2003.
17. ИСКЕНДЕРОВ П.А. Косово: исторические, военно-политические и международно-правовые аспекты проблемы. — Международная жизнь. 2011, октябрь, с. 32.
18. Albania: Filling the Vulnerability Gap. World Bank Technical Paper № 460. Washington. 2000, p. 11.
19. Poverty in Albania. A Qualitative Assessment. World Bank Technical Report № 520. Washington. 2002, p. 39.
20. JUDAH T. Kosovo: War and Revenge. New Haven-L. 2002, p. 96.
21. Ibid., p. 97.
22. MAZOWER M. The Balkans. L. 2000, p. 134—135.
23. ИСКЕНДЕРОВ П.А. «Великая Албания»: теория и практика. — Вопросы истории. 2012, № 1, с. 31.
24. International Politik. Bonn. 2001, jg. 56, s. 11.
25. ИСКЕНДЕРОВ П.А. Албания и кризисы на постъюгославском пространстве. В кн.: Албанский фактор кризиса на Балканах. М. 2003, с. 131.

Суицид среди сотрудников советских спецслужб в 1920-е гг. (на примере Омского окружного отдела ОГПУ)

В.П. Василевский, А.В. Сушко

Аннотация. Статья посвящена исследованию случаев суицида среди сотрудников Омского окружного отдела ОГПУ, случившихся в 1927 году. На уровне микроисторического исследования причин добровольного ухода сотрудников ОГПУ из жизни предпринимается попытка изучить условия прохождения службы и особенности повседневной жизни чекистов, приводившие к трагическим последствиям.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, ОГПУ, Омск, чекисты, повседневная жизнь, суицид.

Abstract. The article is devoted to investigate cases of suicide among staff of Omsk District Department of the OGPU that occurred in 1927. At the micro-level of historical research of the reasons for the voluntary withdrawal of life for staff of the OGPU this article includes an attempt to examine conditions of the service and features for everyday life of officials of Cheka that leads to tragic consequences such as suicide.

Key words: public security organs, the OGPU, Omsk, security officers, everyday life, suicide.

Повседневная жизнь сотрудников советских спецслужб долгое время являлась закрытой темой для историков. С 1990-х гг. отдельные ее аспекты стали активно изучаться. Исследователи обратили внимание на то, что суицид был распространенным явлением в жизни органов ОГПУ-НКВД. Очевидно, что обстоятельства ухода чекистов из жизни имели разные причины. В то же время достаточно широкое распространение случаев суицида позволяет говорить о самоубийствах как о характерном явлении в повседневной жизни спецслужб, обусловленном определенными причинами. В.С. Тяжельникова исследовала волну самоубийств, прокатившуюся среди членов коммунистической партии в середине 1920-х гг., пик которой пришелся на 1925 год. Исследователь пришла к выводу, что «причины самоубийств в каждом отдельном случае переплетаются. Из документов видно, что тяжелое материальное положение и нервные заболевания, как правило, тесно связаны с недовольством службой и разочарованием жизнью»¹.

Василевский Виталий Петрович — соискатель ОмГТУ. E-mail: vasilevskiy-vitaliy@mail.ru; *Сушко Алексей Владимирович* — доктор исторических наук, профессор Омского государственного технического университета. E-mail: alexsushko@rambler.ru.

Vasilevsky Vitaly P. — applicant of Omsk State Technical University. E-mail: vasilevskiy-vitaliy@mail.ru; *Sushko Aleksey V.* — doctor of historical sciences, professor of Omsk State Technical University. E-mail: alexsushko@rambler.ru.

Советские органы государственной безопасности были созданы как «вооруженный отряд» правящей коммунистической партии. Несомненно, что причины суицидов среди коммунистов были характерны и для самоубийств сотрудников спецслужб. В то же время служебная деятельность работников ОГПУ имела свою специфику. В монографии А.М. Плеханова затрагивается вопрос о самоубийствах среди сотрудников ОГПУ. Рассматривая проблему подбора чекистских кадров, он сопоставил условия службы чекистов с условиями труда большинства советских людей: «22 августа 1924 г. до чекистов было доведено постановление ЦИК и СНК СССР “О нераспространении законов о труде на сотрудников ОГПУ и его местных органов”». И это в те годы, когда возрастали льготы для государственных служащих, а их рабочее время сокращалось. Например, с 1 мая по 30 сентября 1925 г. занятия в государственных учреждениях на территории СССР были установлены с 9 до 15 часов. Но это не касалось сотрудников ОГПУ. Большое напряжение многие чекисты не выдерживали, предпочитая работе в ОГПУ даже крайнюю меру — уход из жизни»². Применительно к 1920-м гг., в исторической литературе не сделано обстоятельного анализа суицидов среди сотрудников ОГПУ. Поэтому это явление нуждается в детальном изучении.

Цель данной работы — провести исследование имевших место в 1927 г. случаев суицида сотрудников Омского окружного отдела (окротдела) ОГПУ, для того чтобы выявить их причины в повседневной жизни и деятельности чекистов.

Экстремальные условия службы чекистов даже в мирное время определяли их физические и психологические перегрузки, многократно превышавшие перегрузки большинства коммунистов, находившихся на гражданской или военной службе. В воспоминаниях сотрудников ОГПУ, проходивших службу в 1920-е гг., часто говорится о том, что они находились на работе по несколько суток. Я.Н. Колмаков проходил службу в органах ГПУ на транспорте в Омске. Об условиях службы в эти годы он вспоминал: «Мне приходилось путешествовать все время в поездах. Домой я появлялся только для того, чтобы один раз в неделю хорошо выспаться, сходить в баню и сменить белье»³.

В советской историографии утвердилось мнение: для того, чтобы выдержать экстремальные условия службы, требовалась высокая идейная убежденность сотрудников в правоте своего дела, а значит, в правоте коммунистической партии, политику которой они проводили. Еще Е.И. Лацис, выделяя основные принципы кадрового отбора чекистов, подчеркивал: «Членами Чрезвычайных Комиссий должны быть коммунисты — вот первое условие успешности работы в наших условиях. Вторым условием успешности работы являются личные качества сотрудников. Чтобы распорядиться чужою жизнью, надо самому быть выше всяких подозрений как в смысле политическом, так и по своим личным качествам. Работа Чрезвычайных Комиссий требует людей с выдержанным характером, непреклонной волей, объективным взглядом, с установившимися политическими убеждениями и хорошей личной репутацией»⁴.

Формирование у чекистов особого профессионального сознания и корпоративной культуры способствовали преодолению служебных и бытовых трудностей. Они складывались на протяжении 1920-х гг., исходя из идеологии правящей партии и задач, стоявших перед органами безопасности советского государства. Сотрудница П.К. Федосеева, проходившая службу в Калачинске, вспоминала, что сотрудники по двое суток не уходили со службы: «Работали под лозунгом — “Пока чекист на ногах, он остается чекистом”, то есть никто не ныл, не жаловался на сложившиеся обстоятельства, материально тяжелые, не уходил с работы до тех пор, пока не выполнит задание»⁵.

Анализируя причины самоубийств коммунистов в годы нэпа Тяжелникова отмечает: «Коммунист, прошедший войны и революции, бесстрашно строчивший из пулемета, не мог понять новой советской действительности с буржуазией, ресторанами и танцами. Но изменить ее он тоже не мог — борьба закончилась, стрелять в буржуев никто не приказывал. Оставалось стрелять в себя, как генералу, проигравшему сражение, потерявшему армию и бессильному что-либо изменить»⁶. Сотрудники ОГПУ находились в ином положении. На службе они «продолжали стрелять в буржуев», ощущая себя на передовой борьбы за социализм. Государство пропагандистскими средствами поддерживало в них это чувство. Так, в приказе по ОГПУ о смерти Ф.Э. Дзержинского органы безопасности назывались «стальной когортой, стоящей на страже пролетарской диктатуры»⁷.

Без сомнения, идеологический фактор был мощным стимулом для поддержания «боевой готовности» сотрудников ОГПУ, преодоления ими тягот и лишений службы. Однако случаи самоубийств свидетельствовали о том, что идеология не всегда удерживала чекистов в необходимых для этой профессии рамках поведения. Ряд современных исследователей при описании повседневной жизни сотрудников советских спецслужб обращает внимание на антисоциальные способы снятия стрессов. Так А.Г. Тепляков об образе жизни сотрудников-чекистов пишет: «Чекистский быт был суров и внешне аскетичен, но его разнообразили алкоголь, наркотики, пьяная езда на автомобилях, кутежи в притонах, сожительство с секретными сотрудницами и прочие “удовольствия”»⁸. Не ставя под сомнение наличие антисоциальных проявлений в повседневной жизни чекистов, заметим, что их абсолютизация уводит от понимания деятельности сотрудников ОГПУ. В ведомстве достаточно последовательно боролись с этими явлениями и, в первую очередь, со злоупотреблениями алкоголем среди сотрудников. В 1926 г. основной проблемой Омского окротдела ОГПУ «в силу тяжелого положения» было пьянство, которое, как показало разбирательство по делу случаев суицида сотрудников отдела Токарева и Шашерина, проводившееся в 1927 г., «было изжито». Однако пьянство сотрудников сменила полоса самоубийств⁹.

В воспоминаниях Я.Я. Веверса, с сентября 1925 г. по октябрь 1928 г. служившего начальником ЭКО Омского окротдела ОГПУ, содержатся сведения о самоубийствах омских чекистов: «Некоторые начальники отделений окротдела были не на своем месте, выпивали. Дурные примеры, как известно, заразительны. Выпивали и некоторые рядовые работники. И эти выпивки отрицательно сказались на моральном облике коллектива. Коллектив Омского окротдела ОГПУ был единственным коллективом чекистов, в котором за 40 с лишним лет моей работы в органах госбезопасности я столкнулся с фактами целого ряда самоубийств. За три года 5 случаев самоубийств. В кабинете начальника Особого отделения Гацука застрелился оперуполномоченный Шашерин. Поскольку самоубийство произошло среди бела дня и на глазах начальника отделения Гацука — факт произвел очень сильное впечатление на коллектив. Многих женщин-сотрудниц охватила истерика: плакали, кричали, некоторые бились головой об стену, психопатике поддались и некоторые мужчины. В отделе ни начальника отдела, ни его заместителей не оказалось... Отправил женщин и потерявших равновесие мужчин по домам, работу в отделе остановил: все равно никто не работал, а собирались в кучки и обсуждали создавшуюся обстановку, разжигали панику. Вскоре из ПП ОГПУ по Сибири прибыла комиссия для выяснения причин столь многочисленных фактов самоубийств в Омском окротделе ОГПУ»¹⁰.

В Историческом архиве Омской области сохранились материалы расследования случаев самоубийства сотрудников ОГПУ Омского окротдела Токарева и Шашерина, случившихся одно за другим. Разбирательство проводилось под

контролем ПП ОГПУ в Сибири и Омского окружкома. Проведенное расследование раскрыло как общие, так и частные причины самоубийств сотрудников ОГПУ в Омске.

Первым покончил с собой Токарев. Он служил оперуполномоченным информационного отдела. В своей предсмертной записке он винил в своей смерти начальника информационного отделения Лавренова, который «оценил его как негодного работника», переводя в фельдъегерское отделение. Токарев просил привлечь к ответственности Лавренова и похоронить себя с почестями. Перевод из информационного отделения в фельдъегерскую службу был понижением по службе, сопряженным с уменьшением заработной платы и изменением статуса в чекистском коллективе. На собрании, посвященном смерти Токарева, Лавренов, заявил, что «не себя считает виновником смерти Токарева. Действительно, Токарев в ИНФО не соответствовал, а был лишь хорошим оперативным работником. В силу изложенного, Токарев был переведен в фельдотделение»¹¹.

Материалы разбирательства свидетельствовали, что Токарев был морально неуравновешен, выпивал, развелся с первой женой, хотел жениться во второй раз, но у него не получилось, продал револьвер и боялся понести за это наказание на службе. В ходе обсуждения в коллективе смерти Токарева большинство коллег пришло к выводу, что трагедия случилась из-за неурядиц в личной жизни и трудного материального положения. В то же время некоторые сотрудники высказались за проведение тщательного расследования, так как в коллективе существовали «ненормальные отношения между начальниками и подчиненными». Присутствовавший на собрании оперуполномоченный Шашерин заявил: «Поступок Токарева является малодушным и дискредитирует органы ОГПУ и партию». Это была стандартная для 1920-х гг. оценка самоубийства. Также Шашерин предположил, что «причиной самоубийства является материальная необеспеченность сотрудников органов ОГПУ и, если не будет увеличена оплата труда, то этот случай не последний и вследствие этого все могут быть там, так как кусать нечего». Собрание приняло решение: «почестей не устраивать и, с целью выяснения истинных причин самоубийства Токарева, просить начальника отдела провести тщательное следствие»¹².

Вскоре вслед за Токаревым совершил суицид и Шашерин, совсем недавно критиковавший сослуживца на собрании «за малодушие и дискредитацию органов». Он был оперуполномоченным особого отдела. Из-за трений с начальством Шашерин, который ранее характеризовался положительно и не раз поощрялся за успехи по службе, был понижен в должности. Из материалов разбирательства следовало, что у него существовали нездоровые взаимоотношения со своим непосредственным начальником Хреновым. При этом комиссия отметила, что Хренов — кандидат в ВКП(б) — нетактичен, политически безграмотен. Однако начальник Окротдела Шленов «тянул его своим замом»¹³. Шашерин считался опытным сотрудником ОГПУ, прослужил в органах 6 лет. Из оперуполномоченного он был переведен на нижестоящую должность в помощники оперуполномоченного. Это влекло существенное понижение в заработной плате. Шашерин пытался уйти из органов, ссылаясь на плохое здоровье и несогласие с понижением по службе. В своем рапорте он написал: «Причины моей просьбы в основном сводятся к двум моментам: во-первых, расшатанность здоровья, которое, находясь на службе в органах ОГПУ, я не имею возможности восстановить и в конце подорву, так как работаю слишком долго и много; во-вторых, последний приказ ПП ОГПУ по Сибкраю, назначивший меня помощником уполномоченного, считаю предлогом к увольнению. По должности пом. уполномоченного работать не согласен, так как нахожу, что эту должность я давно перерос, к тому же материальное положение, и без того скверное, естественно ухудшится»¹⁴. Однако в увольнении было отказано.

Из материалов проверки следовало, что у Шашерина после родов заболела жена, которую он был вынужден в долг лечить у частных врачей и отправить с маленьким ребенком в деревню. К моменту самоубийства Шашерин был должен 200 руб., которые он не представлял, как отдать. Понижение заработной платы фактически лишало его и без того крайне нуждавшуюся семью средств к существованию. У Шашерина был нервный срыв, и он лечился в психобольнице. За сентябрь с него вычли переплаченные отпускные, и он получил на руки 45 копеек. Его семья осталась без средств к существованию, и он, не увидев выхода, застрелился. Сослуживец Шашерина, уполномоченный особого отдела Макарьин, в ходе разбирательства вспоминал: «Шашерин часто говорил “застрелюсь”». В разговорах говорил: мы замкнуты, никому ничего не можем говорить, нами распоряжаются, как пешками, через общественное мнение разрешить наше положение мы не можем. О нас должно заботиться начальство, но оно нас не видит и не слушает»¹⁵.

Следует подчеркнуть, что стремление уйти из органов в 1927 г. в Омске было характерно не только для рядовых оперработников. Материалы вышеуказанного разбирательства показали, что начальник Особого отдела Гацук (у него в отделе проходил службу Шашерин) «поставил целью уйти из органов ОГПУ» по причине конфликтов с начальником окротдела Шленовым, который, по его мнению, «ненормально относился к сотрудникам». Шленов был недавно назначен начальником Омского окротдела и, естественно, вводил свои порядки и расставлял своих людей. В ходе разбирательства Шленова критиковали многие сотрудники. Так Я.Я. Веверс рассказывал комиссии об атмосфере, царившей в отделе между самоубийствами Токарева и Шашерина: «Я настаивал о скорейшем изучении убийства. Шленов оттягивал на неделю. Но мне в один день приходили два человека, приходили и говорили, что им нечего есть. Гацук разбил весь чернильный прибор. Атмосфера накаленная... Администрация не была на похоронах. Было постановление ячейки сделать товарищеские проводы. Сотрудники этим возмущались. Шленов снова провел резкую грань между собой и сотрудниками. У Здоровцева (прежний начальник окротдела. — *А.В., В.П.*) был более мягкий подход. В коллективе наблюдается травля, подсиживание друг друга»¹⁶.

В ходе разбирательства случаев самоубийства комиссией ПП ОГПУ по Сибкраю начальник Омского окротдела Шленов так охарактеризовал общее положение в коллективе: «Материальная необеспеченность, большая загрузка, нет клуба, плохо поставлено лечение. Материальное положение еще подрывается тем, что сотрудники работают ночью, приходится закусывать в столовой, нельзя стоять за лечебной помощью в очереди, приглашают частных врачей. Никаких нововведений я не делал. Широкого демократизма допустить не могу»¹⁷.

Помимо частных причин самоубийств сотрудников, комиссия выявила общие факторы, обусловившие эти трагедии:

«1. Основная часть сотрудников ОГПУ не имеет достаточной возможности пользоваться культурными развлечениями и отдыхом вследствие большой служебной загрузки, тяжелого материального положения и отсутствия организованной культуры при отделе.

2. В коллективе не создано достаточно товарищеских отношений. Есть случаи травли и “подсживания” между сотрудниками, с одной стороны, и администрацией и сотрудниками, с другой. Ряд товарищей жалуется на формальное к ним отношение товарища Булатова и что сотрудники боятся обращаться к Шленову со своими нуждами. Кроме того, условия работы ОГПУ не позволяют привлекать общественное мнение к разрешению отдельных вопросов, а это, в свою очередь, создает у сотрудников мнение о том, что существующие в ОГПУ недостатки не устранить, положение безвыходное»¹⁸.

Таким образом, разбирательство самоубийств Токарева и Шашерина выявило крайне тяжелое материальное положение рядовых сотрудников ОГПУ и

нездоровую обстановку в чекистском коллективе. В таких условиях люди с плохим здоровьем, неустойчивой психикой не справлялись со служебной нагрузкой и любыми путями старались уйти из органов.

Проблема неудовлетворительного материального обеспечения сотрудников ОГПУ была общегосударственной. В статье Р.Р. Бухарина показано, что до августа 1927 г. социальный статус военнослужащих Красной армии оставался более высоким, чем социальный статус сотрудников ОГПУ. Военнослужащим и членам их семей в середине 1920-х гг. было установлено государственное социальное обеспечение. Им предоставлялись социальные гарантии и льготы, предусмотренные «Кодексом законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и РККФ СССР и их семей», а также пенсионное обеспечение в соответствии с «Положением о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава РККА». Только 13 августа 1927 г. Совет Труда и Оборона СССР принял решение о распространении действия Кодекса и Положения на личный состав ОГПУ. Приказом ОГПУ СССР от 5 октября 1927 г. № 195 личный состав с 1 октября того же года снимался с обеспечения органами социального страхования и переходил на государственное обеспечение¹⁹. Следует подчеркнуть, что руководство Омского окротдела ОГПУ также делало выводы из трагедий и по возможности старалось улучшить условия жизни своих сотрудников. Например, на заседании Бюро Омского окружкома, состоявшемся 12 марта 1928 г., рассматривался вопрос об улучшении быта чекистов. С докладом выступил начальник Окротдела Шленов. Было принято решение «обеспечить средствами отпуска и лечения сотрудников ППУ»²⁰.

Материалы расследования самоубийств сотрудников ОГПУ Токарева и Шашерина представляют собой то, что один из отцов-основателей итальянской микроистории Э. Гренди назвал «исключительной нормой»²¹. Официальные партийные и чекистские источники систематически замалчивали или искажали социальную реальность жизни и деятельности сотрудников советских органов государственной безопасности. В данном случае найдены и проанализированы документы, которые позволяют понять общие, профессионально обусловленные причины суицидов в чекистской среде и на этой основе охарактеризовать атмосферу, сложившуюся в коллективе, и характерные особенности жизни сотрудников ОГПУ в Омске.

Токарев не был на хорошем счету на службе по причине того, что не справлялся с интеллектуальной, требующей аналитического мышления работой в информационном отделении. Он пытался решить свои материальные и личные проблемы антисоциальным способом — пьянствовал, продал свой револьвер. Но алкоголь не помог, и он добровольно ушел из жизни. Личностные качества Шашерина были более привлекательными. На службе он был на хорошем счету. Однако, как и у Токарева, низкий материальный достаток и болезнь жены, конфликт с начальником, отсутствие нормального общения в коллективе с коллегами и невозможность законно уйти из органов также привели его к роковому решению.

Причины самоубийств сотрудников ОГПУ можно разбить на группы. Первая — это общие причины, обусловившие волну самоубийств коммунистов в 1920-е годы. К ним относится трудное материальное положение, которое у сотрудников ОГПУ было даже еще более тяжелым, чем у рядовых коммунистов и военнослужащих Красной армии. Если руководящие работники органов ОГПУ входили в верхушку партийной элиты, и уровень их жизни, по меркам советского общества, был удовлетворительным, то рядовые сотрудники откровенно бедствовали и даже иногда не могли купить еду для себя и членов своих семей. Чекисты не выдерживали и пытались уйти из органов безопасности, но сделать это законным путем для хорошего сотрудника было практически невозможно. К нищенскому существованию добавлялась усталость от перегрузок на службе, приводившая к нервным расстройствам и различным заболеваниям.

Вторая группа — это причины, обусловленные особенностями службы в органах ОГПУ. В первую очередь, это борьба за должности между группами сотрудников, «тянувших своих людей», сопровождавшаяся многочисленными конфликтами внутри чекистского коллектива. В таких условиях для продвижения по службе от сотрудника требовались лояльность по отношению к вышестоящему начальнику, членство в его «команде». Карьерные перспективы сотрудников, не попавших в нее, были сомнительными. Такие люди были слабо интегрированы в профессиональное сообщество и находились в «зоне риска». Кроме того, специфика службы определяла отчужденность сотрудников ОГПУ от общества. Чекисты не могли обратиться за помощью в решении своих личных, бытовых и иных проблем во вневедомственные социальные институты. Не видя выхода, они выбирали уход из жизни.

Третья группа — это индивидуальные обстоятельства жизни сотрудников. Чаще всего ими были неурядицы в личной жизни, совершенное преступление и боязнь понести за него наказание, болезнь сотрудника или членов его семьи.

Причины тесно переплетались, усиливая свое воздействие. В 1920-е гг. в органах ОГПУ Омского Прииртышья, как и в других регионах страны, самоубийства сотрудников стали достаточно распространенным, социально обусловленным явлением.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Омской области в рамках конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном». Проект №15-11-55003 а(р) «Деятельность органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье (1922—1934 гг.)»

1. ТЯЖЕЛЬНИКОВА В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы. — Отечественная история. 1998, № 6, с. 164.
2. ПЛЕХАНОВ А.М. ВЧК-ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921—1928. М. 2006, с. 230.
3. Архив Управления ФСБ России по Омской области, ф. 87, оп. 3, д. 1596, л. 104.
4. ЛАЦИС М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М. 1921, с. 11.
5. Архив Управления ФСБ России по Омской области, ф. 87, оп. 3, д. 1596, л. 115.
6. ТЯЖЕЛЬНИКОВА В.С. Ук. соч., с. 164.
7. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991. Справочник. М. 2003, с. 480.
8. ТЕПЛЯКОВ А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918—1929 гг. М. 2007, с. 261.
9. Исторический архив Омской области (ИА ОО), ф. П-7, оп. 4, д. 62, л. 255.
10. Архив Управления ФСБ России по Омской области, ф. 87, оп. 3, д. 1596, л. 122—123.
11. ИА ОО, ф. П-7, оп. 4, д. 62, л. 251.
12. Там же.
13. Там же, л. 253.
14. Там же, л. 252.
15. Там же, л. 254.
16. Там же, л. 255.
17. Там же, л. 277.
18. Там же, л. 278.
19. БУХАРИН Р.Р. Социально-экономическое положение сотрудников ВЧК-ГПУ-ОГПУ в 1920-х годах. — Вестник Военного университета. 2011, № 3 (27), с. 149.
20. ИА ОО, ф. П-7, оп. 4, д. 25, л. 4.
21. МЕДИК Х. Микроистория. В кн.: THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 2. М. 1994, вып. 4, с. 199.

Из истории Великого шелкового пути

Х.В. Исаков

Аннотация. В работе показано участие Азербайджана в развитии Великого шелкового пути, его основные этапы, важное экономическое и политическое значение.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, основные этапы, Азербайджан, торговля.

Abstract. This article shows the participation of Azerbaijan in the Great Silk Road, its principal stages, important economic and political meaning.

Key words: Great Silk Road, principal stages, Azerbaijan, commerce.

В истории человеческой цивилизации есть немало примеров длительного взаимовыгодного культурного и экономического сотрудничества между странами и народами с различными политическими, религиозными и этническими традициями. Среди них можно отметить легендарный путь «из варяг в греки», довольно длительное время действовавший между Русью и скандинавскими странами (Швеция, Норвегия, Дания), а также соляной торговый путь, который проходил по Африканскому континенту, пролегая в основном через пустыню Сахару. Но самым значительным, широко известным в мире являлся Великий шелковый путь, протянувшийся от берегов Атлантического до Тихого океана, пересекавший весь Азиатский континент и соединявший страны Средиземноморья с Дальним Востоком в древности и раннем Средневековье.

Мысль о реальном функционировании этого древнего торгового пути впервые в Азербайджане в 1935 г. выдвинул археолог А.Л. Алекперов. Анализируя кувшинные погребения на территории Азербайджана, он отметил, что зона их распространения совпадает с проходившей через Албанию древней международной торговой трассой по рекам Кура, а затем Рион к Черному морю ¹.

В середине прошлого века в Азербайджане З.И. Ямпольский ², а в Грузии Г.К. Гозалашвили ³ и О.Д. Лордкипанидзе ⁴ опубликовали свои ста-

---

Исаков Хаким Велиджан оглы — доктор философии по истории, преподаватель Бакинского государственного колледжа транспорта и связи. E-mail: isakov_hakim@mail.ru.

Isakov Hakim — doctor philosophy of history, teacher at the Baku State college of transport and communications. E-mail: isakov_hakim@mail.ru.

ты, в которых обосновали существование и активное использование «дороги Страбона».

Иную интерпретацию сведений античных авторов мы встречаем у К.В. Тревер⁵, которая ссылается на Я.И. Манандяна⁶, по мнению которого главной торговой трассой того времени был не морской путь по Каспию и далее по рекам, а сухопутная караванная дорога, огибавшая Каспийское море с юга и шедшая через Экбатану и столицу Атропатены Газаку в Армению и далее на запад. Эта точка зрения, впоследствии путем прямого заимствования была ратифицирована в работах археологов-албановедов Дж.А. Халилова⁷, И.А. Бабаева⁸ и ряда других, что фактически исключало активное участие Кавказской Албании и Иберии в международной торговле в античный период. Однако накопленный в результате археологических раскопок материал убедительно свидетельствует об обратном. В то же время, исследователь Н.М. Гулиев⁹, поддерживая идею об активном участии Кавказской Албании в международной торговле в античный период, писал: «Торговые связи тех времен в основном были сухопутными. Однако водные пути имели немаловажное значение в торговых связях Кавказской Албании. Река Кура играла большую роль в этой сфере Кавказской Албании, способствуя ее торговле с сопредельными и более далекими странами. Еще в IV—III вв. до н.э. индийские и китайские товары через реку Окс (Аму-Дарья) доставлялись к Каспийскому морю, а отсюда по Куру через Албанию и Грузию (Иберию, Колхиду) шли к берегам Черного моря по реке Фасис (Рион)». Сведения о существовании водного торгового пути подтверждал и древнеримский писатель Плиний. Ссылаясь на Варрона, он писал: «...во время похода Помпея было разведано, что из Индии можно в 7 дней прийти в Бактр, впадающий в Оку, из него в Каспийское море, и далее индийские товары, перевезенные по Оксу через Каспийское море в Куру, могут быть перевезены не более чем за пять дней сухим путем до Фасиса, который впадает в Черное море»¹⁰.

Древнегреческий историк Геродот (V в. до н.э.) по этому поводу писал, что Каспийское море по его ширине можно переплыть на корабле античного типа за 8 дней¹¹.

Во II—I вв. до н.э. через Азербайджан проходил самый оживленный торговый путь. В честь великого географа, который первым упомянул о нем в своих работах, его обычно называли «Страбонский путь». Он шел из Китая и Индии через Среднюю Азию, далее через реку Узбой до Каспийского моря и через территорию Азербайджана. Здесь он делился на две ветви: одна была проложена вверх по течению реки Куры в сторону Колхиды и Иберии, вторая — направлялась на север, вдоль западного побережья Каспийского моря через Дербент и Кавказские степи и заканчивалась в греческих городах-колониях¹².

Из истории Шелкового пути известно, что из Азии в Европу существовало несколько караванных маршрутов. Это обстоятельство было связано с тем, что в поисках надежного и безопасного пути народам приходилось открывать новые направления. Среди них выделялись три основных. Самый древний маршрут (южный) обходил Каспийское и Черное моря с юга, а затем следовал в Константинополь и далее в Европу. Второй маршрут (северный) обходил Каспийское море с севера и через Россию вел в Европу. Третий маршрут проходил через современные порты Туркменбаши и Баку, после чего через территории современной Грузии и Турции направлялся в Европу¹³.

Возникновение Великого шелкового пути относится ко II в. до н.э. А сам термин «Великий шелковый путь» был введен в оборот немецким ученым XIX столетия К. Рихтгофеном, который в 1877 г. написал работу «Китай» и впервые назвал торговый путь через восточные страны «шелковым путем»¹⁴.

Исследователь древней истории Азербайджана К. Алиев отмечает, что Клавдий Птоломей в своих писаниях упомянул албанские города, находившиеся на древнем Шелковом пути, такие как Телейба, Гелда, Албана, Гайтара¹⁵. А академик Бартольд называл древний город Азербайджана Барду центром всех торговых путей на Кавказе, в котором арабами велись торговые операции. Барда была транзитом, соединяющим юг с севером¹⁶.

Древнегреческий географ Страбон писал: «...река Ока судоходна и много индийских товаров привозят вниз по течению в Гирканское (Каспийское море), оттуда переправляют в Албанию (Азербайджан) и через Кир (р. Кура) в следующие затем местности (территории древнегрузинских царств Иберия и Колхида. — *Х.И.*) и доставляют в Понт Эквинский (Черное море)»¹⁷. Все эти факты еще раз подтверждают участие Кавказской Албании в международной торговле в античный период.

В начале средневековья Азербайджан продолжал играть активную роль в функционировании Великого шелкового пути и оставался важным перевалочным звеном. О торговых путях того периода сообщает также Х. Казвини. Он пишет о существовании в XIV в. на территории государства ильханидов нескольких дорог шахрахов. Южная дорога связывала город Тебриз с Багдадом и Мосулом, восточная — Рей с Хорасаном, наконец, северная — Билясувар, Махмудабад с Шамахой и Дербентом¹⁸. Шамаха тогда была северной ветвью шахраха, связующим звеном между Тебризом, городами Кавказа и Россией. Она имела тесные экономические связи с городом Султанией. Посланник Испании при дворе Тимура Клавихо в 1440 г. сообщал о перевозке из Шамахи в Султаннию высококачественного шелка. Он писал, что за этим шелком приезжали в Шамаху купцы даже из Генуи и Венеции¹⁹.

В то время города служили своеобразными складами для товаров с Дальнего Востока и из Средней Азии с целью их дальнейшей транспортировки в Византию и далее на север. Барда, ставшая столицей Азербайджана с V в., была самым большим в мире торговым центром на одной из ветвей Великого шелкового пути. Располагаясь на достаточно оживленном маршруте, Барда в VIII—X вв. стала одним из самых больших центров ремесел²⁰.

В XIV—XVIII вв. роль городов Азербайджана, расположенных на линии Великого шелкового пути, еще более возросла. Это произошло благодаря развитию торгового направления Волга — Каспий, освоенного русскими и английскими торговцами. В этот период города Шамаха, Дербенд, Баку, Ардебиль, Тебриз, Марага, Гянджа, Нахчыван стали центрами перевозок, где хранились товары, привезенные с Востока и из Европы. Торговцы из России, Европы, Турции, Средней Азии и Дальнего Востока собирались именно здесь.

Во всех городах, вовлеченных в международную торговлю, были построены караван-сарай. Заслуживают внимания сведения о них путешественников. Ф. Котов сообщает о караван-сараях «Тезичи», Ян Стрейс — о шахском и лезгинском гостинных дворах²¹. Многие из них сохранились вплоть до наших дней. Великий шелковый путь влиял на развитие экономики и культуры Азербайджана. Постоянные многовековые отношения с народами Востока и Запада служили взаимообогащению народов. Географическое положение, так же как и природные нефтяные и газовые ресурсы Азербайджана, известного в древности как «Страна огней», создавали прекрасные возможности для развития евроазиатских экономических, культурно-информационных связей на новом, более качественном уровне.

Идея создания «нового Шелкового пути» возникла еще в 80-х гг. XX века. Учитывая уникальную в истории цивилизации роль Великого шелкового пути, международная организация ЮНЕСКО приняла в 1987 г. программу «Шелковый путь». Но в исторических условиях того периода было невозможно

претворить эту идею в жизнь. Она оставалась лишь на уровне научно-теоретического исследования. Однако после распада Советского Союза в конце XX в. реализация этого проекта стала возможной²².

Еще в сентябре 1990 г. на международной конференции «Регион Тихого Океана: диалог, сотрудничество и безопасность», проходившей во Владивостоке, Эдуард Шеварднадзе выступил с идеей о перестройке Трансевропейской магистрали. Затем эта идея стала объектом обсуждения и перешла в стадию экспертно-проектной разработки²³. 15 июня 1991 г. решением Евросоюза (№ 2157) была учреждена программа «ТАСИС», суть которой состояла в том, чтобы за короткий срок оказать помощь финансовому и энергетическому секторам и подготовить кадры для управления в государственном и частном секторах Советского Союза. После распада СССР в программу в 1992 г. было внесено изменение с целью создания экономических и политических связей Евросоюза с 12 бывшими советскими республиками, за исключением Прибалтийских стран. Был заключен протокол соглашения. Для координации программы и оказания технического содействия ее регулированию из единого центра в Баку было создано Координационное бюро Евросоюза. Надо отметить, что с 1992 по 2000 г. по программе «ТАСИС» нашей республике Евросоюзом было выделено 80,5 млн евро. Из 174 проектов, принятых в рамках межгосударственной программы «ТАСИС», Азербайджанская Республика в 1992—1999 гг. участвовала в 119²⁴.

С 1991 по 1999 г. для проведения реформ в системе управления, развития рыночной экономики и создания правового государства в Азербайджане Евросоюзом было выделено 4 млрд евро, из которых 26 % было предусмотрено на транспорт, коммуникации, энергетику и сельское хозяйство²⁵.

Основным шагом Евросоюза в восстановлении «Исторического шелкового пути» было принятие в мае 1993 г. в Брюсселе программы «ТРАСЕКА» и «Брюссельской декларации». Основные цели программы были следующими: оказать содействие завоевавшим независимость странам, обеспечить им выход альтернативным путем на мировой и европейский рынок, оказать экономическую и политическую поддержку; содействовать в региональном сотрудничестве между странами — участниками программы; привлечь международные финансовые институты, такие как Европейский Банк Развития и Реконструкции, Мировой Банк для финансирования совместных проектов; оказать содействие в интеграции «Евразийского транспортного коридора» с Трансевропейским транспортным узлом²⁶.

Таким образом, Великий шелковый путь, имевший важное экономическое и политическое значение в жизни народов Азии и Европы, служивший своеобразным мостом между Востоком и Западом, благодаря которому происходили взаимодействие и сотрудничество народов как на торговом, так и на культурном поприще, и в наше время имеет огромное значение.

Примечания

1. АЛЕКПЕРОВ А.К. Исследование по археологии и этнографии Азербайджана. Баку. 1960, с. 34.
2. ЯМПОЛЬСКИЙ З.И. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к морю. Труды Института истории им. И.А. Джавахишвили АН ГССР. Т. II. Тбилиси. 1956, с. 161—180.
3. ГОЗАЛАШВИЛИ Г.К. О древнем торговом пути в Закавказье. Там же.
4. ЛОРДКИПАНИДЗЕ О.Д. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху. Сообщения АН ГССР. Т. XIX. Тбилиси. 1957, № 3.
5. ТРЕВЕР К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л. 1959, с. 44.

6. МАНАНДЯН Я.И. О торговле в городах Армении с мировой торговлей древних времен. Ереван. 1954, с. 57.
7. ХАЛИЛОВ Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. Баку. 1985, с. 187.
8. БАБАЕВ И.А. Великий шелковый путь и Азербайджан. В кн.: Великий шелковый путь и Азербайджан: Вчера, сегодня, завтра. Сб. статей. Баку. 1998, с. 15.
9. ГУЛИЕВ Н.М. Торговые связи Кавказской Албании в раннем средневековье. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку. 1972, с. 15—16.
10. «Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового пути. Материалы Международной конференции. 28—29 ноября. Баку. 2008, с. 12.
11. ГУЛИЕВ Н.М. Ук. соч., с. 16.
12. ИСАЕВ Е. Великий шелковый путь и Нахичеван. Дисс. канд. ист. наук. Нахичеван. 2006, с. 39—40.
13. АЛИЕВ А. Древний Шелковый путь и современные автомагистрали. В кн.: Великий Шелковый путь и Азербайджан: Вчера, сегодня, завтра, с. 97.
14. КАШИЕВА Л. Роль шелкового пути в развитии бизнеса в Азербайджане. Автореф. дисс. канд. экон. наук. Баку. 2006, с. 7.
15. АЛИЕВ К. Древнегреческие и латинские первоисточники по истории древнего Азербайджана. Баку. 2011, с. 225.
16. ИСАЕВ Е. Ук. соч., с. 36.
17. СТРАБОН. «География в 17-ти книгах». М. 1964, с. 70—71.
18. ХАМДАЛЛАХ КАЗВИНИ. Нузхат ал-кулуб. Тегеран, 1336 г. ш.х. (на перс. языке).
19. ШИРИН БАЯНИ. Тарих ал-е Джалайир. Тегеран, 1337 г., с. 160 (на перс. языке).
20. ИСАЕВ Е. Ук. соч., с. 36.
21. Путешественники об Азербайджане. Т. I. Баку. 1961, с. 270—311.
22. АБДУЛЛАЕВ В. Стратегия шелкового пути в дипломатии Гейдара Алиева. — «Республика». 6.V.2000.
23. Выступление Президента Грузии Э. Шеварднадзе на Бакинской международной конференции, посвященной восстановлению Исторического Шелкового пути. 8—9 сентября 1998 года. — Шелковый путь. 1998, № 4, с. 16.
24. ФАТАЛИЕВ Н, ГУСЕЙНОВ В. Что такое ТАСИС и ее деятельность в Азербайджане. — Консультативный журнал. 2001, № 1, с. 4.
25. Там же, с. 6.
26. АРАБОВ Н. Великий шелковый путь и его возрождение. Баку. 2002, с. 217.

Изображение оружия на каменных надгробиях XV—XVI вв. в Азербайджане как источник по военной истории

С.А. Ахмедов

Аннотация. В статье дается анализ изображений оружия на каменных надгробиях XV—XVI вв. на территории Азербайджанской Республики. Каменные надгробия Азербайджана сохранили образцы сюжетно-тематических композиций, орнаментального искусства и эпиграфических надписей и считаются важным источником по истории политических, общественных, социально-экономических отношений, культурных достижений народа. Но в качестве источника по вопросам военной истории Азербайджана они до сих пор не рассматривались. Автором изучены исторические материалы из коллекции историко-архитектурных заповедников и музеев республики. Достоверность и тщательность прорисовки, внимание мастера-камнереза к изображаемым деталям оружия, аналоги из музейных коллекций и книжных миниатюр позволяют рассматривать надгробные камни как важный иллюстративный источник по изучению вопросов военной истории, в частности оружия.

Ключевые слова: каменные надгробия, средневековое оружие, защитное оружие, наступательное оружие, комплекс оружия рыцаря.

Abstract. In article the analysis of images of the weapon on gravestones of XV—XVI centuries from the territory of the Azerbaijan Republic is given. Stone gravestones of Azerbaijan kept samples of subject and thematic compositions, ornamental art and are considered as an important source on stories of the political, public, social and economic relations, cultural achievements. But as a source concerning military history of Azerbaijan they still weren't considered. The author studied historical materials from a collection of historical and architectural reserves and the museums of the republic. Reliability and care of a portrayal, attention of the master stone-cutter to the represented weapon details, analogs from museum collections and book miniatures allow to consider tombstones as an important illustrative source on studying of questions of military history.

Key words: stone gravestones, medieval weapon, protective weapon, offensive weapon, complex of the weapon of the knight.

Одним из древнейших видов художественной культуры азербайджанского народа является резьба по камню. История донесла до наших времен десятки образцов монументального декоративного убранства архитектурных сооружений, сотни надгробных памятников и изваяний.

Ахмедов Сабухи Ахмед оглы — кандидат исторических наук, заведующий отделом Национального музея истории Азербайджана НАНА. E-mail: chokan28@yahoo.com.

Akhmedov Sabukhi Akhmed ogly — philosophy doctor on history, head of the department of the National history museum of Azerbaijan of ANAS. E-mail: chokan28@yahoo.com.

Каменные надгробия Азербайджана сохранили образцы сюжетно-тематических композиций, орнаментального искусства и эпиграфических надписей и считаются важным источником по истории политических, общественных, социально-экономических отношений, культурных достижений народа.

Целью данного исследования является обоснование тезиса о том, что изображения на каменных надгробиях XV—XVI вв. могут рассматриваться в качестве источника по изучению вопросов военной истории, в частности оружия. Объектом внимания являются надгробия.

Нижняя хронологическая граница исследования, XV в., определяется датами самых ранних из сохранившихся надгробных памятников с изображением оружия, а верхняя, конец XVI в., обосновывается необходимостью сузить объем рассматриваемого материала периодом, когда на надгробных памятниках появились изображения образцов огнестрельного оружия.

Надгробные камни в качестве источника по вопросам военной истории Азербайджана до сих пор не рассматривались, однако для изучения оружия эпохи средневековья недостаточно использовать лишь письменные доказательства и археологические источники. Важно привлекать иллюстративные материалы, особенно такие надежные и достоверные, как надгробные памятники.

Источниковой базой работы являются изученные автором материалы из коллекции Государственного историко-архитектурного заповедника «Ичери Шехер» (Баку), Национального музея истории Азербайджана (Баку), Национального музея искусств Азербайджана (Баку), Гобустанского Национального историко-художественного заповедника (пос. Гобустан), Гянджинского историко-краеведческого музея им. Низами Гянджеви (Гянджа), а также материалы, собранные М. Нейматовой и отраженные в ряде ее работ.

В период XV—XVI вв. на территории Азербайджана имелись следующие типы надгробных памятников: стела, плита, каменные изваяния фигур над могилой.

В это время стеллы делили на сундукообразные и саркофагообразные — полуцилиндрические или с верхней частью в виде двускатной кровли. Как показывают исследования, надгробные памятники в Азербайджане существовали еще в эпоху древности в виде каменных плит с надписями, а также с изображениями человека, животных, жанровых сцен¹. В период раннего Средневековья каменные плиты сменили так называемые «балбалы» — каменные скульптуры в виде фигуры человека². Позднее, «в силу каких-либо причин объемную стелу заменяли плитой с нарисованным покойником»³. Вероятно, такой причиной стал приход ислама, когда исчезали «балбалы», а вместо них появлялись плиты с рисунками, которые затем были заменены плитами с надписями.

В середине XIII в. Азербайджан вошел в состав монгольского государства Хулагидов (Ильханов), что отразилось на всех сторонах общественно-политической жизни, в том числе, декоративно-прикладном искусстве. Традиция изображать живые существа возродилась вновь, на этот раз в сочетании с канонами ислама. На плитах стали изображать покойного, зачастую род его деятельности и достижения, при этом здесь же высекали так называемые «китабе» — картуши с изречениями из Корана, символами ислама.

Сундукообразные надгробия, имеющие большую поверхность, предоставляли много пространства для творчества. Центром декоративной композиции являлись картуши с кораническими надписями, а также с жанровыми сценами. Их окружали медальоны различного абриса, ленты растительного или геометрического орнамента. По мнению искусствоведов, ислам в этот период не вытеснил из повседневной жизни и сознания народа особенности статуарной скульп-

туры и монументальной живописи ⁴. На стелах и плитах встречаются изображения, указывающие на пол умершего (серьги, флаконы для сурьмы и др. у женщин, оружие или ремесленные инструменты у мужчин), профессию (инструменты кузнеца, кожевника, чтеца и др.), социальный статус (конь с украшениями, опахала) ⁵. Материал, размер, степень декоративного оформления стел и плит зависели от уровня благосостояния усопшего и его семьи. Надгробные памятники в виде стел и сундукообразных плит были распространены повсеместно, особенно много их сохранилось в северных и восточных областях республики.

Уникальным типом надгробных памятников указанного периода являются каменные изваяния в виде фигур баранов и коней. Встречаясь повсеместно, они особенно многочисленны в западных и юго-западных областях, а также в Нахичевани.

Высеченные в основном из темно-серого камня, фигуры баранов различны по размерам (длина 45—150 см, высота 30—110 см). Боковые поверхности фигур содержат растительные и геометрические узоры, сцены охоты, жертвоприношения, пиршества, а также надписи.

Обычай устанавливать надгробия в виде каменного коня бытовал в Азербайджане с V в. до н.э. до XIX века ⁶. На изваянии высекался полный комплект конского снаряжения (узечный набор, нагрудные ремни, подпруга, попоны, седло, стремяна). На боковых поверхностях вырезались образцы оружия. Если на фигурах баранов можно увидеть жанровые сцены (в том числе связанные с мирными профессиями), то на фигурах коней есть только изображения оружия. Надгробия в виде изваяния коня считаются захоронениями воинов, погибших в бою ⁷.

Упоминания о надгробных памятниках на территории нынешней Азербайджанской Республики, особенно таких необычных как каменные изваяния баранов и коней, встречаются в записях иностранных путешественников XVI—XIX вв. Эвлия Челеби, Корнелия де Брюина, Яна Стрейса, Адама Олеария, Дюбуа де Монпере ⁸. Последовательное изучение этих памятников началось лишь с середины XIX века. Востоковеды В.А. Крачковская, Н.В. Ханьков, М.И. Броссе, Х.М. Френ, Б.А. Дорн, И.А. Березин и другие работали над расшифровкой надписей ⁹. Нейматова (М. Неймат), начиная с 1949 г., объездила территории Азербайджана и Дагестана, собирая информацию, зарисовывая, фотографируя надгробные памятники. Прочтенные ею надписи пролили свет на многие стороны общественно-политической, экономической истории азербайджанского народа, позволили выявить имена исторических деятелей, установить ряд средневековых должностей, званий ¹⁰. Собранные Нейматовой материалы вошли в капитальное исследование «Мемориальные памятники Азербайджана» и в серии книг «Корпус эпиграфических памятников Азербайджана».

Следует отметить, что надгробные изваяния обычно изучались лишь как эпиграфические памятники. В качестве источника по военной истории страны они до сих пор не рассматривались.

В Государственном историко-архитектурном заповеднике «Ичери Шехер» хранятся три стелы и два сундукообразных надгробия с изображениями оружия. Эти надгробные камни были обнаружены во время археологических раскопок в 1964 г. в Баку, недалеко от Девичьей башни, среди 50 могил XIV—XVII веков ¹¹.

На первой стеле (№ 154) в нижней части высечено изображение оседланного коня с оружием. К седлу прикреплен круглый щит, сабля, лук в налуче, стрелы в колчане. Отдельно изображено кольцо лучника.

На второй стеле (№ 155) имеются лук, два кольца лучника, три стрелы, круглый щит, сабля со слабо изогнутым клинком, кинжал.

На третьей стеле (№ 156) изображен всадник, а также его оружие. Всадник в цилиндрическом головном уборе, к седлу коня прикреплен круглый

щит и лук в налуче. Отдельно изображены сабля со слабо изогнутым клинком, боевой нож, булава с закругленной ударной частью ¹².

На головной грани первого сундукообразного надгробия (№ 157) изображен конь, к седлу которого прикреплен лук в налуче. Отдельно показаны: сабля с сильно изогнутым клинком, кинжал, кольцо лучника, арканый крюк, кистень, дротик с пятью остриями.

На головной грани второго сундукообразного надгробия (№ 158) есть изображение всадника, который держит в руках копьё (острием назад; к древку привязан флажок). На голове у всадника — сфероконический шлем, у седла — круглый щит. Коранические надписи и эпитафия в честь усопшего знатного лица XV в. были прочитаны Нейматовой ¹³.

На кладбище старинного селения Сангачал (Карадагский район) были найдены три сундукообразных надгробия, которые ныне демонстрируются на территории Гобустанского Национального историко-художественного заповедника (ГНИХЗ). Камни, отнесенные к XV—XVI вв. покрыты резьбой.

Первое надгробие (№ ТС 6) сплошь украшено орнаментами. На левой боковой поверхности изображены сабля, кинжал, боевой нож, лук в налуче, стрелы в колчане. На правой боковой поверхности — сцена охоты: два всадника, скачущих навстречу друг другу, охотятся на животных, загнанных между ними. Всадник справа, на поясе которого виден лук в налуче, держит двумя руками копьё, которым пронзает тигра (барса). Левый всадник высоко над головой поднял саблю и догоняет оленя. За его спиной изображен круглый щит. В целом композиция схожа со сценами охоты Тебризских миниатюр XVI в., а также изображениями на «кызылбашских тканях» и коврах.

Второе подобное надгробие (№ ТС 7) оформлено более сложно: на левой поверхности — оружие и сцена охоты; на правой — придворная сцена. Рисунки оружия на левой стороне состоят из изображения лука в налуче и стрел в колчане, подвешенных к ремню. Охотник на коне преследует животных. Он вооружен копьем, наконечник и подток которого отчетливо видны. На голове охотника — сферическая шапка с трубчатым навершием.

Придворная сцена на правой боковой поверхности состоит из множества фигур. По краям изображено по одному всаднику с копьем в руках. На пространстве между ними — семь пеших людей: по три человека справа и слева, один — посередине. В правой группе два человека держат в руках опахала над головой третьего. В левой группе — двое держат опахала, а третий — какой-то длинный предмет.

На третьем сундукообразном надгробии (№ ТС 8) левая и правая боковые поверхности разделены на три крупных квадратных картуша с декоративно оформленными углами. На левой поверхности в первом картуше изображен прямой кинжал с закругленной рукояткой и шахматная доска, во втором картуше — орнамент в виде арки, в третьем — оседланный конь и щит с длинным подвесным ремнем. На правой стороне в первом картуше изображены сфероконический шлем, копьё с крюком, молотовидная булава, во втором картуше — два сапога, повернутые носками друг к другу, в третьем — лук и стрелы в едином футляре, круглый щит с подвесным ремнем и стилизованный меч. Все три надгробия из с. Сангачал искусствоведы относят к первой половине XVI в., что подтверждается и формой изображенных головных уборов ¹⁴.

На древнем кладбище села Хамзали (в 5 км к юго-западу от древнего городища Габала) найдено сундукообразное надгробие с изображением оружия. По надписям, камень был отнесен к XV—XVI векам ¹⁵. В центре композиции находится оседланный конь с шейным украшением. К седлу привязаны круглый щит, лук, сабля, копьё с флажком.

На кладбище села Дзахлы (Габалинский район) на сундукообразном надгробии XVI в. есть изображение оружия¹⁶. На головной грани расположены слева направо в вертикальном положении 4 стрелы (наконечниками вниз) и лук.

В Национальном Музее искусств Азербайджана демонстрируется каменное изваяние коня (XVI в.) из Лачинского района (Музей искусств, № Н 403). На изваянии рельефно показаны седло, уздечка, стремяна. На левом боку изображены лук, сабля, круглый щит. На правом — пять стрел и копье с треугольным наконечником и подтоком. Схожее надгробие с аналогичными изображениями найдено в средневековой Гяндже (ныне хранится в Гянджинском историко-краеведческом музее им. Низами Гянджеви).

На сундукообразном надгробии XVI в. из Лачинского района показана сцена охоты, где всадник вооружен копьем, а пеший — луком¹⁷. На подобном надгробии из Кедабекского района всадник с копьем атакует пешего воина с саблей¹⁸.

Среди надгробий, хранящихся в Национальном Музее истории Азербайджана (НМИА) с точки зрения изучения оружия представляют интерес одно сундукообразное надгробие и одно, сделанное в виде изваяния барана. На первом (XVI в.), обнаруженном на месте современного города Мингечаур, изображены два всадника, атакующие дракона (№ 27 389). Первый всадник вонзил стрелу в пасть дракона, держа в левой руке лук и другую стрелу. У него на правом боку имеется колчан, за спиной — круглый щит. Второй всадник не вооружен и держит в руке охотничьего сокола. На надгробном камне в виде барана (XV в.) из Миль-Карабахской степи изображены сцены охоты (№ 27 387). На правой — конный охотник в шлеме, вооруженный саблей. На левой — пехотинец в шлеме и доспехах вооружен луком и стрелами (одна стрела в руке, еще три — в колчане на поясе).

Каменное изваяние барана из Нахичевани ныне демонстрируется в Ичери Шехер («Ичери Шехер», № 838). На боку барана изображены: булава с длинной рукоятью, сабля с сильно изогнутым клинком, кинжал, боевой нож. На другом надгробии в виде каменного изваяния барана (конец XVI — начало XVII в.) из Нахичевани имеется только изображение сабли¹⁹.

Перед местным святилищем села Аза в Ордубадском районе Азербайджана стоит каменное изваяние барана, украшенное изображениями оружия. Надписи на его поверхностях позволили отнести его к 1472—1473 годам²⁰. Правая часть фигуры повреждена, изображение сохранилось только на левом боку. Здесь показаны лук с наложенной на тетиву стрелой, а также лук, на тетиве которого расположены пять стрел. При этом кибыть второго лука прямая, а вот металлический механизм (тетива) обозначен двумя изогнутыми линиями.

Таким образом, анализируя изображения можно прийти к следующим выводам. На каменных надгробиях в виде фигуры коня оружие изображалось именно на той стороне, на которой принято было его носить. Так, на левом боку помещали лук, саблю, круглый щит. На правом боку — стрелы, иногда копье, кинжал, булаву.

Защитное оружие изображалось крайне редко, стилизованно или в виде очертаний («Ичери Шехер», № 158). Например, шлем сфероконический, иногда с навершием в виде острия («Ичери Шехер», № 158; ГНИХЗ, № ТС 8) или сферический с навершием в виде трубы (НМИА, № 27 387). На одном надгробии изображен цилиндрический головной убор («Ичери Шехер», № 156). Шапка с высоким и широким навершием является так называемой «кызылбашской шапкой» первой половины XVI века (ГНИХЗ, № ТС 6, 7). Изображения шлемов и головных уборов в целом соответствуют изображениям на Тебризских миниатюрах XV—XVI веков²¹. Шлемы работы азербайджанских мастеров соответствующей эпохи хранятся в коллекции НМИА²².

Облачение на надгробиях показано условно, судя по полосам на одежде, оно мягкое, стеганное, с длинными рукавами; на животе повязан широкий кушак (НМИА, № 27 387).

Щит традиционно круглый, на некоторых надгробиях виден круглый умбон (Музей искусств, Н № 403). Щит имел несколько коротких ремней, прикрепленных изнутри, которые воин зажимал в руке. На ряде щитов крепился длинный ремень, посредством которого воин носил щит, закинув его за спину или привязав к седлу. Длинный ремень щита изображен на ряде надгробий («Ичери Шехер», № 155; ГНИХЗ, № ТС 8). В сценах охоты, когда в щите особой необходимости не было, он изображался за спиной воина (ГНИХЗ, № ТС 6; НМИА, № 27389) или привязанным к седлу («Ичери Шехер», № 156, 158; надгробие с. Хамзали). Следует отметить, что круглый щит как наиболее распространенный встречается на Тебризских миниатюрах XV—XVI вв.²³, а также в коллекции НМИА²⁴. Круглый щит в тюркских языках обозначался термином «калкан» (азерб. «галхан»).

Среди наступательного оружия наиболее многочисленными являются изображения лука и стрел. Лук изображен отдельно или в руке воина (НМИА, № 27 389; Музей искусств, № Н 403; надгробия из сел Хамзали, Дзахлы, Аза), а также в налuche («Ичери Шехер», № 154, 156, 157; ГНИХЗ, № ТС 6). Только на одном рисунке лук и стрелы изображены в едином футляре (ГНИХЗ, инв. № ТС 8). Очевидно, что это сложносоставной или так называемый «тюркский лук». Рукоять, рога, тетива выглядели довольно точно. Налуч повторял форму лука и крепился к поясу. Стрелы изображались в колчане (обычно 4—5 стрел) («Ичери Шехер», № 154; ГНИХЗ, № ТС 6; НМИА, № 27 387, 27 389). На одном рисунке изображены стрелы, выложенные в ряд вне колчана, но рядом с луком («Ичери Шехер», № 155). Хотя и непропорционально, однако по форме точно изображали наконечник стрелы, на некоторых надгробиях виден даже разрез на конце древка (Музей искусств, № Н 403). Иногда мастер-камнерез считал нужным изобразить хоть и маленький по размерам (в сравнении с луком и стрелами), однако важный элемент снаряжения — кольцо лучника («Ичери Шехер», № 154, 155, 157). Представляет интерес изображение пояса, на котором подвешены налuch и колчан (ГНИХЗ, № ТС 7).

Древковое оружие представлено копьем. На одном надгробии изображено копьё с крюком (ГНИХЗ, № ТС 8); на двух рисунках видны копьё с флажками («Ичери Шехер», № 158; надгробие из села Хамзали). Копьё имеют треугольный или ромбический наконечник, а также подток (ГНИХЗ, № ТС 6, 7; Музей искусств, № Н 403). Представляет интерес изображение древкового оружия (возможно, дротика), наконечник которого состоит из пяти остриев, соединенных у втулки («Ичери Шехер», № 157).

Ударное оружие представлено булавой с изогнутой круглой боевой частью и длинной рукоятью («Ичери Шехер», № 156; НМИА, № 27 387), булавой с молотовидной боевой частью (ГНИХЗ, № ТС 8) и кистенем («Ичери Шехер», инв. № 157). Кистень состоит из короткой рукояти, на которой подвешена (на ремне или цепи) удлинённая боевая часть. Булава с изогнутой круглой боевой частью обозначалась термином «чокан» (кстати, так же обозначается клюшка для игры в мяч в игре «чоуган») или «чомаг».

Что касается клинкового оружия, то оно представлено саблей, кинжалом и боевым ножом. На надгробиях встречается два типа сабель: с изогнутой рукоятью и слабоизогнутым клинком («Ичери Шехер», № 154—156; ГНИХЗ, № ТС 6; Музей искусств, № Н 403), с изогнутой рукоятью и сильно изогнутым клинком («Ичери Шехер», № 157; НМИА, № 27 387). На одном из изображений сабли к верхней части рукояти привязана ремённая петля (для надевания на

запястье воина) (ГНИХЗ, № 1101). Кинжал имеет прямой клинок, прямую рукоять, иногда с круглым навершием («Ичери Шехер», № 155, 157; ГНИХЗ, № ТС 6, 8; НМИА, № 27 387). У одного из кинжалов рукоять Т-образной формы, клинок в нижней части изогнут («Ичери Шехер», № 157). Боевой нож по размерам меньше кинжала, имеет прямой клинок и прямую рукоять («Ичери Шехер», № 156; ГНИХЗ, № ТС 6; НМИА, № 27387).

Среди снаряжения представляет интерес арканый крюк, применяемый для забрасывания аркана за зубцы стены при штурме крепостей («Ичери Шехер», № 157). На надгробии из села Аза дано очень редкое изображение лука с прямой кибитью и пятью стрелами, наложенными на тетиву (НМИА, № 27 387). Вероятно, это изображение станкового многозарядного арбалета типа «чарх». В письменных источниках о применении такого оружия говорится довольно много, но изображения редки. Учитывая, что на этом надгробии нет изображения защитного оружия, коня, древкового, ударного и клинкового оружия, а присутствуют лишь изображения лука и стрелы, а также станкового арбалета, можно предположить, что это надгробие арбалетчика («чархчы»).

Изображения на надгробиях позволяют изучить и комплекс вооружения воинов. Так, всадник в шлеме, иногда с доспехом, обычно был вооружен щитом, копьем, луком со стрелами, саблей, кинжалом и боевым ножом. В ряде случаев вооружение дополнялось булавой или дротиком. Легко вооруженный всадник имел лук со стрелами, саблю, кинжал.

Следует отметить, что надгробные камни с изображениями оружия не ограничиваются лишь вышеописанными. Так, в коллекции Гянджинского историко-краеведческого музея числятся десять надгробий в виде каменных изваяний коней. На территории «Музея под открытым небом» (открыт в 2002 г.) в Нахичевани выставлено 169 средневековых надгробий, среди которых несколько десятков изваяний барана с изображениями оружия. В данной работе приведены наиболее распространенные виды надгробных памятников.

Известно, что надгробные камни являются достоверным, а зачастую и единственным источником при изучении ряда вопросов средневековой истории. Однако эти камни до настоящего времени не использовались при изучении оружия. Проведенное исследование показывает, что на средневековых надгробных камнях, обнаруженных на территории Азербайджанской Республики, встречаются изображения оружия. Аналоги из музейных коллекций и книжных миниатюр показывают, что изображенное оружие полностью соответствует оружию эпохи. Достоверность и тщательность прорисовки, внимание мастера-камнереза к изображаемым деталям позволяют рассматривать надгробные камни как важный иллюстративный источник по истории средневекового оружия.

Примечания

1. ДЖАФАРЗАДЕ И.М., ДЖАФАРЗАДЕ С.К. Азербайджанские надгробные камни. — Советская этнография. 1956, № 3, с. 105.
2. ХАЛИЛОВ М. Древние каменные изваяния Южного Кавказа. — Наследие. 2003, № 8, с. 52—53.
3. ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М. 1976, с. 102.
4. БРЕТАНИЦКИЙ Л.С., ВЕЙМАРН Б.В. Искусство Азербайджана IV— XVIII веков. М. 1976, с.251.

5. НЕЙМАТОВА М.С. Мемориальные памятники Азербайджана (XII— XIX века). Баку. 1981, с. 7.
6. ХАЛИЛОВ М. Ук. соч., с. 57.
7. АЛЕКПЕРЛИ Ф. Зооморфные мемориальные памятники Азербайджана. Тезисы III Международной научной конференции «Тюркологическое Искусствознание: Проблемы и Перспективы». Баку, 17 декабря 2013 г. Баку. 2013, с. 30—32.
8. НЕЙМАТОВА М.С. Ук. соч., с.11.
9. Историография изучения надгробных памятников Азербайджана в качестве эпиграфических источников подробно описана М. Нейматовой. См.: НЕЙМАТ М. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. I. Баку. 1991, с. 4—6.
10. НЕЙМАТОВА М.С., АЛЛАХВЕРДИЕВ С.Н. Об эпиграфических памятниках Азербайджана. Баку. 1988, с. 3—12
11. ИСМИЗАДЕ О.Ш., ДЖИДДИ Х.А. О надгробных камнях, найденных у памятника вблизи Девичьей башни г. Баку. В кн.: Материальная культура Азербайджана. Т. VIII, Баку. 1976, с. 185.
12. Там же, с. 196, фото 12.
13. НЕЙМАТОВА М.С. Ук. соч., с. 19, рис. 27.
14. ЭФЕНДИЕВ Р., ЭФЕНДИЕВ Т. Искусство каменной пластики азербайджанского народа. Баку. 2015, с. 150.
15. НЕЙМАТ М. Ук. соч. Т. II. Баку. 2001, с. 66, № 451.
16. Там же, с. 65—66, № 450.
17. ЭФЕНДИЕВ Р., ЭФЕНДИЕВ Т. Ук. соч., с. 146.
18. Там же, с. 155.
19. Там же, с. 226.
20. НЕЙМАТ М. Ук. соч. Т. III. Баку. 2001, с. 67, № 1030.
21. ЭФЕНДИЕВ А. Батальный жанр в азербайджанской миниатюрной живописи XIII—XVI веков. Баку. 2009, с. 169—175.
22. Defence weapons of Azerbaijan from collection of the National Museum of History of Azerbaijan. Баку. 2010, р. 15, 21, 27, 40.
23. ЭФЕНДИЕВ А. Ук. соч., с. 169—175.
24. Defence weapons..., р. 10, 11, 30, 31.

Православная церковь в коммуникативных процессах конца XVIII — первой половины XIX в.

П.В. Шевкун

Аннотация. В статье раскрывается роль православной церкви в коммуникативных процессах на территории Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX века. Выделены критерии классификации информации, транслируемой церковью. В соответствии с ними показана специфика видов информации. Определены тенденции развития коммуникации в рассматриваемой области. Охарактеризованы концепции, с помощью которых фиксировалось место и значение православной церкви империи в коммуникативных процессах.

Ключевые слова: конфессия, православная церковь, правительство, коммуникация, информация, социальная система.

Abstract. The role of the Orthodox church in communicative processes on the territory of the Russian Empire in the late XVIII — the first half of the XIX century is disclosed in the article. Criteria of information classification compiled by the church are singled out. According to them specificity of information types is shown. Tendencies of communication development in the field studied are estimated. Concepts, due to which position and significance of the Orthodox Church of the Empire in communicative processes have been fixed, have been characterized.

Key words: confession, Orthodox Church, government, communication, information, a social system.

Интерес к коммуникативной роли церкви в исследуемый период обусловлен ее уникальностью в формировании социальных ценностей народов, смысловому наполнению как деятельности отдельного человека, так и всего общества в целом. Фактически церковь имела значение системообразующего фактора, вырабатывала стандарты и нормы социальных отношений. Только данный институт соприкасался со всеми слоями общества ¹ и имел возможность донести до них информацию. Духовенство было самой образованной частью ², особенно на фоне неграмотности абсолютного большинства населения.

Выделение православия среди других конфессий империи связано с ее государственным статусом и отсутствием в собственно российских губерниях

Шевкун Павел Викторович — кандидат исторических наук, доцент Витебского государственного медицинского университета. Республика Беларусь. E-mail: p.shevkun@mail.ru.

Shevkun Pavel V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Vitebsk State Medical University. Belarus. E-mail: p.shevkun@mail.ru.

других значимых религиозных направлений; с целенаправленными действиями властей по установлению численно доминирующего положения церкви в тех регионах, где это было возможно и, прежде всего, на российских территориях бывшей Речи Посполитой; с особой ролью православной церкви в интенсификации социальных связей в империи; с востребованностью православной символики в выстраивании смысловых границ российской нации.

Цель данной работы — дать характеристику роли православной церкви Российской империи в коммуникативных процессах конца XVIII — первой половины XIX века.

В конце XVIII в. в империи наблюдался процесс интенсификации коммуникативных связей. Возросло количество и скорость передачи информации, разноплановость ее характера, усилилось сотрудничество администраций на разных уровнях.

При Павле I впервые в орбиту внимания правительства попали непривилегированные сословия. «Низы постепенно начинают рассматриваться как определенный резерв политики, как... потенциальное орудие самодержавия»³. Такой подход еще не был оформлен в виде национальной идеи и оценивался в религиозных формах, не выходя за пределы представлений о традиционной структуре общества. Он находил свое оправдание в «царистских иллюзиях» народа, являвшихся свидетельством легитимности существовавшей социальной системы. На этом фоне происходило резкое увеличение коммуникативной нагрузки на православную церковь, что выражалось как в той информации, которая предназначалась лично для нее, так и в использовании церкви в качестве средства ее передачи.

Информацию, предназначенную для церкви и распространяемую с ее помощью, можно классифицировать по характеру, интенсивности и локализации.

По характеру, в данный период времени, она делилась на религиозную и социальную. К религиозной относилась информация, имеющая сакральный характер и направленная на формирование у подданных определенных представлений о мире. Средства, с помощью которых предоставлялась подобного рода информация разделялись на вербальные и невербальные. К вербальным относились соответствующие элементы литургии, проповедь, духовное образование, религиозная литература, к невербальным — внешний и внутренний вид храмов, иконы, облачение духовенства, храмовая утварь и т.д. При этом, если в предыдущие столетия акцент делался на невербальные средства, то в рассматриваемое время он все очевидней смещался к вербальным.

Особое внимание государственная и церковная администрация уделяла сфере просвещения. Реформы духовной школы начались при Павле I. 18 декабря 1797 г. были открыты две академии: в Санкт-Петербурге и в Казани. На содержание семинарий правительство выделяло все большие суммы и при этом регламентировало систему преподавания в них. В Св. Синод присылали ежегодные отчеты «об учителях и учениках» с описанием, «что в каком классе и каким порядком было преподаваемо». Александр I продолжил эти начинания. В 1808—1814 гг. была сформирована трехуровневая система образования: уездные училища, семинарии и академии, создано три округа во главе с академиями. В 1814 г. вступили в силу новые уставы академий, семинарий, уездных и приходских училищ. Их общей целью было повышение образовательного и нравственного уровня духовенства⁴. В правление Николая I было создано Духовно-учебное управление при Св. Синоде⁵. Регламентации подверглась процедура поступления и учебный процесс. В семинариях стали создавать подготовительные классы для кандидатов в священники⁶.

В сфере снабжения духовной литературой наиболее распространенной практикой являлся централизованный заказ книг в Московской типографской кон-

торе ⁷. В период деятельности Библейского общества в России, через его отделения, «кои во всех епархиях уже открыты», по распоряжению императора Александра I православные церкви и монастыри обеспечивались полным текстом Библии ⁸.

Если говорить о новшествах в сфере невербальных средств, то сюда можно отнести указ от 18 декабря 1797 г. о создании соборов в уездных городах «губерний, присоединенных от бывшей Речи Посполитой». Позднее этот указ распространили на все православные епархии империи. Собор подчеркивал статус церкви, являлся важнейшим элементом утверждения центров российской власти в регионах, контроля за религиозностью. В этом ряду стоят также указы о ремонте и строительстве православных церквей в западных губерниях в 1830-х — 1850-х годах. Примечательным событием стало постановление от 25 апреля 1841 г. о том, чтобы вновь строящиеся храмы соотносились с древним византийским зодчеством ⁹.

Социальную информацию составляли сообщения, которые распространялись церковью с целью формирования необходимых стандартов поведения и повышения уровня взаимодействия в рамках социальной системы. Сюда можно отнести сообщения, ориентированные на формирование политической лояльности населения; данные статистического характера; информацию, связанную с хозяйственной и экономической деятельностью; распоряжения светской и церковной власти о событиях общегосударственного значения. Ярким примером подобной информации можно считать декларацию о создании Священного союза (1815 г.) в составе Австрии, России и Пруссии. Документ свидетельствовал, что три монарха, представлявшие католиков, православных и протестантов, управляли вверенными им подданными, как частями «единого христианского народа». Поэтому конфессиональные различия не должны были влиять на признание божественного права той или иной династии на власть. Ежегодно 14 сентября Манифест и акт Священного Союза читались в церквях. Св. Синод распорядился поставить в храмах текст Манифеста и «заимствовать из одного мысли для проповедей» ¹⁰. Еще одним примером подобного рода информации является сообщение, разосланное по приказу императора Николая I во все епархии, о награждении орденом Владимира 4-й степени священника Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии Ф. Филимонова за содействие в восстановлении «спокойствия, порядка и послушания крестьян их помещикам» ¹¹.

Одним из приоритетных направлений деятельности церкви был регулярный сбор статистических данных (помимо активного привлечения священнослужителей к деятельности различных научных комиссий). Так, в 1799 г. Гомельское духовное правление было оштрафовано на 25 руб. за то, что не предоставило в срок «троечастные» ведомости (регистрация рождения, брака и смерти). С 25 августа 1802 г. приходские священники начали сдавать ведомости как в консисторию, так и в полицию для ежегодной сверки. В 1812 и в 1824 гг. Св. Синод подтвердил необходимость соблюдения правил при ведении церковной отчетности.

В образовательных проектах уделялось внимание и социальной информации. В конце XVIII в. семинаристов впервые обязали приобретать «нужные сведения о сельской и домашней экономии», иметь «некоторое понятие о врачевании болезней». Предполагалось, что священник должен занять более активную позицию в жизни прихода ¹². В рамках реформы духовного образования в правление Николая I ставилась цель, чтобы священники «умели снисходить к понятиям простого народа и вразумительно беседовать с ним», быть полезными крестьянам в «их житейских делах». В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как-то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство».

Одним из направлений социальной деятельности приходского духовенства было участие в противооспенных мероприятиях. На это были направлены указы 1804, 1811, 1815 годов. С 1811 г. всех студентов Минской семинарии учили прививать от оспы, а священники читали не менее трех раз в год «увещания» о необходимости этого мероприятия. По распоряжению Минской консистории благочинные доставляли в оспенные комитеты сведения о количестве привитых детей.

Возможность разделения информации на данные две группы свидетельствует о ее существенном отличии от той, которая транслировалась церковью на протяжении предшествующих столетий. Ранее информация была не дифференцирована, и представляла единый комплекс. Социальная информация, распространяемая посредством церкви, носила эпизодический характер. Она не определяла степень взаимодействия в обществе. Это осуществляла как раз собственно сакральная информация, ибо в ней видели образец социума и черпали стандарты поведения.

Однако, с конца XVIII в. социальная информация все менее соотносилась с традициями и зачастую имела нейтральный характер. Это разделение стало неизбежным следствием увеличения потока информации, его скорости и ориентации на индивидуальное восприятие, которая проявлялась в попытках духовенства донести информацию до каждого прихожанина, дать необходимый минимум знаний об основах православной веры, сделать следование религиозным нормам более осознанным. Так, в данное время, отмечалось нарастающее внимание церковной администрации к проповеднической деятельности духовенства. Епископат стремился наладить его соответствующую подготовку, контроль над чтением проповедей и их содержанием.

Одним из наглядных примеров индивидуализации в религиозной сфере является ситуация с переходом в православие. Порядок присоединений был определен еще указом Сената от 1 февраля 1800 года. С желающих присоединиться брали подписки о соблюдении всех правил православного исповедания и о приверженности церкви¹³. Единственным законным путем присоединения считалось добровольно выраженное согласие. Разумеется, на практике действия властей, как правило, не соответствовали указанному принципу, особенно в период массовых присоединений униатов, но в данном вопросе важен подход, нашедший выражение в законодательстве.

Существенной издержкой перехода в православие значительного количества верующих был низкий уровень православного самосознания, на что обращали внимание и иерархи и чиновники¹⁴. В частности, об этом свидетельствует ответ губернатора в 1811 г. на жалобу старообрядцев Могилёвской губернии. Он писал православному архиепископу Варлааму: «Ваше преосвященство, не допустите сделать принуждение таким людям, коих обращать на путь истинный надлежит духом кротости и долготерпением, представляя собственной их доброй воле познать со временем невежество оное...»¹⁵

Вместе с тем, в данный период социальная информация была минимально структурирована. Например, политическая информация носила ознакомительный характер и сливалась с информацией, призванной регулировать нормы поведения, которая, в свою очередь, увязывалась с политической легитимностью существующей власти. Так, правительство ожидало от духовенства, чтобы оно «учением и примером собственным утверждало бы духовных чад своих в спокойствии, послушании и добрых поступках»¹⁶. Политическая лояльность являлась одной из целей духовного образования, которое, по мнению Николая I, должно быть «утверждено на монархических основаниях» и формировать подданных, исполненных «христианской любви и приверженности престолу»¹⁷. Сообщения социального характера, распространяемые через церковь, были ори-

ентированы на установление более тесных контактов в приходе и укрепление лояльности существовавшей социальной системе путем повышения авторитета духовенства.

Впрочем, даже дифференциация информации на сакральную и социальную имела ограниченный характер. Церковь, скорее в силу необходимости, вынуждена была стать ее транслятором. Сакральный мир имел целостную, не сегментированную природу. Неспособность церкви к эффективному разграничению потоков информации приводила к тому, что, например, религиозная информация приобретала черты политической, а политическая получала религиозную окраску и рассматривалась как имеющая сакральное значение. Так, 1 февраля 1800 г. был издан Сенатский указ, дополнительно закрепивший административные меры по защите православной паствы в поликонфессиональных регионах империи. Павел I был традиционен в том, что «господствующая вера... есть самое надежнейшее средство к утверждению... народа в непоколебимом пребывании под Российской Державою...»¹⁸

11 января 1798 г. был утвержден доклад Сената и Св. Синода о наделении сельских церквей землей (30 дес. пашенной и 3 сенокосной). Духовенство не должно было лично обрабатывать надел, «яко дело с саном несовместное». Он передавался прихожанам с условием внесения в пользу церковного причта натуральных или денежных платежей. Осуществление закона возлагалось на губернаторов¹⁹. Это привело к самодеятельности губернских и епархиальных властей. Например, Минское губернское правление распорядилось полностью изъять положенные по указу 33 дес. земли в тех приходах, духовенство которых пользовалось наделами, превышавшими данную площадь. Установили средние нормы урожая и виды культур, предназначенных для платежей духовенству. На местах разрешили по согласию сторон менять виды выплат. Однако к 1801 г. значительная часть приходов Минской епархии положенных выплат не получила. Схожей была ситуация и в других регионах²⁰.

3 апреля 1801 г. из-за большого количества жалоб Александр I отменил постановление от 11 января 1798 г., а клир вновь обязали своими силами обрабатывать надел и разрешили удвоить плату за исполнение таинств²¹. Обращение к прежней системе породило новый комплекс проблем по возврату церковных угодий²². 4 марта 1804 г. правительство подвергло корректировке указ от 3 апреля 1801 г., отметив, что, если будут серьезные препятствия к наделению церквей землей, то прихожане могут делать соразмерные выплаты. Государство оставляло на выбор форму снабжения причта. Однако вскоре правительство вновь было вынуждено указать губернским правлениям на необходимость наделения церквей землей. Сходные указы принимались в 1807, 1808, 1809, 1810 годах. В 1817 г. последовала инициатива дворянства Волынской губернии о создании специальной комиссии для окончательного решения земельных споров. Тем не менее, и к концу правления Александра I проблема наделения причтов землями по-прежнему была далека от решения.

На этом примере видно, с каким трудом приживались даже незначительные социальные новации. Уровень легитимности этих законов оставался низким, даже при условии, что они непосредственно затрагивали церковь, то есть институт, который, в первую очередь, и отвечал за решение данной проблемы.

Характер информации тесно связан с ее интенсивностью. В этом смысле важным было совмещение центров государственной и церковной власти, единые принципы организации администрирования. На это был направлен Указ Св. Синода о перемещении правлений из местечек и сел в города и распоряжение 1797 г. о разделе епархий на благочиния²³. Периодически проводились мероприятия по приведению епархиальных границ в соответствие с губернкими.

В правление Николая I взаимодействие светского и духовного руководства вышло на новый уровень. Так, в результате создания Полоцкой епархии в 1833 г. установилось взаимодействие светских и духовных властей на территории западных губерний, в основу которого был положен приоритет интересов православной церкви в сравнении с другими конфессиями. Генерал-губернатор, Витебский военный губернатор, согласно указаниям центральных властей, были обязаны, в рамках политики массовых присоединений униатов, оказать православным миссионерам государственную поддержку, защитить позиции православной церкви, обеспечить контроль за соблюдением формальных правил присоединения. На лиц, занимавших должности чиновников по особым поручениям при главах губерний (учреждены 7 ноября 1833 г.), возлагалась обязанность координации действий духовенства и администрации ²⁴.

Целью перемен, происходивших в правление Николая I среди высших институтов церковного управления, было приведение их к возможному единообразию с собственно государственными ведомствами. 1 марта 1839 г. были значительно преобразованы канцелярии Св. Синода и обер-прокурора, духовно-учебное управление, хозяйственное управление. В результате деятельности Н.А. Протасова функции обер-прокурора существенно расширились, а светской части церковного ведомства придали стройность министерских департаментов ²⁵. В 1841 г. был принят устав духовных консисторий. В нем обобщили и унифицировали законодательство в сфере епархиального управления. Определялись цели и задачи консисторий, их полномочия, порядок управления, регламентировалась деятельность духовных судов ²⁶.

Вместе с мерами, одной из целей которых была активизация обмена социальной информацией, мы видим подвижки и в интенсификации предоставления информации сакральной. Здесь можно отметить требования посещения духовенством отдаленных приходов, присутствия крестьян на службах, катехизацию населения. Так, в указе от 22 марта 1800 г. была подчеркнута обязанность причта не менее пяти раз в неделю совершать службу, читать ежедневные поучения, а также сочинять и произносить проповеди в воскресные и праздничные дни ²⁷. В случае отсутствия возможности у крестьян посещать церковь священников обязали самих приезжать в деревни. 10 марта 1821 г. из Св. Синода последовал указ, чтобы в воскресные или праздничные дни питейные дома открывались в городах по окончании поздней литургии, а в селах — ранней ²⁸.

Тесно связанной с выше указанной проблемой была и проблема контроля, поскольку важно было наблюдать за сигналами, поступавшими от управляемого. По ним можно судить, как команда принята, насколько она выполняется. С 1797 г. обер-прокурор В.А. Хованский требовал от обер-секретаря еженедельных докладов о рассмотрении дел в Св. Синоде. В этом же году был учрежден контроль над епархиальным делопроизводством. Секретарей консисторий обязали регулярно предоставлять ведомости в Св. Синод «о делах решенных и остающихся без решения». От Св. Синода также требовали, чтобы со стороны светских властей не было проволочек в исполнении требований консисторий. Власти обращали внимание на скорость делопроизводства, особенно на своевременное выполнение указаний Св. Синода. Указом от 7 мая 1797 г. определялись обязанности духовенства в случае неповиновения крестьян помещикам. Распоряжением Св. Синода от 9 июля 1800 г. причастного к крестьянским беспорядкам священника епархиальные власти должны были «отреша от прихода, и запрета священнослужение, отсылать к суждению в светское правительство». Епископов обязали собирать с благочинных отчеты о поведении клириков не реже одного раза в два года. Благочинным предписали не менее двух раз в год осматривать церкви, количество которых ограничили 10—15-ю,

и вести журнал о поведении причтов. При направлении важных указов с духовенства брали расписки об их получении. В положениях 1807 и 1818 гг. содержалось требование о незамедлительном выполнении губернскими правлениями решений епархиального руководства. В конце царствования Александра I в 1819, 1820, 1823, 1824 и 1825 гг. был принят ряд указов, призванных мобилизовать православную иерархию на должное выполнение своих обязанностей.

Правительство Николая I было озабочено значительным ростом крестьянских беспорядков. Если с 1801 г. по 1825 г. в империи был зафиксирован 651 такой случай, то с 1826 по 1855 г. — 1247²⁹. В этих условиях поведение священнослужителей особенно волновало императора. 2 марта 1827 г. Св. Синод распорядился сообщать обо всех происшествиях в церквях с участием духовенства, «чтобы служители алтаря Господня, быв по своему званию наставниками народа, учили его не одним словом, но и главнейше примером доброй нравственности»³⁰. 17 марта 1828 г. Государственный Совет предписал архиереям «иметь деятельный надзор за поведением священнослужителей» и подтвердил указ от 22 декабря 1823 года. 30 января 1828 г. священникам предписали не скрывать от полиции сведения о происшествиях в церквях³¹. 14 апреля 1828 г. вышло распоряжение Св. Синода о ежегодном инспектировании епископами своих епархий. 8 января 1829 г. император распорядился, чтобы о происшествиях в церквях ему докладывали лично³². 11 марта он потребовал предоставить полный список всех священников, находившихся под судом или следствием³³.

Мероприятия по усилению контроля свидетельствовали о системном несоответствии церкви усилению потоков информации и их расширяющемуся многообразию. Природа церкви подразумевает не столько интенсификацию, сколько, наоборот, консервацию информации путем тщательной селекции и адаптации к основам веры. Увеличение информационной нагрузки на церковь было чревато разбалансированием церковного механизма, когда духовенство на различных уровнях иерархии утрачивало целевое единство.

Интенсификация информации подразумевала изменения в ее локализации как по вертикали, так и по горизонтали. По вертикали информация охватывала все уровни духовной иерархии. Более того, именно низовой уровень постепенно стал приоритетным, поскольку от него зависела связь с населением. Приходское духовенство составляло 90% от его общего состава³⁴. Поэтому с первых лет правления Николай I уделял особое внимание именно этой категории. По его мнению, «добрые Христианские нравы составляют первое основание общественного благоденствия, а нравы назидаются наставлением и примером духовенства»³⁵. Обер-прокурор Св. Синода Н.А. Протасов, выражая позицию императора, отмечал: «Священник приносит... большую пользу правительству ежели поддерживает религиозное чувство и церковные обряды в своем приходе, ибо тем поддерживает единство веры нераздельное с единством монархическим и сохраняет народную власть под контролем»³⁶.

Наиболее наглядно внимание к приходскому духовенству видно на примере Западных губерний. В ходе целенаправленных действий духовной и светской иерархии по укреплению православия в правление Николая I церковь стала численно доминирующей конфессией. Вслед за этим прошли наиболее масштабные мероприятия по улучшению материального обеспечения приходского духовенства, повышению его образовательного уровня. Разумеется, это подразумевало и рост обязанностей духовенства.

По горизонтали происходило постепенное вовлечение в более интенсивную коммуникацию различных групп населения. Так, в западных губерниях еще в 1836 г. приняли решение по открытию при церквях школ для детей прихожан. Активизировался этот процесс с 1839 года. 27 июня 1842 г. было

принято постановление «Об устройстве сельских приходских училищ в казенных селениях». Обучение было бесплатным. В Минской епархии в 1841 г. находились 33 школы, в 1842 г. было открыто еще 20. В основном количество учеников колебалось от 4 до 10 чел., хотя были школы, в которых обучалось и до 20 детей. В феврале 1846 г. Св. Синод сделал очередное распоряжение об «умножении» школ. Архидьяконы обязали ежегодно предоставлять об этом отчеты.

Вне рамок школьного образования проходила отмеченная выше катехизация населения. От ее успеха зависело восприятие населением информации, транслируемой через церковь. Так, Минский архиепископ вынужден был в апреле 1844 г. сделать распоряжение духовенству, чтобы «они озаботились изучением приходских детей Господским молитвам, Символу веры и закону Божьему». Также дали указание регулярно совершать поучения в праздничные дни. В рамках проповеднической деятельности цензурным комитетам 30 марта 1850 г. было предписано «усугубить внимание при рассмотрении проповедей, слов и речей».

Изменение роли церкви было зафиксировано в национальной идее, адаптированной к российским реалиям в правление Николая I. Основы нового правления обозначались уже в манифесте от 13 июля 1826 г. «О совершении приговора над государственными преступниками (декабристами. — П.Ш.)». В нем говорилось: «В Государстве, где любовь к Монархам и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа... тщетны и безумны всегда будут все усилия злонамеренных». Планы революционеров представлялись «не только преступными, но и чуждыми русскому народу»³⁷.

На первом после воцарения заседании Св. Синода император объявил, что «ближайшим своим попечением считает охранение православия». Интерес властей к православию определялся тем, что оно выступало важнейшим критерием «русскости». Самодержавие, будучи политическим институтом, было не способно зафиксировать нацию. Подданными являлись все жители империи. Истинно же монархический дух мог сохраняться только в православной церкви, которая воспринималась как «сердце народа» и была «гарантией общественного и семейного счастья»³⁸. Православие стало тем средством, с помощью которого идея нации трансформировалась в угодном абсолютизму духе.

Постепенно оформлялись две внутренне противоречивые тенденции. Под давлением абсолютистского государства и стремления церкви сохранить свое ключевое место в жизни российского общества сакральная информация все в большей степени приобретала черты социальной, «поглощалась ею», фактически лишаясь опоры в божественном. При Павле I такой подход нашел символическое выражение в формуле «русский государь — глава церкви» и в практике присвоения духовенству государственных наград, то есть религиозное служение стало рассматриваться как общественное. С другой стороны, существовала тенденция, ориентированная на сохранение автономии церкви в сфере определения значимости сакральной информации. Имеется в виду процесс индивидуализации, когда вера предстает как осознанный выбор индивидуума, непосредственно независимый от социальных изменений и реформ. В этом ряду стоят усилия в сфере образования и катехизации прихожан, установлении более тесных контактов в приходах. Однако власти пугала перспектива утраты влияния на религиозную жизнь. Поэтому на практике выстраивался некоторый компромисс, в рамках которого государство стремилось пресекать неконтролируемость процесса индивидуализации. Проявлялось это, в частности, в применении такого социального клейма как «фанатизм»³⁹.

С другой стороны, церковь подчеркивала свое значение в легитимации абсолютистской монархии. Обер-прокурор Св. Синода Протасов отмечал: «Светская власть имеет нужду в союзе с Церковью, ибо от нее приобретает свою

главную силу»⁴⁰. Митрополит Филарет (Дроздов) в речи, посвященной дню рождения императора Николая I, говорил: «Народ, благоугождающий Богу, — достоин иметь благословенного Богом царя. Народ, чтущий царя, — благоугождает через сие Богу: потому что царь есть устроение Божие»⁴¹. Благодаря этому формировались смысловые границы государственной компетенции.

Национальная идея позволила наполнить дополнительным смыслом традиционную православную символику, актуализировать ее звучание. Ориентирована она была не столько на аристократию, сколько на всю образованную часть православного российского общества. Тем не менее, концептуально национальная идея охватывала и необразованные сословия. Это ее принципиальное отличие от символики, практикуемой в предыдущие правления. Рыцарская идея Павла I предназначалась только для аристократии с целью ее сплочения и оздоровления. Просветительско-чиновничий подход Александра I был более гибким, однако также не выходил за пределы привилегированного сословия. В рамках этих построений не вырабатывалось какой-либо семантики, ориентированной на все общество. Использование православия в рамках национальной идеи было удобно, поскольку у властей создавалась иллюзия, что простой народ, через более четкое осознание специфики православия в сравнении с другими конфессиями, приближается к национальной идее и, следовательно, готов к более интенсивной коммуникации в условиях сложившейся социальной системы. Такое «новшество», как внешний вид храмов, которые по указу от 25 апреля 1841 г. должны были строиться в соответствии с древневизантийской стилистикой, отсылало верующего к древнерусским корням и было одним из немногих в это время проявлений национальной идеи на общенародном уровне.

Таким образом, в конце XVIII — первой половине XIX в. произошли существенные перемены в коммуникативной роли православной церкви Российской империи. Церковь, как уникальная структура, соприкасающаяся со всеми сословиями, стала средством интенсификации информационного обмена, что привело к дифференциации информации, передаваемой через церковь, на сакральную и социальную. Происходило это во многом путем подмены сакральной символики социальной в рамках национальной идеи. В то же время, на данном этапе церковь стремилась совместить тенденцию к индивидуализации и дифференциации информации со своей универсальной ролью, характерной для традиционного общества. Это приводило к дисбалансам в самом церковном организме, усложняло процесс его адаптации к модернизирующейся социальной системе и вызывало постепенно нарастающую критику, так как церковь не всегда оправдывала социальные ожидания. Однако это стало с очевидностью проявляться только во второй половине XIX века.

Примечания

1. В конце XVIII в. 96% населения Российской империи составляли сельские жители. См.: ЭЙДЕЛЬМАН Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М. 1982, с. 11.
2. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократии, семьи, гражданского общества и правового государства. Т. I. СПб. 1999, с. 104.
3. ЭЙДЕЛЬМАН Н.Я. Ук. соч., с. 149.
4. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—41 по 1890—91. СПб. 1897, с. 152.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), собрание 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. Т. XIV. СПб. 1840, ч. I, с. 179—183.

6. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1840 г. СПб. 1841, с. 59.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 136, оп. 1, д. 1480, л. 1а—19об.
8. Там же, ф. 779, оп. 1, д. 1, л. 57—57об., 220—220об.
9. Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода 1721—1878 гг. М. 1879, с. 385.
10. НИАБ, ф. 779, оп. 1, д. 1, л. 81—84.
11. Там же, ф. 136, оп. 1, д. 7298, л. 1а—1аоб.
12. ПСЗ РИ, собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. XXV. СПб. 1830, с. 426—431.
13. НИАБ, ф. 3020, оп. 1, оп. 12, л. 1об.
14. ФИЛАТОВА Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772—1860 гг. Минск. 2006, с. 91—95.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796., оп. 92, д. 298, л. 2—2об.
16. НИАБ, ф. 3020, оп. 1, д. 12, л. 12—13.
17. Николай Первый и его время. Т. 1. М. 2000, с. 116.
18. ПСЗ РИ, собр. 1-е. Т. XXVI. СПб. 1830, с. 24—31.
19. НИАБ, ф. 2301, оп. 1, д. 7, л. 18—18об.
20. Там же, ф. 3219, оп. 1, д. 753, л. 79, 208об, 216—218, 318—320, 434—439об.
21. ПСЗ РИ, собр. 1-е, т. XXVI, с. 605—606.
22. НИАБ, ф. 136, оп. 1, д. 1447, л. 7—7об.
23. ПСЗ РИ, собр. 1-е. Т. XXIV. СПб. 1830, с. 606—608.
24. ЛЕПЕШ О.В. Комитет западных губерний: организация и деятельность (1831—1848 гг.). Минск. 2010, с. 87—88.
25. КОНДАКОВ Ю.Е. Государственная власть и эволюция высшего управления Русской православной церкви в первой половине XIX века. СПб. 2004, с. 416, 420.
26. ПСЗ РИ, собр. 2-е. Т. XVI. СПб. 1842, ч. I, с. 221—263.
27. Руководственные для православного..., с. 380.
28. НИАБ, ф. 20, оп. 1, д. 15, л. 1.
29. СЁМИН И.А. Государственная политика в отношении православного приходского духовенства: 1825—1870-е гг. М. 2006, с. 66.
30. Руководственные для православного..., с. 284—285.
31. ПСЗ РИ, собр. 2-е. Т. III. СПб. 1830, с. 72.
32. Там же. Т. IV СПб. 1830, с. 16.
33. КОНДАКОВ Ю.Е. Ук. соч., с. 341.
34. МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., с. 108.
35. ПСЗ РИ, собр. 2-е, т. III, с. 17.
36. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 690, оп. 1, д. 7, л. 4.
37. ПСЗ РИ, собр. 2-е. Т. I. СПб. 1830, с. 753, 774.
38. ЗОРИН А.А. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX в. М. 2001, с. 262.
39. ДОЛБИЛОВ М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. 2010, с. 64.
40. ОР РНБ, ф. 690, оп. 1, д. 7, л. 4.
41. Николай Первый, с. 63, 65.

История становления и эволюции пенсионного обеспечения в самодержавной России

С.А. Торопкин, А.А. Фоменков

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественной историографии системы пенсионного обеспечения в дореволюционной России. Выявлены ее основные этапы. Проанализированы как работы крупных отечественных историков, в трудах которых проблемы развития пенсионного обеспечения затронуты лишь вскользь, так и труды авторов, занимавшихся изучением именно этого аспекта российской истории. Сделаны выводы о сильных сторонах и пробелах в работах российских авторов, изучавших дореволюционную историю российских пенсий.

Ключевые слова: историография, пенсия, законодательство, пенсионное обеспечение, источники права, монархическая Россия.

Abstract. The article analyzes the Russian historiography of the pension system in pre-revolutionary Russia. Identified its main stages. Analyzed as a major work of local historians, in the works that problems of pension schemes affected only marginally, and the works of authors who studied this aspect of Russian history. The conclusions about the strengths and gaps in the work of Russian authors who have studied the history of pre-revolutionary Russian pensions.

Key words: historiography, pension, legislation, pension provision, legal sources, monarchic Russia.

Пенсионная реформа, начавшаяся в 2001 г., обусловила всплеск интереса к истории пенсионного обеспечения самодержавной России. Однако тематических трудов по историографии пенсионного обеспечения пока не издано, а большая часть общеисторических, экономических и правоведческих исследований, затрагивающих пенсионное законодательство, не содержит историографической части или же этому аспекту в них уделяется ничтожно малое место.

К тому же, исследователи истории пенсионного обеспечения не отделяют историографию от источниковедения и ограничиваются крайне сжатой, поверхностной оценкой важнейших законодательных актов, регулировавших пенсионное обеспечение в России. В итоге многие исследования дублируют идеи и не углубляют познание генезиса пенсионного обеспечения, истории института пенсий в нашей стране, его особенностей и функций. Сказанное побуждает

Торопкин Сергей Александрович — кандидат юридических наук, доцент Нижегородской академии МВД. E-mail: st81@rambler.ru; *Фоменков Артём Александрович* — доктор исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: artjom2310@inbox.ru.

Toropkin Sergey A. — PhD, associate professor of the Nizhny Novgorod academy of Ministry of Internal Affairs. E-mail: st81@rambler.ru; *Fomenkov Artjom A.* — PhD., associate professor of the State University of Nizhni Novgorod named after N.I. Lobachevsky. E-mail: artjom2310@inbox.ru.

предпринять самостоятельное изыскание в области историографии пенсионного обеспечения России периода империи.

На наш взгляд, ее условно можно разделить на три больших периода: а) XIX — начало XX в.; б) 1917—1996 г.; в) с 1997 г. по настоящее время. Данная периодизация основана, прежде всего, на историческом понимании сущности и функций института пенсий и его правовой основы.

Родоначальником историографии государственного пенсионного обеспечения можно смело назвать русского историка С.М. Соловьёва (1820—1879 гг.). В знаменитом труде «История России с древнейших времен» он первым отметил причину расширения практики назначения пенсий алиментного типа в XVIII в. («отнять у чиновника побуждение копить денежку на черный день»), а также воспроизвел основные нормы «Регламента о управлении адмиралтейства и флотов...», изданного императрицей Екатериной II в августе 1765 года. «Регламент» регулировал пенсионное обеспечение членов семейств погибших офицеров флота ¹.

Эстафету от С.М. Соловьёва по изучению института государственных пенсий приняли В.О. Ключевский (1868—1934 гг.), Н.П. Павлов-Сильванский (1869—1908 гг.) и С.В. Рождественский, чьи труды также стали классическими в исторической науке России. Правда, внимание этих ученых в большей степени привлекла бенефициарная система пенсионного обеспечения служилых людей. Концептуальными в их исследованиях являются следующие утверждения:

1) прожиток, выделенный из поместья вдове и дочери умершего служилого человека, выступает в качестве пенсии (Ключевский) ²;

2) государству необходим «пенсионный капитал» для материального обеспечения жизни вдов и сирот погибших «слуг государевых» (Рождественский) ³;

3) дворянам и сынам боярским после их отставки со службы на определенных условиях должен был выделяться прожиток в качестве пенсии (Павлов-Сильванский) ⁴.

Хронологической точкой отсчета историографии пенсионной системы страхового типа можно считать 1858 год. Еще до Крымской войны 1853—1856 гг. император Николай I, знавший о недовольстве военных чинов армии и флота пенсионным обеспечением, обратил внимание на пенсионные эмеритальные кассы бывшей польской армии. Поэтому Особенному комитету, входившему в состав Комитета по пересмотру Общего пенсионного Устава, было поручено подготовить также закон об эмеритуре. Активное участие в работе комитета по составлению проекта положения об эмеритальной пенсионной кассе Морского ведомства приняли академики В.Я. Буняковский, преподававший математику в офицерских классах, и К.С. Веселовский, ученый секретарь Академии, специализировавшийся на статистике. Концептуальные идеи этих ученых были опубликованы в Морском сборнике за 1858 г., в отдельной монографии Буняковского, а также в «Трудах Высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава» ⁵.

Обсуждая предложения о создании пенсионной кассы, академик Буняковский предложил создавать ее по аналогии со вспомогательной кассой для престарелых, открывшейся во Франции в 1851 году. Вместе с тем, ученый отметил, что страховую пенсионную систему подстерегают известные опасности. Он утверждал, что если исходить из реального состояния денежной системы и экономического положения России, то крайне трудно предвидеть, окажутся ли сделанные расчеты состоятельными и правильными для той отдаленной эпохи, когда пенсионная касса начнет действовать.

При обсуждении в правительстве вопроса об учреждении особой пенсионной кассы для гражданских чинов, Веселовский провел детальные расчеты, показывающие, что значительная численность ежегодно выходящих на пенсию чиновников потребует от правительства больших пожертвований в этот переходный период, так как пенсионная касса, начав производство пожизненных пенсий со второго года своего учреждения, ослабила бы свои финансовые позиции отчуждением значительной доли денежных поступлений, необходимых для роста процентов по

вкладам. Отмечалось и то, что надзор за точным соблюдением принимаемых правил и ответственность за верное исполнение принятых кассой обязательств должны принадлежать правительству⁶.

Впоследствии опыт расчетов и прогнозирование численности пенсионеров, сумм пенсионных выплат был использован Буняковским в статье, посвященной проекту организации Министерством Народного Просвещения (МНП) учительской эмеритальной кассы. В этой же работе он подверг резкой критике бюрократические элементы в системе назначения государственных пенсий домашним учителям и учительницам⁷.

Главная причина крайней малочисленности домашних наставников, учителей и учительниц, получавших пенсии от МНП, заключалась, по мнению академика, в требовании представления свидетельств от уездного предводителя дворянства и местного директора училищ о постоянно беспорочном и усердном отправлении обязанностей их звания и, сверх того, о неимении собственных достаточных для их содержания средств.

В начале второй половины XIX в. в России были учреждены пенсионные эмеритальные кассы в ряде министерств и ведомств. Их деятельность стала объектом пристального внимания исследователей. Особенное внимание привлекала эмеритальная касса военно-сухопутных войск, как самая многочисленная и богатая в финансовом плане. На страницах «Военного сборника» разгорелась бурная дискуссия о цели эмеритальных учреждений, суммах пенсионных выплат, как самим участникам, так и членам их семейств, о сроках выслуги эмеритальной пенсии и т.д.⁸ Анализ функционирования эмеритальных касс за 40 лет их существования и основные выводы трех проверочных комиссий даны в статье П. Агапьева. Цифровые данные, которые приводит автор, свидетельствуют о том, что опасения о возможном крахе эмеритур, высказанные Буняковским, начали сбываться. К концу XIX в. доходность эмеритального капитала стала резко падать, а численность пенсионеров в действительности превзошла в полтора раза теоретически расчетную в связи с увеличением армии и состава корпуса офицеров.

В 1890—1907 гг. акционерным издательским обществом Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Эфрон (Санкт-Петербург)⁹ была выпущена русская универсальная энциклопедия, которая внесла неоценимый вклад в историографию пенсионного обеспечения самодержавной России. Такие статьи как «Пенсионные кассы», «Пенсия», «Пенсии по военному ведомству», «Пенсии по морскому ведомству», «Эмеритальные кассы» и многие другие, разбросанные по разным томам, отразили квинтэссенцию системы пенсионного обеспечения, сложившейся в Российской империи к началу XX века. При отсутствии до настоящего времени Библиографических указателей по истории института пенсий, энциклопедия играет важную роль в изучении такого общественно-политического феномена как пенсия, так как не только раскрывает базовые элементы системы пенсионного обеспечения, но и содержит перечень источников в конце некоторых статей. Правда, в большинстве своем эти статьи посвящены организации и основным принципам ведомственного пенсионного обеспечения страхового типа. К тому же следует отметить некоторый субъективизм издателей энциклопедии, который проявляется в заявлении о том, что к концу XIX в. права на пенсии санкционировались почти всеми европейскими странами, но образцовыми представляются германские общеимперские законы о пенсиях. Это утверждение до настоящего времени кочует из публикации в публикацию. При этом данное утверждение принимается на веру, так как критерий «образцовости» пенсионного законодательства отсутствует. Если же сравнивать основания назначений пенсий германских служащих и русских чиновников, то выводы будут не столь однозначными.

Накопленные за полвека эмпирические материалы, многие оригинальные идеи авторов указанных исследований требовали теоретического обобщения. И оно было сделано в конце

XIX — начале XX в. в трудах представителей государственной школы¹⁰. Напомним, что ее всеопределяющим принципом являлось признание государства как основного творческого начала истории, ее движущей силы. Так как в пенсионных правоотношениях отражается, опосредуется государственная воля, закрепленная в правовых нормах, то представители государственной школы не обошли вниманием и пенсионное законодательство. Из государственного характера пенсионного обеспечения вытекала, по их мнению, очень важная черта пенсионного правоотношения: оно может существовать только при наличии норм пенсионного законодательства, издаваемых государством, регулирующим распределение соответствующих фондов потребления, и урегулированное ими, оно выступает в форме пенсионного правоотношения. На это в советское время будет указывать Н.Г. Александров, отмечая, что «некоторые общественные отношения только и возникают как отношения правовые, так как люди сами не могут вступить в такие отношения, если нет соответствующей нормы права. Например, отношения по пенсионному обеспечению инвалидов возникают в результате издания и применения соответствующего Закона о пенсиях. Эти отношения только и существуют в форме правовых отношений, при этом «нормы пенсионного и бюджетного законодательства, прежде всего, регулируют распределение (перераспределение) соответствующих фондов потребления»¹¹.

Наиболее детально пенсионные правоотношения рассмотрены в работе А.Д. Градовского. Он анализирует сроки выслуги пенсии государственными служащими, право на пенсионное обеспечение членов их семей, а также отмечает юридические факты, наличие которых было сопряжено с лишением права на материальную помощь от государства.

В начале XX в. начинает материализовываться признак большой войны за передел сфер влияния в мире. В этой социально-политической атмосфере, естественно, усиливается интерес к материальному положению военнослужащих и членов их семей, но, в первую очередь, к пенсионному обеспечению офицеров и низших чинов армии, получивших ранения, увечья разной степени тяжести во время прохождения действительной службы¹².

Анализируя основания пенсионного обеспечения служащих европейских армий, профессор Ф.А. Макшеев делил их на две системы¹³. Отличительные черты первой системы, которая функционировала в Германии и Австрии (Макшеев именовал таковую «немецкой»), заключались в следующем: 1) ранние сроки выслуги пенсии (после 10 лет службы); 2) пропорциональность пенсионных окладов получаемому на службе содержанию; 3) значительность пенсионных окладов; 4) ежегодное нарастание пенсии, начиная с года, следующего за годом первой выслуженной пенсии.

Характерные черты второй системы, которую Макшеев называл «франко-русской», были следующие: 1) поздние сроки выслуги пенсии (в России — не ранее 25 лет, во Франции — не ранее 30 лет); 2) несоразмерность с получаемым на службе содержанием; 3) небольшие пенсионные оклады, вследствие чего отставка с такой пенсией являлась для служащего истинным бедствием; 4) отсутствие ежегодного нарастания пенсии, начиная с года, следующего за годом первой выслуженной пенсии (и за 25 лет и за 34 года службы один и тот же размер пенсии).

Макшеевым был сделан вывод, что немецкая система пенсий более благоприятна для уходящих в отставку. Она делает службу «заманчивой» и в то же время ограждает последнюю от «засорения» ее «неподходящими» элементами. При такой системе возможно применение довольно «сложного» отбора служащих. Только действительно полезные кадры будут удерживаться на службе и продвигаться вверх по служебной лестнице.

В разгар Русско-японской войны 1904—1905 гг. проблемы, поднятые Макшеевым, стали еще более актуальными. Вышел ряд статей в периодической печати, которые вызвали нео-

днозначную реакцию в обществе. Так, Чигиринец (его инициалы в газете не были указаны) опубликовал таблицы приблизительных окладов пенсий, на которые имели право офицеры и нижние чины, получившие ранения 1-го и 2-го классов при выходе в отставку. Расчеты и сравнения позволили автору сделать вывод о том, что в материальном отношении более или менее хорошо обеспечены раненые 1-го класса, в особенности высшие чины, а раненые 2-го класса, начиная с чина генерал-майора, с выходом в отставку по ранению, даже если они награждались следующим званием, теряли треть или половину, а в некоторых случаях и две трети того, что они получали, находясь на действительной службе. «А о нижних чинах как 1-го, так и 2-го классов раненых и их положений в отставке и говорить нечего», — писал автор.

В статье «Наши пенсии» (фамилия автора скрыта под аббревиатурой С.А.К.) выводы Чигиринца были проанализированы в моральном аспекте. Автор подверг сомнению справедливость принципа назначения пенсий от Комитета о раненых по чинам. В статье отмечается, что данный «Комитет» — учреждение филантропическое и имеющее цель приходить на помощь людям, пострадавшим за Родину на военной службе, а не вознаграждающее за заслуги Отечеству или за долголетнюю службу. Поэтому сумма пенсии этого учреждения должна зависеть от телесных повреждений, которые понес пострадавший безотносительно к его заслугам или чину. Иначе едва ли можно считать справедливым то, что руки и ноги генерала и «без того уже хорошо обеспеченного» оценивались почти в шесть раз дороже, чем руки и ноги молодого не всегда обеспеченного, лишившегося радости молодости подпоручика ¹⁴.

Общим лейтмотивом указанных работ являлась мысль о том, что суммарный разрыв между содержанием на действительной службе и пенсией в отставке был очень существенным и явно понижал статус военного пенсионера, а также качество его жизни. Осознавая эти перспективы, офицеры и нижние чины делали определенные практические выводы, не всегда способствовавшие укреплению обороноспособности государства.

Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг., первая мировая война и, как следствие, дестабилизация социально-политической обстановки обусловили появление ряда критических статей о пенсионной системе Российской империи. Жалобы на злоупотребления (автор не только отмечает мизерные пенсии госслужащих, но и указывает на проблемы в законодательстве, которые можно назвать «коррупционными лазейками») ¹⁵, неэффективность ¹⁶ и общую несостоятельность пенсионного обеспечения рефреном проходят сквозь опубликованные материалы и законопроекты Государственной Думы ¹⁷. Авторы предлагали повысить размер пенсий в соответствии с инфляцией, расширить круг субъектов государственного пенсионного обеспечения, а также высказывали предложения по устранению пробелов и процессуально-правовых коллизий в пенсионном законодательстве. В большей степени критики подверглись законы о материальном обеспечении наемных рабочих на случай болезни и о страховании их от несчастных случаев ¹⁸.

Советские историки, экономисты, правоведы до конца 1920-х гг. не жаловали своим вниманием систему пенсионного обеспечения монархической России. Особенность советской историографии в том, что почти вся она базировалась на марксистско-ленинском учении о классах и классовой борьбе. Односторонний подход к решению научных проблем не только существенно ограничил, но и исказил результаты многих исследований. Методологической основой большинства работ, посвященных материальному положению различных социальных групп самодержавной России, являлись произведения В.И. Ленина. Юрист по образованию, он рассматривал законодательство вообще и пенсионное, в частности, как инструмент обеспечения привилегированного положения «слуг» самодержавия — военных, жандармов, полицейских, чиновников — и эксплуатации рабочих, крестьян, разночинцев ¹⁹.

В силу данной идеологической установки в советское время доминировала следующая догма: «До победы Октябрьской революции никакого обеспечения престарелых и нетрудоспособных не было»²⁰. И все же, благодаря работам П.А. Зайончковского, С.В. Волкова, Д.И. Раскина и некоторых других советских исследователей начался процесс крушения общих стереотипов в освещении материального положения подданных Российской империи. Их труды стали значительным вкладом в изучение истории пенсионного законодательства, хотя бы на уровне признания существования института пенсий в XIX — начале XX века.

Зайончковский и, в большей степени, Волков затрагивали в своих монографиях основы пенсионного обеспечения военнослужащих. Первый большее внимание уделял эмеритальным пенсиям, а второй пенсионным правам семейств военнослужащих. Но оба мэтра советской исторической науки с «цифрами в руках», а точнее в таблицах, утверждали, что «...пенсии в русской армии, как и оклады содержания, были значительно ниже», чем в других армиях, например, Германии и Франции²¹. Таким образом, мнения «самодержавных» и «советских» историков совпадают, но их цели разнятся. Первые стремятся доказать, что пенсия в европейских армиях «шире» в силу субъективно-волевого стремления власти к укреплению обороноспособности государства, а вторые пытаются в силу марксистско-ленинской установки «очернить», принизить материально-бытовое положение военных чинов в царской России.

Заочно оппонируя заслуженным ученым, приведем мнение Б.Н. Миронова о том, что «проводить синхронные сравнения уровня социального и политического развития между Россией и западноевропейскими странами также некорректно, как сравнивать мальчика с взрослым человеком»²². В XIX в. экономическая и военно-техническая отсталость России от передовых европейских государств была очевидна. При этом, в силу геополитических особенностей, численность Российской армии (2561 тыс.) в 1900 г. превосходила армию Германии (1860 тыс.) и Франции (2210 тыс.)²³. Поэтому расходы на пенсии военнослужащих Российской империи рассчитывались из экономических возможностей государства и не могли быть выше, чем в более развитых странах.

Работу Раскина вполне уместно причислить к жанру классической лекции, в которой показаны правовые основы пенсионного обеспечения государственных служащих и военных чинов, а также членов их семейств. Большую познавательную ценность его работ представляют такие фрагменты как «льготный порядок назначения пенсий», «пенсии Комитета заслуженных гражданских чиновников», «пенсионное обеспечение духовенства». И если бы не избыточность цифровых данных (к тому же без указания их источников), явно довлеющая над анализом, то «лекцию» можно было бы признать образцовой. Впрочем, автор и не ставил цели вникнуть в систему пенсионных правоотношений, он добросовестно стремился лишь воспроизвести «забытые» правовые нормы в сфере пенсионного обеспечения и с этой задачей успешно справился.

Развал СССР, изменение государственной формы правления, отказ от социалистической идеологии обострили проблемы в области материального обеспечения нетрудоспособных и, в первую очередь, в системе пенсионного обеспечения. Совокупность экономических, социальных и демографических факторов диктовала необходимость проведения пенсионной реформы. Начался поиск и разработка оптимальной, справедливой системы пенсионного обеспечения, создать которую в значительной степени помогает обращение к историческому опыту. Поэтому не случайно, что в преддверии пенсионной реформы представителями Пенсионного фонда России (ПФР) и Минтруда были опубликованы статьи по истории института пенсий в Российской империи²⁴.

В статье Ю.В. Воронина дан краткий исторический очерк возникновения и развития пенсионных страховых касс в России, определены их типы и виды, раскрыты основные уставные

нормы этих учреждений. Ценность исследования состоит в том, что автор не просто пересказывает правовые и экономические основы страховых пенсионных касс разного типа, но и выявляет преимущества одних форм пенсионных касс перед другими. Статьи Г.П. Дегтярёва посвящены истории становления государственного пенсионного обеспечения. В них прослеживается эволюция института пенсий в XVIII—XIX вв., рассматривается дискуссия по поводу сущности пенсии, разгоревшаяся среди членов комиссии по подготовке Пенсионного Устава.

В 2003 г. вышла в свет монография этого ученого «Пенсионные реформы в России», одна из глав которой посвящена пенсионному обеспечению в Российской империи²⁵. Это первое и пока единственное многоаспектное исследование эволюции института пенсий в России. Монография свободна от идеализации системы пенсионного обеспечения, которая характерна для современной либеральной историографии. Особенно актуальны трактовка автора причин пенсионных реформ, их результатов, а также анализ изъянов пенсионных систем страхового типа. Кстати, и после опубликования монографии Дегтярёв продолжил активно работать над историей социального страхования в России²⁶.

Следует отметить, что, несмотря на высокий уровень указанных работ, они не являются обобщающими исследованиями истории пенсионного законодательства в самодержавной России. В работах представителей ПФР и Минтруда не рассматривается большой пласт пенсионных норм и законодательных проектов конца XIX — начала XX в., а в некоторых случаях сужены хронологические рамки. Все это не позволяет проследить динамику пенсионного законодательства. Отсутствие примеров его практической реализации не позволяет проанализировать качество принятых норм, а основная причина данных замечаний — узость источниковой базы, так как львиная доля материала почерпнута авторами из «Трудов Высочайше Утвержденной Комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах», а законодательные акты, содержащиеся в Полном собрании законов Российской Империи, особенно в третьем собрании, практически не анализируются. Впрочем, статьи Воронина и Дегтярёва дали старт новому этапу в историографии пенсионного обеспечения Российской империи. Правоведы²⁷, историки²⁸, экономисты²⁹ опубликовали и продолжают издавать статьи на актуальную тему.

Статьи Ю.В. Применко, а затем и его диссертационное исследование посвящены бенефициарной системе пенсионного обеспечения «слуг государевых». Заметим, что многие принципы и нормы указанной системы впоследствии были воспроизведены алиментно-субсидамной системой. Так как особый упор автор сделал на анализ причин (политических, социальных, идеологических) возникновения института пенсий в Московском государстве XVI—XVII вв., то большой интерес для правоведов представляет статья нижегородского профессора Ю.Г. Галая.

Анализируя материальное обеспечение преподавателей и, в первую очередь, профессоров отечественной высшей школы, он рассмотрел и некоторые аспекты их пенсионного обеспечения в последней четверти XIX века. При этом исследователь делает упор на паллиативность пенсий. Однако государственное, подчеркнем — именно государственное пенсионное обеспечение по определению не может не иметь паллиативного характера по нескольким причинам. В философском аспекте «достаточность» материального обеспечения, тем более пенсии, определить сложно, если только возможно. С точки зрения справедливости, пенсия не может быть выше, больше жалования (зарплаты), так как работающий человек не должен получать меньше человека той же специальности и квалификации, но потерявшего трудоспособность. Таким образом, содержание (зарплата) традиционно выше государственной пенсии.

Среди общеисторических исследований следует обратить внимание на работы И.В. Фаизовой и военных историков В.А. Яременко, С.А. Чинённого и др. Первый автор дает краткий по объему, но очень интересный по содержанию обзор пенсионного обеспечения дворян в XVIII в., привлекая при этом ранее не опубликованный архивный материал в виде цифровых данных. Следует согласиться с автором, что до Екатерины II «практика пенсионного обеспечения отставных... не регламентировалась законодательством», пенсии получали лишь члены семейств умерших или погибших служащих. Особого внимания заслуживает мысль И.В. Фаизовой о том, что одной из причин расширения круга субъектов пенсионных правоотношений и сумм, выделяемых на пенсии, стало стремление власти привлечь на государственную службу дворянство, лишившееся мотивации заниматься общественно-полезной деятельностью после издания в 1762 г. Манифеста о вольности дворянства³⁰.

Антиподом самодержавной и советской историографии пенсионного обеспечения являются труды В.А. Яременко. Напомним, что Макшеев, Зайончковский, Волков и др. подчеркивали паллиативность пенсий военнослужащих и в качестве альтернативы указывали на пенсионное обеспечение военных в Германии, Франции, Австрии. Другого мнения современный исследователь. Он заявляет, что «пенсионное обеспечение российских военнослужащих считалось наиболее прогрессивным и справедливым по всей Европе». Для иностранца было бы большой честью наняться на службу в русскую армию или флот. Иногда на вакансию претендовали по пятьдесят «французов, австрийцев или германцев»³¹.

Военные историки не дают определения понятия «пенсия» и оперируют терминами «жалование» и «пенсии» как синонимами. В их работах нет и четкого разграничения таких видов социальной помощи военнослужащим, как благотворительность (частная или общественная), корпоративная материальная поддержка и государственная пенсия. Общий же смысл многих статей историков сводится к противоречивому тезису о том, что в XVIII в. власть стремилась обеспечить достойную старость отставным офицерам и нижним чинам, а богатые, но скупые монастыри во главе с Синодом не хотели их кормить и платить пенсии³².

Думается, что это пример откровенного корпоративного субъективизма, в основание которого заложена «вечная» и оправданная неудовлетворенность пенсионным обеспечением военнослужащих, а в некоторых случаях и ностальгия по идеализированным временам Российской империи. Что касается указанных утверждений военных историков, то даже некоторые современные исследователи, кстати, тоже бывшие военные, высказывают диаметрально противоположную точку зрения о материальном обеспечении офицеров самодержавной России³³.

Не оправдывают ожидания правоведов и работы экономистов. Так, один из известных архитекторов перестройки Е.Т. Гайдар в своей статье делает оригинальное заявление: «Когда Ю. Цезарь ввел систему военных пенсий в Риме, он вряд ли отдавал отчет о том, что создал прецедент, который серьезно усугубит финансовые трудности Римской империи несколько столетий спустя»³⁴. К сожалению, далее эта актуальная посылка не имеет историко-правового и экономического анализа. Автор переходит к рассмотрению становления и кризиса системы социальной защиты в современном мире.

Публикации Е.В. Сапилова ближе по содержанию к исследуемой нами теме. Автор одним из первых обратил внимание на нормы пенсионного процесса, то есть оформления пенсий и ее выплат. Но особое внимание автором было уделено классификации пенсий в самодержавной России, в основании которой заложен источник финансирования. Утверждается, что их было два: государственно-бюджетный (пенсии выплачивались из сумм Государственного казначейства) и негосударственный внебюджетный (пенсии выплачивались из капиталов, принадлежащих участникам пенсионных касс)³⁵. Данная классификация, на наш взгляд, от-

кровенно сужает представление о пенсионной системе России XVIII — начала XX в., так как игнорирует пенсии корпоративных организаций, персональные пенсии и пенсии промышленно-хозяйственных субъектов.

В одной работе невозможно проанализировать все значимые труды, в какой-то мере затрагивающие пенсионное законодательство России XVII — начала XX в., но даже на основании рассмотренных можно сделать определенные общие выводы. За 250 лет российской историографии пенсионного обеспечения историки, правоведаы, экономисты проанализировали многие элементы данной системы. Пик публикаций о проблемах пенсионного законодательства приходится на начало XX века. Большинство из них были реакцией на злободневные вопросы пенсионного обеспечения. Авторы предлагали свои варианты разрешения возникших коллизий и устранения пробелов в пенсионном законодательстве. В ряде статей содержится обоснование необходимости распространения пенсионного обеспечения на другие, помимо госслужащих, слои населения и увеличения суммы пенсионных выплат. Примечательно, что о конкретных пенсионных нормах и проблемах, возникающих при их практической реализации, писали в основном специалисты в сфере гражданско-правовых отношений (цивилисты), а обобщающие работы о пенсионном праве как системе норм, регулирующих материальное обеспечение отставных чиновников, написаны специалистами в сфере государственного права.

Для советской историографии пенсионного законодательства Российской империи характерными являются две черты. Во-первых, отсутствие интереса к данной теме исследования, а во-вторых, негативно-критическое отношение к системе пенсионного обеспечения в России до советского периода. Эти черты были обусловлены господствовавшей марксистско-ленинской идеологией. Однако следует отметить, что указанный концептуальный подход сыграл положительную роль в том плане, что позволил выявить существенные недостатки института пенсий, а также сконцентрировать внимание советских правоведов на разработке теории пенсионных правоотношений и внести существенный вклад в ее развитие.

В постсоветский период интерес к пенсионному обеспечению в Российской империи, в связи с начавшейся пенсионной реформой, заметно возрос. Историки, юристы, экономисты опубликовали ряд работ, которые содержат краткий обзор истории института пенсий и правовые основы пенсионного обеспечения различных категорий государственных служащих и военных чинов. Для большинства этих публикаций характерным является отсутствие анализа пенсионных правоотношений, то есть описательность, узость круга источников и восторженно-позитивное отношение к пенсионной системе самодержавной России.

В целом, для многих исследований, посвященных проблемам института пенсий, характерны общие, концептуальные недостатки. Это, в первую очередь, политизированность, идеологическая заданность, а также упор на паллиативность пенсионного обеспечения и отсутствие анализа причинно-следственных связей, а вследствие этого откровенный субъективизм. В указанных публикациях не рассматриваются вопросы юридической ответственности за нарушения пенсионного законодательства, не анализируются основания прекращения пенсионных правоотношений.

1. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Т. 13. М. 1965, с. 336—337.
2. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сочинения. Т. 2. М. 1987, с. 214.
3. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб. 1897, с. 378.
4. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н.П. Государевы служилые люди. Люди кабальные. М. 2001, с. 166.
5. Труды Высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. Т. 1. СПб. 1871.
6. Основные идеи академиков В.Я. Буныковского и К.С. Веселовского о принципах функционирования эмеритальных касс изложены в следующей монографии: ДЕГТЯРЁВ Г.П. Пенсионные реформы в России. М. 2003. с. 30—55.
7. БУНЯКОВСКИЙ В.Я. О пенсиях и единовременных пособиях домашним наставникам, учителям и учительницам. — Журнал Министерства Народного Просвещения. 1887, № 3. с. 334—345.
8. КАРАУЛОВ А. Об эмеритальной кассе военного ведомства. — Военный сборник. 1869, № 10, с. 221—234; ПЕЧЕКА. Об эмеритуре (По поводу статьи Караулова). — Там же. 1970, № 1, с. 135—143; РЕХНЕВСКИЙ С. Об эмеритальной кассе военного ведомства. — Там же. 1970, № 1, с. 107—133; Военный сборник. 1998, № 6, с. 407—439; СОЛОВЬЁВ Н. Заметка о пенсиях из эмеритальной кассы. — Там же. 1898, № 1.
9. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXIII. СПб. 1898, с. 154.
10. АЛЕКСЕЕВ А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. М. 1897; ГРАДОВСКИЙ А.Д. Начало русского государственного права. СПб. 1881; КОРКУНОВ Н.М. Русское государственное право. СПб. 1909; ЛАЗАРЕВСКИЙ Н.И. Русское государственное право. СПб. 1913; СВЕШНИКОВ Н.И. Русское государственное право. СПб. 1897.
11. АЛЕКСАНДРОВ Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М. 1955, с. 98.
12. СОЛОВЬЁВ Н.И. Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции. СПб. 1893; МАКШЕЕВ Ф.А. Военное хозяйство в мирное время в армиях: русской, германской, австрийской и французской (Сравнительный очерк современного устройства его). СПб. 1904; С.А.К. Наши пенсии. — Русский вестник. 1904, с. 875—893; ЧИГИРИНЕЦ. Пенсии раненым. — Новое время. 1904, № 10 141 (июнь); ЕГО ЖЕ. Жертвы войны. — Там же. 1904, № 10 143 (август); Денежные выдачи в военное время чинам военного и гражданского ведомства и обеспечение их семейств. СПб. 1905; ЧЕГЛОКОВ А.П. Наше пенсионное законодательство. — Право. 1906, № 9, с. 785—788.
13. МАКШЕЕВ Ф.А. Ук. соч., с. 279—281.
14. С.А.К. Ук. соч., с. 880—881.
15. ЧЕГЛОКОВ А.П. Ук. соч., с. 785—788.
16. ЧЕХОВ В.Н. Пенсии народным учителям. — Народный учитель. 1910, № 3, с. 3—4; БЛИНОВ И. Пенсии солдатам, их вдовам и сиротам. — Право. 1916, № 9, с. 546—554; № 10, с. 620—628; КОЦ Е. Юридическое положение и пенсионное обеспечение окопных рабочих. — Там же. 1917, № 6, с. 299—306; № 7, с. 370—380.
17. РОПП А.Н. Что сделала 3-я Государственная Дума для народного образования. СПб. 1912.
18. БЫКОВ А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России: Лекции, читанные в СПб. политехникуме и технологическом институте в 1908—1909 гг. СПб. 1909; ЛИТВИНОВ-ФАЛИНСКИЙ В.П. Новые законы о страховании рабочих: Текст законов с мотивами и подробными разъяснениями. СПб. 1912; ЯРОЦКИЙ В.Г. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми мерами их обеспечения. М. 1912 и др.
19. ЛЕНИН В.И. О чем думают наши министры? ПСС Т.2 М. 1958; Гонители земства и Каннибалы либерализма. Там же. Т. 5. М. 1959 и др.
20. Советское пенсионное обеспечение. М. 1966, с. 3.
21. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903 гг. М. 1973.
22. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб. 1999, с. 303.
23. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П.А. Ук. соч., с. 126.
24. ВОРОНИН Ю.В. Пенсионное обеспечение в дореволюционной России. — Пенсия. 1997, № 7(10), с. 60—64; № 8(11), с. 59—64; Пенсионное обеспечение государственных слу-

- жащих в Российской империи в XVIII—XIX вв.: исторические века. — Там же. 1997, № 10(13), с. 58—64; № 12(15), с. 61—65.
25. ДЕГТЯРЁВ Г. Пенсионные реформы в России. М. 2003.
  26. ЕГО ЖЕ. Социальное страхование в России: начало трудного пути. — Вестник государственного социального страхования. 2001, № 5 (май), с. 10—17; № 6 (июнь), с. 2—6.
  27. ПРИМЕНКО Ю.В. К проблемам развития пенсионного обеспечения в России. VIII Нижегородская сессия молодых ученых (Гуманитарные науки): Тезисы докладов. Н. Новгород. 2003, с. 240—242; ЕЕ ЖЕ. Становление пенсионного обеспечения в России в XVI—XVII веках (историко-правовое исследование). Автореф. дисс. канд. юр. наук. Н. Новгород, 2005, с. 30; ГАЛАЙ Ю.Г. Система материального обеспечения преподавателей отечественной высшей школы императорской России. Экономические интересы и правовые средства их обеспечения. Материалы научно-практической конференции. Н. Новгород. 2005, с. 73—82; АЛЁШИНА С.А. История развития нормативно-правовой базы регулирования пенсионного обеспечения военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел. — Вестник государственного социального страхования. 2008, № 5(89), с. 76—80; № 6(90), с. 74—80; БАРАНОВА Е.А. Пенсии и пособия членам семей государственных служащих в законодательстве Российской империи. — Юристъ-Правоведъ. 2008, № 1(26), с. 59—61; ЕЕ ЖЕ. Становление и развитие системы пенсионных прав граждан XVIII—XIX вв. — История государства и права. 2008, № 2, с. 23—24.
  28. ФАИЗОВА И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетий. М. 1999; ЯРЕМЕНКО В.А. Шесть процентов для эмеритуры, или как в царской России помогали военным пенсионерам. — Военно-исторический журнал. 2005, № 4, с. 20—24; ЯРЕМЕНКО В.А. Социальная защищенность военных чинов в России до 1917 года. — Новая и новейшая история. 2005, № 4, с. 177—183; ЧИНЁННЫЙ С.А. Пенсия — не милостыня, а долг государства. — Военно-исторический журнал. 1999, № 5, с. 59—67; ДУРОВ И.Г. Становление и развитие пенсионного обеспечения в России при Петре I. — Вестник государственного социального страхования. 2008, № 1(85), с. 70—80; № 2(86), с. 75—80; ЕГО ЖЕ. Отставные военнослужащие в мужских православных монастырях Нижегородской епархии в XVIII веке. В кн.: Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание. Вып. 17. 2008, с. 25—38.
  29. ГАЙДАР Е. История пенсий. — Вестник Европы. 2003, № 10, с. 23—25; САПИЛОВ Е.В. Пенсионное обеспечение дореволюционной России. — ЭКО. 2004, № 10, с. 181—190; РОИК В. Пенсия. Взгляд в прошлое. — Моя пенсия. 2004, № 1, с. 16.
  30. ФАИЗОВА И.В. Ук. соч., с. 155—156.
  31. ЯРЕМЕНКО В.А. Шесть процентов для эмеритуры или как в царской России помогали военным пенсионерам. — Военно-исторический журнал. 2005, № 4, с. 73—74.
  32. ДУРОВ И.Г. Отставные военнослужащие в мужских православных монастырях Нижегородской епархии в XVIII веке, с. 25—37.
  33. ВЕЩИКОВ П.И. «Содержание офицеров нищенское...» — Военно-исторический журнал. 2002, № 4, с. 35.
  34. ГАЙДАР Е. Ук. соч., с. 23.
  35. САПИЛОВ Е.В. Ук. соч., с. 181.

А.В. ЛУКИН, П.В. ЛУКИН. *Умом Россию понимать: Постсоветская политическая культура и отечественная история.* М. Весь мир. 2015. 384 с.

Проблема сущности российской политической культуры является, без преувеличения, одним из «проклятых вопросов» для обществоведов всех мастей. Многочисленные исследования и просто публицистические заметки, посвященные этому вопросу, давно не поддаются учету. Тем не менее, имеющиеся работы зачастую отличаются умозрительностью и априорнос-

тью оценок и выводов, им явно не хватает исторического контекста и многофакторного подхода. Именно это побудило А.В. и П.В. Лукиных разработать свою авторскую концепцию.

Написанная работа, с одной стороны, продолжает (и обогащает) ряд исследований общественно-политической системы нашей страны. С другой, авторы ставят перед собой амби-

циозную цель — «привнести подлинно научное начало в дебаты современных политологов», «вернуть политологию истории». Они выступают категорическими противниками экстраполяции теорий, применимых к современным общественным институтам и политическим режимам, на другие эпохи, что всегда приводит к неоправданной модернизации сложного и динамичного исторического процесса. В то же время, авторы избежали попадания в ловушку «проклятия истории», сутью которой является представление о том, что многовековой исторический опыт общества программирует его современность. Подчеркивается, что «политическая культура каждой конкретной эпохи является продуктом сочетания эволюции культуры непосредственно предшествующего периода и внешних влияний. Она находится в процессе постоянного изменения, причем каждый временной срез несколько отличается от предыдущего. Преемственность в этих условиях тем слабее, чем дальше данная эпоха по времени отстоит от современности» (с. 148). В связи с этим, книга имеет характер не только исследовательский, но и полемический по отношению к коллегам — и уже одно это должно привлечь внимание читателя.

В первую очередь, следует отметить, что это концептуальное исследование. Авторы стремятся нарисовать максимально широкое историческое полотно. Первая глава посвящена исследованию политической системы Новгородской республики и ее места в европейском политическом контексте. Оставшиеся четыре главы сфокусированы на российской современности — однако отсылки к реалиям XVI—XIX столетий занимают в них весьма важное место. Причем авторы отнюдь не ограничиваются только политической составляющей — ими затронуты и экономика, и культура (прежде всего общество: состояние умов наших соотечественников, их политические идеалы). Так что временной охват работы вполне оправдан. К сожалению, из исследования практически выпадает имперский период. Между тем, ясно, что анализ основных тенденций развития политических институтов, символов и идей указанного времени не просто бы дополнил картину, но и позволил полнее проследить эволюцию российской политической культуры.

Главной концептуальной особенностью монографии можно назвать «нормализацию» истории формирования отечественных политических и общественных институтов. Авторы демонстративно отказываются от теории уникальности русской истории, которая якобы радикально отличается от истории западных обществ. Таким образом, предлагаемая концепция фактически противостоит дискурсу «катастрофичности» развития России¹.

В этой связи особый акцент сделан на анализе концепций отечественных и зарубежных историков и политологов. Заметное место в книге занимает критический разбор зарубежной (прежде всего, американской) советологии. Крайне нелестных характеристик удостоены сочинения Р. Пайпса, Э. Кинана, Т. Самуэли, З. Бжезинского и др. Это вполне оправданно, поскольку их работы нередко становятся источниками многочисленных мифов и политико-культурных стереотипов, уже набивших оскомину от постоянного повторения (отрезанность от «благодетельного» воздействия Европы, решающее влияние Азии на политическую культуру, отсутствие демократических традиций, приверженность коллективизму и отрицание частного — как в экономике, так и в общественной жизни, пассивность русского народа, имманентный империализм и милитаризм). Пожалуй, основной пафос книги направлен на опровержение мнения об извечности и устойчивости авторитаризма, наличии своеобразного «авторитарного кода» отечественной государственности и социума. По мнению авторов, исторически сложившиеся социальные и политические институты не просто не были препятствием для развития демократических политических форм, а нередко способствовали этому.

В книге затрагиваются не только мифы о «старой» России, разбору мифов о «новой», современной, также уделено значительное место (причем выясняется, что эти мифы корнями уходят все в те же «теории» о российской истории и не привносят в них, по сути дела, ничего нового). Авторы подробно рассматривают те зарубежные исследования, в которых, по их мнению, проходящие в нашей стране процессы проанализированы адекватно, без идеологической заданности, «без гнева и пристрастия». Разбор работ М. Голдмана, Ж. Сапира, Т. Грэхема и др. показывает, что не все зару-

бежные наблюдатели в своих суждениях руководствовались априорными схемами того или иного характера. Интерпретации состояния российского общества, предложенные ими, являются актуальными для отечественных коллег.

На протяжении работы А.В. и П.В. Лукины полемизируют преимущественно с зарубежными авторами. Однако винить их в этом не приходится. Отечественная политология, к сожалению, находится в незавидном положении: преобладают конъюнктурные или попросту проходные работы, которые мало что дают для понимания современности. Господствуют привычные еще с советских времен подходы и некритично заимствуемые из-за рубежа теории и исследовательские модели, при помощи которых познавать российскую современность и процессы, протекающие в ней, тщетно. Для характеристики положения дел прекрасно подходит знаменитое выражение «мы не знаем общества, в котором живем».

Авторы стремятся встряхнуть исследовательское сообщество. Выход они видят, прежде всего, в обращении к наследию «фундаментальной традиции отечественной исторической науки»: «скрупулезное изучение источников; скептическое отношение к скороспелым обобщениям и сопоставлениям; уважение к факту; стремление находить, изучать, описывать и определять конкретные российские реалии, а не иллюстрировать теории, возникшие на другом, чаще всего западном, материале» (с. 213). Предлагается, не отказываясь от контактов с зарубежной наукой, развивать, прежде всего, российский подход к исследованию, важнейшая черта которого — «синтетическое отношение к знанию, понимание условности разделения специалистов по школам, языкам, государствам и дисциплинам» (с. 214). Отсюда — их призыв к историкам пользоваться разработками «оригинальной школы российского востоковедения», культурологии и других дисциплин. Призыв к коллегам-политологам «активно взяться за изучение собственного общества» (с. 216) звучит неожиданно, но трезво и конструктивно.

Особое внимание уделено проблеме транзита российского общества и его политической культуры от советской «тоталитарной» системы к демократии. До этого авторы убедительно показали, что авторитаризм в России

исторически отнюдь не запрограммирован. Следовательно, возникает вопрос: почему постсоветский транзит привел к новому авторитаризму, пусть и «мягкому». Авторы находят вполне адекватный ответ на этот вопрос. Он заключается не в вековом «проклятии» русской истории, а во вполне конкретных условиях 1980—1990-х годов. По их мнению, в условиях слабости общественно-политических институтов резкая демократизация привела к власти кланы, взявшие под свой контроль экономические и властные ресурсы. Сложилась «электоральная клановая система», в которой выборы стали формой не реализации демократии и укрепления общественных институтов, а инструментом «разрешения конфликтов интересов между различными посттоталитарными кланами, как правило, действующими вне правовых рамок или в ситуации законодательного хаоса» (с. 266).

Авторы остро ставят вопрос об оптимальном, точнее реалистичном, для России варианте перехода к демократической системе. По их мнению, учитывая исторический и мировой опыт, реалистичен был бы переход от тоталитаризма сначала к авторитарному режиму, способному провести необходимые подготовительные реформы, а уже затем — полноценная демократизация политической системы. А путь, выбранный по рекомендации западных советников, способствовал лишь дискредитации самой идеи демократии и вызвал ностальгию по сильной власти, что и стало основой авторитарного ренессанса. Наконец, в 2000-е гг. «электоральная клановая система» перешла в новое качество, став «государством-кланом», в котором множество конкурирующих кланов сменились одним. Сложившаяся система может способствовать как модернизационному развитию страны, так и стагнации.

Удалось ли авторам-исследователям нарисовать убедительную картину современного состояния политической культуры России, насколько глубок их анализ и насколько он адекватен? Представляется, что эта часть исследования авторам удалась — но констатируем это с грустью, ибо ситуация не внушает большого оптимизма. Попытка тотальной «вестернизации», предпринятая на рубеже 1980—1990-х гг., явно провалилась в своей содержательной части — создании демократичес-

кой системы западного типа и рыночной экономики. Более того, скопированные с европейских образцов институты — «разделение власти», «парламент», «выборы» и пр. — являются не более чем ширмой для режима глубоко архаичного. Общественно-политическая, экономическая, культурная жизнь регулируется сложным взаимодействием элитных кланов и клик, принципы формирования которых далеки от каких-либо представлений об открытости и репрезентативности, вместо этого отражая родственные, этнические, территориальные или институциональные связи. Причем в рамках одной клики могут легко ужиться представители управленческих, политических, бизнес- и даже криминальных кругов, образуя широкую сеть контактов, позволяющую получать максимально возможную степень власти и влияния. Думается, что нарисованную авторами картину современного российского «кланового авторитаризма», схожего с «бонапартистской» системой, можно было бы дополнить моделью «электорального авторитаризма», описывающей механизмы реального избирательного процесса в условиях концентрации власти в руках ограниченного круга политических субъектов².

К сожалению, течение общественно-политической жизни последних лет показывает, что эти клики и кланы не в состоянии стать действительной элитой общества и предложить ему внятную и перспективную стратегию развития. Больше того, от этой задачи элиты они стараются максимально абстрагироваться, занимаясь вместо этого сохранением status quo. Между тем, представляется совершенно справедливой мысль, проводимая авторами в книге, — об особой, специфической роли государства в сложных условиях нашей страны. Государство всегда выступало локомотивом развития, потому, рассуждая о возможном экономическом прорыве России, авторы считают, что он должен основываться на следующих принципах: «1. Решительная роль государства в создании условий для повышения экономической активности населения и заинтересованности местных властей в развитии своих территорий; 2. Мощная финансовая и организационная государственная поддержка развития стратегически важных отраслей и регионов; 3. Активная государственная полити-

ка по созданию национального рынка, его защите и защите национального бизнеса; 4. Невмешательство государства в непосредственное ведение бизнеса, поощрение независимости профессиональных организаций и местного самоуправления» (с. 376—377). Здесь они во многом исходят из политического идеала большинства населения России, выявленного путем анализа итогов социологических опросов и иных способов изучения общественного мнения. Этот идеал — сильное государство, обеспечивающее определенный уровень социальной стабильности, но не вторгающееся в повседневную жизнь граждан.

Заслуживают внимания и другие идеи авторов, такие, как создание на территории России единого правового пространства, развитие инициативы различных групп населения, повышение их политической культуры, развитие навыков совместной созидательной деятельности. Представляется, что эта, «идейная», часть работы вполне может быть взята на вооружение конструктивными и прогрессивными политическими силами, борющимися за влияние не ради власти как таковой, а ради развития нашей страны.

В качестве конструктивной критики хотелось бы отметить, что монографии явно не хватает раздела, посвященного роли символической политики в культуре российского общества. События последнего времени наглядно показали, что символы, в особенности исторические, играют колоссальную роль в функционировании политической системы, актуализируя и аккумулируя те или иные эмоции и настроения. Наличие такого раздела полнее раскрыло бы исторические контексты постсоветской политической культуры.

Автор предисловия к книге, профессор Оксфордского университета А. Браун, заметил: «То, что люди думают о своем историческом опыте, является наиболее важным компонентом их политической культуры и лучшим показателем, способным объяснить их политическую ориентацию» (с. 7). Исходя из этого, концепция А.В. и П.В. Лукиных, которая, без сомнения, вызовет активную полемику в научной среде, играет не только научно-познавательную роль, но является частью существующих политических практик. Остается только надеяться, что исследования ученых, дока-

зывающие возможность (но, к сожалению, не predeterminedность) реализации в России демократической, а не кланово-авторитарной модели с соответствующей политической культурой, будут востребованы политиками и общественными деятелями.

В.Н. КРУГЛОВ, В.В. ТИХОНОВ

Примечания

1. Пример такого подхода см.: БУЛДАКОВ В.П. *Que vadis? Кризисы в России: пути переосмысления*. М. 2007.
2. ГЕЛЬМАН В.Я. *Расцвет и упадок Электорального авторитаризма в России*. — *Политика*. 2012, № 4, с. 65—88.

Ф.И. НОВИК. *В ловушке холодной войны. Советская политика в отношении Германии, 1953—1958 гг.* М. ИРИ РАН. 2014. 368 с.

Монография доктора исторических наук, главного научного сотрудника ИРИ РАН, члена Совместной Комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений Ф.И. Новик продолжает серию работ автора по истории советско-германских отношений периода 1950—1980-х годов. В монографии «исследуется сложный комплекс проблем советской политики в отношении Германии за первые шесть лет хрущёвского правления на фоне завершения формирования военно-блоковой структуры в Европе и жесткой конфронтации в разгар холодной войны» (с. 2).

В работе использованы документы архивов СССР, ФРГ, ГДР, многие из них впервые вводятся в научный оборот. В отечественной историографии ранее не рассматривались такие вопросы, как обсуждение германского вопроса на совещаниях СССР, США, Великобритании, Франции в середине 1950-х гг., а также двусторонний диалог СССР-ФРГ и развитие деловых связей между странами после установления дипломатических отношений в 1955 году. «В совокупности российские и немецкие архивные документы и материалы позволили автору сопоставить позиции трех стран (СССР, ФРГ, ГДР) и отразить в монографии документально обоснованную, многостороннюю и разноплановую картину по исследуемым проблемам» (с. 12).

Во Введении дается обзор работ исследователей, оставивших заметный след в освещении данной тематики, «интересных научных трудов российских историков и дипломатов», среди которых А.М. Филитов, А.А. Фурсенко, А.А. Ахтамян, Н.Е. Быстрова, Н.В. Павлов, Р.В. Долгилевич, Ю.А. Квицинский, Р.А. Сергеев,

В.П. Терехов, А.А. Синдеев. Названы также немецкие авторы — Г. Веттиг, В. Килиан, М. Уль, М. Лемке, Э. Шерстяной (с. 12—15).

Монография «носит проблемный характер» и состоит из «Введения», пяти глав — 1. «Создание биполярной блоковой структуры в Европе: позиции СССР и Запада, 1945—1955 гг.»; 2. «Германский вопрос на конференциях четырех держав, 1954—1955 гг.»; 3. «Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ, 1955 г.»; 4. «Проблемы развития двусторонних отношений: разочарования и надежды, 1955—1958 гг.»; 5. «Германский вопрос в двусторонних отношениях между СССР и ФРГ, 1955—1958 гг.» — и «Заключения». Книга снабжена разделом «Примечания» (с. 343—360), «Списком сокращений» и «Указателем имен» (с. 360—367).

Во «Введении» подчеркивается, что разделенная на зоны оккупации в результате поражения во второй мировой войне Германия была направлена победителями по пути государственного раскола, причем раскол страны и ее столицы «приобретал все более резкие очертания и необратимый характер» (с. 6).

В СССР после смерти Сталина новое коллективное руководство предприняло первые робкие попытки скорректировать сталинский внешнеполитический курс, но они не нашли позитивного отклика на Западе. С 1955 г. Хрущёв сосредоточил внешнюю политику в своих руках и «с присущими ему прямолинейной решительностью и волюнтаризмом попытался разрубить гордиев узел германского вопроса, спровоцировав самый длительный в послевоенной истории берлинский кризис 1958—

1963 г., сопровождавшийся закрытием границ ГДР с Западным Берлином в 1961 г. и полным отгораживанием этой страны от Запада», что «не способствовало решению германского вопроса в рассматриваемый период» (с. 7–8).

Послевоенный курс на конфронтацию, идеологическое противоборство, блоковое военно-политическое и экономическое противостояние в Европе и разделенной Германии за десятилетие завел противоборствующие стороны в тупик, в «ловушку холодной войны» (с. 9). К середине 1950-х гг. создалось безвыходное положение, и два германских государства были направлены по противоположным путям развития, что задержало на десятилетия достижение единства страны.

Рассматривая позиции СССР и Запада по германскому вопросу на конференциях министров иностранных дел в середине 1950-х гг., автор отмечает, что там сложился негласный консенсус по вопросу о том, что решение германского вопроса откладывается на будущее. Ученый освещает попытки Советского Союза приспособиться к новым условиям холодной войны и установить дипломатические отношения с ФРГ в результате приезда в Москву в 1955 г. федерального канцлера ФРГ К. Аденауэра, двусторонние переговоры и их результаты. Автору принадлежит первенство в современном освещении этой темы в российской историографии, еще в 1995 г. ею были введены в научный оборот материалы из АВПРИ, в том числе, направленные стенограммы московских переговоров.

Отвечая в первой главе на прямо поставленный вопрос — кто развязал холодную войну: США или СССР — автор подчеркивает, что в послевоенный период правящие силы США не устраивало небывалое укрепление геополитических позиций СССР, его продвижение в центр Европы в результате войны, проводившиеся им преобразования в странах Восточной Европы. Соединенные Штаты поставили целью добиться сдерживания СССР и вытеснения его из Восточной Европы, для чего использовали экономические рычаги в виде плана Маршалла и военно-политические меры, такие как создание НАТО. Советский Союз был полон решимости отстоять завоеванные позиции и создать на своих западных границах

пояс дружественных государств, что вступало в противоречие с устремлениями США (с. 20).

Во второй, третьей и четвертой главах исследуются конкретные события и факты, касающиеся развития отношений СССР с ГДР, ФРГ и державами победительницами в 1955–1958 годах.

В последней, пятой главе монографии, автор сосредотачивает внимание на анализе многочисленных документальных источников советского, западногерманского и восточногерманского происхождения, дающих возможность раскрыть истинные позиции и устремления правительств трех стран (СССР, ФРГ и ГДР) по германскому вопросу в двух ипостасях: по проблеме объединения Германии и по вопросу о заключении мирного договора с этой страной. В книге дается ясный ответ: «К концу 1950-х годов четко обозначились несовместимые позиции СССР и ФРГ по вопросу объединения Германии и явная незаинтересованность трех западных союзников Бонна, да и Советского Союза, а также правящих кругов ФРГ и ГДР в том, чтобы форсировать решение проблемы преодоления раскола страны» (с. 334). Оптимальным путем для консервации германского вопроса явилось «молчаливое согласие» заинтересованных сторон о сохранении на неопределенный период статус-кво в условиях биполярного мира, двухблоковой системы в Европе при присутствии вооруженных сил четырех держав в Германии (там же).

В целом исследование Ф.И.Новик является заметным вкладом в изучение проблем советско-германских отношений. Однако можно отметить, что не всегда достаточно четко выявлены противоречия в трактовке одних и тех же проблем со стороны отечественной и германской, как и вообще западной, историографии, в частности, такого специалиста из ФРГ, как Г. Веттиг, десятилетиями разрабатывавшего данную тематику. Не прослеживаются до конца новейшие разработки, как зарубежные, так и российские, по вопросу визита канцлера Аденауэра в Москву в 1955 г., хотя автор и является первооткрывателем данной темы в отечественной историографии.

В «Заключении» Новик возвращается к собственной трактовке различных сторон исследуемой темы, высказанной в предыдущих гла-

вах. Отмечается, что в исторической ретроспективе германский вопрос — проблема объединения разрозненных немецких земель в единое государство — в течение веков занимал важное место на шахматной доске европейской политики. Объединение Германии в 1871 г. произошло «при одобрении и поддержке царской России», которая «выступала на стороне кайзеровской Германии вплоть до Первой мировой войны, когда эти две страны, волей истории и политики правителей, стали противниками в мировой войне» (с. 335).

После сокрушительного поражения Германии во второй мировой войне страна была разделена сначала на зоны оккупации, а с 1949 г. — на два государства. На повестку дня вновь выдвинулся германский вопрос — вопрос о послевоенном мирном урегулировании и об объединении страны, который занимал приоритетное место в геополитике как СССР, так и США в условиях конфронтации в период «холодной войны». Когда кратковременная «оттепель» сменилась новым обострением международных отношений, интересы сторон оказались диаметрально противоположными.

Большое влияние на международную деятельность СССР в первые шесть лет двенадцатилетнего правления Н.С. Хрущёва оказывали внутренние факторы — укрепление экономического и военно-политического положения Советского Союза, который преодолел ядерную монополию США, вышел в космос. Это способствовало обретению большей уверенности (и самоуверенности) кремлевских правителей во внешней политике. Немалую роль играли особенности личности Хрущёва, возглавлявшего и волюнтаристски проводившего политику мировой державы (с. 336). По его инициативе в течение 1956—1957 гг. в Москве сменились три министра иностранных дел (В.М. Молотов, Д.Т. Шепилов, А.А. Громыко), что напоминало правительственную чехарду в некоторых западно-европейских странах.

После смерти Сталина кремлевскому руководству пришлось срочно определять долгосрочную советскую стратегию по германской проблеме, поскольку в июне 1953 г. события в ГДР «поставили под вопрос существование восточногерманского государства». Московское руководство взяло тогда курс на всесто-

ронную поддержку ГДР. Запад воспринял это как линию на дальнейшее размежевание Восточной и Западной Германии, на отсрочку решения германского вопроса, и со своей стороны активизировал вовлечение ФРГ в западные оборонительные структуры.

На Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав в начале 1954 г. Молотов заявил, что принятие ФРГ в военно-политический союз Запада закроет пути к объединению Германии на внеблоковой основе, и связал решение германского вопроса с созданием системы коллективной безопасности в Европе (с. 338). Внесенный на этом совещании западный план объединения Германии, «план Идена», предусматривал проведение «свободных общегерманских выборов», в результате которых страна была бы объединена. Этот план, дополненный на Женевской конференции глав правительств четырех держав в июле 1955 г. западным предложением дать Советскому Союзу закрепленные в договорном порядке гарантии его безопасности, был отвергнут советским правительством. «План Идена» был неприемлем для Советского Союза, так как полностью игнорировал интересы ГДР, которая была бы просто присоединена к Западной Германии, и ущемлял его интересы, поскольку сужал сферу его влияния. Кроме того, советские войска были бы вынуждены покинуть Восточную Германию, тогда как вывод западных войск из ФРГ не предусматривался. Последствием принятия этого плана было бы ослабление геополитического положения СССР и укрепление стратегических позиций Запада (с. 338—339).

В сложившейся обстановке советское правительство предприняло ряд шагов, направленных на признание суверенитета двух германских государств. В сентябре 1955 г. после визита Аденауэра в Москву были установлены дипломатические отношения СССР с ФРГ. В том же месяце был подписан Договор об отношениях между СССР и ГДР, по которому восточногерманскому государству предоставлялся полный суверенитет во внутренних и внешних делах за исключением вопросов, входивших в сферу ответственности четырех держав-победительниц.

В исследуемый период СССР и ФРГ с большим трудом удалось сделать первые роб-

кие шаги в сторону преодоления взаимного недоверия и достичь небольших сдвигов в развитии двухсторонних отношений в политической, экономической и гуманитарной областях. Отношения между СССР и ГДР в рассматриваемый период заметно укрепились и расширились. В условиях «холодной войны», противоборства между СССР и США, вовлечения ФРГ и ГДР в противостоящие союзы в

германском вопросе не только не было достигнуто каких-либо позитивных сдвигов, но и произошло ужесточение конфронтационных позиций сторон, лишь отдалявшее перспективы взаимоприемлемого решения германской проблемы с учетом интересов всех вовлеченных государств (с. 342).

В.П.ЛЮБИН

А.П. ЕРМОЛОВ. *Кавказские письма. 1816—1860.*
Составители Г.Г. Лисицына, Б.П. Миловидов. СПб.
Изд-во журнала «Звезда». 2014. 832 с.

Подготовленное группой петербургских историков издание «кавказских» писем А.П. Ермолова является продолжением исследований авторского коллектива, посвященных Кавказской войне и А.П. Ермолову.

Как справедливо отмечают авторы вступительной статьи к сборнику Я.А. Гордин, Г.Г. Лисицын и Б.П. Миловидов, Ермолов стал легендой еще при жизни, а впоследствии оказался в центре внимания всех историков Кавказа и Кавказской войны. «Многих Ермолов привлекает как сильная личность, “покоритель Кавказа”, проводник российской имперской идеи, патриот, посвятивший себя служению Отечеству и его интересам. Другие видят в нем жестокого завоевателя, душителя и гонителя независимости кавказских народов, обвиняют его в геноциде, то есть целенаправленном уничтожении непокорных горских народов. На вопрос, какова истина и насколько справедливы возвеличивание деятельности Ермолова на Кавказе, с одной стороны, и непреодолимая ненависть — с другой, наиболее четкий ответ дают его частные письма, в которых он был искренним и откровенным (с. 13). Однако эти письма «были не только интимно-дружественные, но преследовали цель создать нужное представление о намерениях Ермолова в окружении императора, министров, вельмож, имеющих влияние на принятие нужных для него решений». Всего в данном сборнике опубликовано около 500 писем генерала.

Составители сборника ограничили свою задачу публикацией писем самого Ермолова, причем только тех, которые либо относятся к

его пребыванию на Кавказе, либо связаны с Кавказом. Такой подход в данном случае представляется вполне целесообразным. Однако, на наш взгляд, издание намного бы выиграло, воспроизведя в комментариях также некоторые письма от его корреспондентов (хотя бы в выдержках). Сохранившиеся архивные фонды в ряде случаев дают такую возможность.

В сборник включены письма, относящиеся к деловой переписке Ермолова. Такое решение составителей оправдано, так как в противном случае была бы разрушена тематическая целостность сборника. К тому же, для документации того времени характерна невозможность во многих случаях разделить официальные и личные письма должностных лиц. Целесообразным представляется и включение в сборник письма Ермолова Николаю I об отставке (с. 401), хотя сам адрес этого письма предполагает отнесение этого документа к разряду рапортов. Это же относится и к письму Александру I от апреля 1820 года (с. 221—222).

Составители сборника проделали большую работу по выявлению полного корпуса писем Ермолова в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси, Ставрополя и Киева, в том числе в Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном военно-историческом архиве, Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинс-

кого дома), Институте рукописей национальной библиотеки Украины им. В.В. Вернадского. Материалы из перечисленных выше хранилищ и составили основу публикаций сборника.

Многие из включенных в книгу писем Ермолова были в свое время изданы в Сборнике Русского исторического общества, «Русском архиве», «Русской старине», а в советское время — в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», издаваемом в Махачкале. Но в них большинство дореволюционных публикаций содержат отступления от подлинника, сокращения, в том числе вызванные цензурными соображениями. В данном сборнике основная часть писем публикуется по сохранившимся оригиналам. Воспроизведение подлинных текстов соответствует всем нормам современной археографии. Исключения составляют письма, подлинники которых не дошли до наших дней, например, те, что хранятся в Дагестанском музее (с. 20).

В опубликованной переписке зримо предстает образ Ермолова — полководца, государственного деятеля, человека. Издание снабжено подробными комментариями. Труд составителей по комментированию публикуемых текстов заслуживает самой высокой оценки. Можно сделать лишь несколько незначительных замечаний. Так, например, в письме А.А. Закревскому от 10 августа 1819 г. говорится о «населении военном в здешнем (Кавказском. — *Д.Р.*) краю, причем Ермолов считал, что оно не должно уподобляться «нынешнему» и опасался, что, если его представление «рассматриваемо будет на *Литейной* (курсив в оригинале. — *Д.Р.*), то, может быть, и сме-

шается с грязью» (с. 146). Здесь явно речь идет о военных поселениях, насаждавшихся гр. А.А. Аракчеевым, и о Доме на Литейном проспекте (д. 20), в котором находилась приемная Аракчеева, где он работал, а нередко и ночевал. В этом месте явно напрашивается более подробный комментарий, хотя в пояснениях к письму Закревскому от 26 января 1817 г. отмечается, что по указанному выше адресу на Литейном проживал Аракчеев, а в начале Литейного проспекта находились здания Артиллерийского департамента (с. 660), о местонахождении которого в данном случае и идет речь.

Письмо Закревскому от 11 ноября 1919 г. начинается с обращения: «Любезный и почтенный князь Арсений Андреевич!» (с. 207). Поскольку князем Закревский не был никогда, а в графы (Великого княжества Финляндского) был возведен лишь в 1831 г., это обращение нуждается в комментарии (если это не опечатка или не ошибка прочтения).

В письмах Ермолова близким друзьям он нередко называет общих знакомых прозвищами. В некоторых случаях составители в комментариях раскрывают эти прозвища, например, «Красота» — полковник И.В. Шатилов (с. 653), но далеко не всегда. Имело бы смысл также более подробно прокомментировать упоминаемые в переписке кавказские этнонимы и в ряде случаев топонимы.

В целом сборник подготовлен на высоком научном и археографическом уровне и несомненно вносит заметный вклад в изучение истории как Кавказа, так и Российской империи в целом.

Д.И. РАСКИН

Н.С. СКОРОБОГАТЫХ. *История Австралии. XX век.* М. ИВ РАН. 2015. 452 с.

Изучение истории Австралии, огромной страны, занимающей целый материк, не заслуженно не пользуется популярностью среди отечественных специалистов. Известных ученых-австраловедов можно пересчитать буквально по пальцам, хотя среди них есть историки, филологи, этнологи. Это К.В. Малаховский, А.С. Петриковская, В.Р. Кабо, О.Ю. Артёмова, А.Я. Массов, Г.И. Каневская. Выход в России лю-

бой книги по той или иной важной проблеме Австралийского союза — событие для нашей науки. Тем более, если речь идет о капитальном обобщающем труде «История Австралии. XX век». Монография издана в Институте востоковедения РАН и примыкает к серии работ по истории стран Востока в XX веке.

Автор труда — старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Авст-

ралии и Океании института, кандидат исторических наук Наталья Сергеевна Скоробогатых. Это не первая ее крупная работа: в 2006 г. она выпустила монографию «Вехи конституционного пути Австралии (1788—2000 гг.)». Плодом преподавательской деятельности Н.С. Скоробогатых стал опубликованный в 2011 г. учебник «История Австралии», предназначенный для студентов Института стран Востока. В своей новой книге автор справедливо отмечает, что XX столетие занимает особое место в судьбе австралийского государства — именно в этот период страна обретает те черты, которые во многом характеризуют ее и в наши дни.

В основу книги положен широкий круг источников: материалы из фондов Национального архива Австралии; сборники опубликованных документов по истории этой страны; статистические справочники; официальные программы австралийских политических партий; мемуары политических и общественных деятелей страны; материалы австралийской прессы. Автор использовала порядка 200 наиболее значимых трудов австралийских и российских историков, этнографов, экономистов. Это позволило ей «проследить развитие самых ключевых моментов в истории Южного континента» (с. 5).

Первая глава имеет вводный характер и посвящена тем чертам колониального периода австралийской истории XIX в., когда происходило становление австралийской государственности, складывалась аграрно-индустриальная экономика, было создано единое федеративное государство Австралийский Союз. К началу XX в. сформировались основные принципы организации социально-политического пространства, повлиявшие на общий ход австралийской истории и специфику национального характера австралийцев. К таким принципам можно отнести: демократическое устройство общества при сохранении активной роли государства; сильные профсоюзы, обеспечившие высокий жизненный уровень трудящихся; доминирование умеренных политических партий, не склонных к революционным методам действий; формирование основ культурной жизни страны.

В последующих главах монографии в хронологическом порядке и весьма обстоятель-

но освещаются социально-экономические, внутри- и внешнеполитические аспекты австралийской истории, национальные отношения и культура Австралии. Скоробогатых предлагает собственную периодизацию австралийской истории XX в., выделяя в ней четыре этапа. Первый (от образования Австралийского Союза до окончания первой мировой войны) характерен тем, что в стране «сложились базовые основы партийно-политической системы, экономической и социальной структуры страны», «были опробованы новые прогрессивные подходы в области социального регулирования» (с. 89). Второй (1920—1940-е гг.) стал временем и послевоенного взлета, и тяжелых испытаний Великой депрессии и второй мировой войны, когда Австралийский Союз постепенно становился фактически независимым государством, сохраняя наработанные связи со странами Британского содружества и получив нового союзника в лице США. Третий (1950—1970-е гг.) явился эпохой быстрого развития народного хозяйства страны и стремительного повышения жизненного уровня населения в условиях государства всеобщего благоденствия, смены курса в национальной политике и обретения своего места в международных отношениях в Азиатско-Тихоокеанском регионе (с. 272). Четвертый период (1980—1990-е гг.) начал принципиально новый этап в истории страны, когда в экономической политике формируются и доминируют принципы неолиберализма и идеология «новых правых»; проводится целый ряд реформ, кардинально меняющих привычные постулаты жизни австралийцев; Австралийский Союз выступает одним из лидеров экономической и политической интеграции в АТР. Автор подробно пишет как о достижениях, так и о противоречиях, с которыми государство вступило в XXI в., выражая надежду на то, что «на данный момент в стране не существует коллизий, которые нельзя было бы решить в рамках созданной государственной и партийно-политической системы» (с. 380).

Интересны попытки ученого проследить развитие основных направлений во внутриполитической жизни Австралийского Союза. Обращая внимание на становление партийно-политической системы, автор подчеркивает, что в действиях основных австралийских

политических сил (Австралийской Лейбористской партии и коалиции Либеральной и Национальной партий) здоровый прагматизм всегда брал верх над идеологическими различиями, обеспечивая в целом поступательное развитие экономики и достаточно высокий жизненный уровень граждан. Такой подход определил стабильный, без революционных катаклизмов путь страны, и даже в условиях социально-экономических кризисов радикальные политические движения не становились сколько-нибудь влиятельной силой в обществе.

Прослеживая эволюцию иммиграционной и национальной политики Австралийского Союза, Скоробогатых подробно останавливается на изменениях в политике властей и отношениях белого общества к австралийским аборигенам и этническим меньшинствам. Переход от политики «Белой Австралии», которая проводилась в жизнь на пятом континенте вплоть до 1973 г., к мультикультурализму, по ее мнению, был не только сложен, но и неоднозначен по достигнутым результатам. Безусловно осуждая расизм, автор в то же время пытается показать, что опасения всеобщей «этнизации» (с. 285) в устах критиков принятой в последней четверти XX в. мультикультурной национальной программы и построения на ее основе соответствующей политической модели были далеко не беспочвенны. Вместо желанного «единства в многообразии» этот курс способствовал появлению в австралийском социуме ряда замкнутых этнических и этноконфессиональных групп со всеми вытекающими из этого факта проблемами.

Отдельные разделы книги посвящены австралийской культуре, науке, системе образования и здравоохранению. Именно в этих областях наиболее ярко проявились особенности развития национального австралийского самосознания, художественного воплощения собственного культурного опыта и австралийского образа жизни, к концу XX в. постепенно вобравшего в себя все многочисленные и многонациональные компоненты, составляющие австралийскую нацию в наши дни.

При рассмотрении вопросов внешней политики Австралии автор стремилась показать неправомочность доминирующих оценок деятельности Австралийского Союза на международной арене как сначала безгласного придатка Великобритании, а затем «американского шерифа» в АТР. По мнению Скоробогатых, в течение всего столетия и особенно со времени окончания второй мировой войны, лидеры австралийского государства руководствовались не только союзническими обязательствами, но и защитой, прежде всего, национальных интересов. В результате в наши дни страна сумела утвердить себя в качестве союзника и партнера США и сохранить возможность для проведения собственной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем, автор не затушевывает и имевшие место неудачи австралийской внешнеполитической стратегии, такие, как, например, участие АС в войне во Вьетнаме или попытка утвердить Австралию в качестве азиатской державы, предпринятая премьер-министром Австралийского Союза П. Китингом (с. 313).

По ходу повествования автор дает портреты выдающихся австралийских государственных и общественных деятелей — от А. Дикина, Дж. Монаша и У.М. Хьюза до наших современников. Своего рода лоцией для читателя является и хронологическая таблица с основными датами истории АС.

В заключение можно сказать, что Скоробогатых удалось воссоздать яркую и многогранную картину исторического пути Австралийского Союза в XX веке. Поэтому ее книга полезна и познавательна не только для ученых и учащихся, но и для самого широкого круга читателей, интересующихся столь далеким от нас континентом.

М.Ц. АРЗАКАНЯН

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-30087.

Период нахождения у власти династии Стюартов занимает особое место в английской истории нового времени. С одной стороны, это было время гражданских войн и социальных потрясений, смут и разного рода катаклизмов, с другой, — эпоха, в которую закладывался тот политический и экономический фундамент, на котором в последующие столетия выстраивалось могущество Туманного Альбиона. Этой сложной, наполненной множеством разнородных событий эпохе посвящена новая книга профессора Смоленского государственного университета, специалиста по западно-европейской истории XVII — начала XVIII в. Л.И. Ивониной.

Автор сосредоточила свое внимание на четырех монархах из дома Стюартов, правивших Англией с 1603 по 1688 год. Соответственно книга состоит из четырех глав, названия которых уже несут в себе характеристики их главных героев. Так Яков I видится Ивониной библейским Соломоном, Карл I — рыцарем, Карл II — либертином, а Яков II — генералом.

Следует сразу же подчеркнуть, что автор отнюдь не ограничивается биографиями своих героев, а затрагивает множество сложных проблем английской и европейской истории, вскрывая взаимосвязь событий, происходивших по обе стороны Ла-Манша. При этом Ивониной удалось создать цельное произведение, где анализ основных тенденций развития английского общества и государства органично сочетается с описанием колоритных фигур самих монархов, министров, придворных и т.п. Автору прекрасно удается соединить в своем тексте строгую научность с увлекательностью изложения. Немаловажно и то, что при чтении книги, охватывающей множество сложных, а порой и дискуссионных проблем, не возникает ощущения эклектичности.

Автор удачно прослеживает динамику развития характеров своих главных героев. Так, в главе, посвященной Якову I, показаны основные этапы политического взросления короля, первой и весьма серьезной проверкой для которого стала казнь его матери Марии Стюарт в 1587 г. (с. 19). Первый Стюарт на английском троне характеризуется Ивониной

как «расчетливый и дальновидный политик», «разносторонне развитый человек», имевший «четкое представление об идеальной монархии» (с. 26), твердо веривший в «божественное право» королей, а также в свое собственное предназначение и свои способности (с. 34).

Однако иллюзиям Якова I пришлось столкнуться с реалиями стремительно развивающейся Англии, «где происходили процессы, которые новый монарх не понимал или не хотел понять» (с. 35). При этом Ивонина называет Англию «реальной и прагматичной страной развивавшегося опыта и разума». Это кардинально отличает ее подход от традиционных оценок советской историографии, где Яков I характеризовался как монарх, при котором «восторжествовала феодально-абсолютистская реакция», монарх, который «совершенно не считался с интересами буржуазии» как во внутренней, так и во внешней политике.

Автор представляет Якова I в различных ипостасях: это и гуманистически образованный правитель, всерьез увлекавшийся литературным творчеством, и не слишком привлекательный, неряшливый человек. Возможно, большего развития заслуживает очень интересный тезис о том, что, став английским королем, Яков I «привнес с собой в Лондон немалую долю двусмысленной и непостоянной шотландской политики» (с. 41). Действительно, при всей географической близости Англии и Шотландии, там сложились во многом непохожие политические культуры, что зачастую упускается из виду исследователями. В то же время, возможно, Яков I унаследовал подходы Елизаветы, стремившейся избегать крайностей и потому зачастую «все делавшей наполовину». Отсюда сочетание в его политике таких, на первый взгляд трудно сочетаемых моментов, как репрессии по отношению к католикам и влияние при дворе испанского посла, дело Рэли и история с заговором Гая Фокса. Да и вряд ли таким уж плохим было стремление Якова к сбалансированной внешней политике, к поддержанию династических связей и с протестантской и с католической Европой.

Наиболее драматически, а в финале и трагически сложилась судьба второго Стюарта на английском троне. Рассматривая перипетии царствования Карла I, Ивонина совершенно справедливо подчеркивает взаимосвязь событий, происходивших в Англии, с событиями на континенте. Автор выдвигает тезис о том, что судьбу Карла Стюарта во многом определила Тридцатилетняя война (с. 86), превратившаяся, по сути, в «европейскую гражданскую войну».

В дальнейшем автор развивает этот важный тезис. Остановившись на таком чрезвычайно сложном вопросе, как оценка политических событий, происходивших в Англии в середине XVII в., она подчеркивает, что «гражданские потрясения на Британских островах были тесно связаны с процессами, происходившими на континенте. Они сопровождались общественными движениями в других странах Европы...» Отсюда следует вывод о том, что «... Английская революция — явление европейского масштаба, на которую влияли при всей их видимой разнородности события на континенте». При этом «катализатором» этого так называемого европейского кризиса середины XVII в. явилась опять-таки Тридцатилетняя война (с. 133). По словам ученого, эта война «...ввергла Европу в тяжелый экономический и политический кризис, частью которого, собственно, и были политические потрясения в Англии 1640—1660 годов» (с. 181).

Из названия главы, посвященной Карлу I, можно предположить, что этому королю был присущ рыцарский дух. Однако по ходу чтения в этом возникают определенные сомнения. Было ли «рыцарским» поведение Карла I в тот момент, когда от него требовали согласия на казнь Страффорда (с. 124)? Тот же вопрос можно задать и применительно к некоторым другим эпизодам его жизни, таким как попытка устранения Лесли и Аргайла (с. 126). Вряд ли напрямую связаны с рыцарственностью Карла такие отмеченные автором черты, как отсутствие гибкости и неумение искать компромиссы, сыгравшие роковую роль в его судьбе.

Несмотря на это частное замечание, в целом, глава, посвященная Карлу I, представляется интересной и динамичной. В ней ярко показаны важнейшие события гражданских

войн, а также справедливо отмечена слабость реальной поддержки Карла I со стороны монархов континентальной Европы, которые «сочувствовали ему на словах, но отнюдь не на деле».

Что касается Карла II, то данное ему Ивониной определение «либертин» представляется верным, хотя, возможно, и несколько односторонним, не исчерпывающим всю многогранность фигуры этого монарха. Уже в самом начале рассказа мы видим его деятельный характер и оптимизм, а также то, что в изгнании он «в полной мере познал искусство интриги и дипломатии» (с. 181). Дальнейшие описания создают у читателя скорее позитивный образ Карла II, обладавшего целеустремленностью, мужеством и неиссякаемым оптимизмом (с. 187), открытого и обаятельного человека (с. 197), образ жизни которого импонировал его подданным. В то же время следует согласиться с тем, что на все будущее правление Карла II большое влияние оказали годы, проведенные им в изгнании (с. 182).

Анализируя особенности правления Карла II, Ивонина отмечает противоречие между идеальным образом абсолютного монарха (олицетворяемым Людовиком XIV), на который ориентировался Карл II, и его фактическим положением «договорного короля» (с. 187). К этому добавлялось непонимание Карлом II особенностей развития Англии по сравнению с другими европейскими монархиями. Как показывает автор, основной целью Карла II во внутренней политике было усиление королевской власти. Ради этого он стремился к ограничению всех форм независимой политической активности, исходила ли она от виггов или от тори (с. 228). При этом, несмотря на сложность ситуации, Карлу II удавалось сохранять свои позиции. По мнению автора, здесь свою роль сыграл вышеупомянутый опыт изгнания, научивший его находить союзников, учитывать интересы разных политических сил и идти, насколько он считал приемлемым, навстречу своим противникам.

Ивонина достаточно подробно рассматривает роль двора и придворной жизни при Карле II. Автор подчеркивает важность двора как институциональной структуры (с. 185). В то же время, после знакомства с весьма подробным описанием придворной жизни с ее весь-

ма свободными нравами, создается впечатление, что она, очевидно, была для Карла II своего рода отдушиной, средством уйти от разнообразных, а порой и неразрешимых проблем.

Одной из этих проблем было престолонаследие. В заключительной главе, посвященной Якову II, Ивонина отмечает, что еще в бытность свою наследником он был «самым большим недостатком Карла» (с. 250). Однако тот факт, что Карл II отказался исключить брата из списка претендентов на престол, следует считать вполне естественным, учитывая значение, которое в то время придавалось династическим правам.

Глава начинается с краткого обзора различных оценок правления этого монарха. Ивонина справедливо указывает на то, что негативное отношение к нему в историографии, господствовавшее на протяжении длительного периода, лишь в XX в. изменилось в сторону более взвешенных характеристик (с. 233—235). В то же время большинство приводимых характеристик все же демонстрируют тот неоспоримый факт, что Яков II упорно ориентировался на абсолютистскую модель управления и ни при каких условиях не желал от нее отказываться, упрямо игнорируя те изменения, которые происходили в Англии и в Европе в целом. Это было связано с особенностями становления личности Якова II. Автор достаточно подробно описывает этот процесс, выделяя такие моменты, как эмиграция и военная служба сначала во французской (под началом знаменитого маршала Тюренна), а затем в испанской армии. В дальнейшем, по мнению историка, Яков в известной степени перенес военное мышление в политику (с. 252), что оправдывает название, посвященной ему главы («Генерал»).

«Чувствительный и кающийся, мрачный и отважный, Яков Стюарт представлял собой контраст по сравнению с Карлом, чья терпимость увеличивалась в соответствии с ростом его пороков» — такую характеристику дает Ивонина герою четвертой главы своей книги (с. 245). При этом показана, с одной стороны, эволюция самого Якова II, а с другой — изменение отношения к нему в английском обществе. Так, еще будучи наследником престола, Яков Йоркский проявил себя как способный и деятель-

ный администратор и храбрый морской офицер. Первоначально (по крайней мере, до конца 1670-х гг.) его католицизм не слишком отталкивал от него англичан. Более того, из ряда примеров, приводимых автором, можно сделать вывод о том, что отдельные действия Якова диктовались отнюдь не религиозными соображениями (с. 248).

В начале своего правления Яков II старался действовать конституционными методами (с. 253) и пользовался достаточно широкой поддержкой, о чем свидетельствует подавление восстаний Аргайла и Монмута. Без сомнения, Ивонина права, называя казнь Монмута «политической ошибкой» (с. 258); однако представляется, что эта акция была вполне в духе Якова II с его приверженностью к армейским порядкам и воинской дисциплине.

Автор книги выделяет два этапа в религиозной политике Якова II: первый (1685—1686 гг.), когда им была предпринята попытка создать союз католиков и высокой англиканской церкви, и второй (1687—1688 гг.), когда король выдвинул идею веротерпимости для привлечения на свою сторону протестантов-нонконформистов. Постепенно религиозная политика Якова II (обратившегося в католицизм еще в 1668—1669 гг. и стремившегося к продвижению своих единоверцев на ключевые должности) вызвала неприятие основной массы населения и значительной части политической элиты. Стремясь к максимально взвешенной оценке личности Якова II, Ивонина подчеркивает, что при всей консервативности его политического курса, он все же старался приспособить его к новым реалиям.

Большой интерес вызывают страницы, посвященные последним месяцам правления Якова II, когда назревали события Славной революции. В исследовании показано, как нарастала изоляция короля и одновременно происходила консолидация его противников. При этом отмечают как внутренние, так и внешние факторы, способствовавшие свержению Якова, в частности начало Войны за Пфальцское наследство (Девятилетней войны / Войны Аугсбургской лиги). Подчеркивается также «религиозно-политический характер» конфликта (с. 277).

Отдавая должное ярким деталям, но ни в коем случае не преувеличивая их значения (как

в случае с оценкой роли Сары Черчилль в событиях 1688 г.), Ивонина делает следующий принципиально важный вывод: Славная Революция «была естественным “корректирующим” английское политическое и правовое устройство событием с наличием мощного катализирующего внешнего фактора — экспедиции Вильгельма Оранского» (с. 276). Подводя итог политической биографии Якова II, автор отмечает, что его жизнь была «драмой чужака». С этим утверждением, безусловно, следует согласиться.

В работе, охватывающей столь длительный исторический период и затрагивающей множество разнородных сюжетов, трудно избежать фактических ошибок и неточностей. Укажем на некоторые из них.

Англо-французские переговоры в начале 1620-х гг. не сводились к миссии Каденб и

продолжились в 1621 году. В 1629 г. между Англией и Францией был заключен не мир (с. 110), а всего лишь перемирие; мирный договор был подписан только в 1632 году. Частнособственнические колонии в Америке стали появляться еще при Якове I, а не только при Карле I (с. 111). Англичане не заселили Ньюфаундленд в 1610 г., а только предприняли неудачную попытку сделать это. Компания Гудзонова залива была основана не в 1669, а в 1670 году.

В заключение еще раз хотелось бы отметить, что перед нами очень нужная и интересная работа, которая будет, несомненно, востребована как специалистами, так и всеми интересующимися английской историей раннего Нового времени.

Ю.Г. АКИМОВ

Contents

Articles: **E.V. Alekseeva, D.A. Redin, M.-P. Rey.** «Europeanization», «westernization» and mechanisms of adaptation of western innovations in Russia during the imperial period. Historical profiles: **A.N. Nesterenko.** Prince Daniil Galitsky. Contributions: **A.N. Fedorov.** «Chelyabinsk affair»: replacement of the party leadership of Chelyabinsk region in 1949—1950; **A.V. Belov.** 1812 in the fate of inhabitants of provincial towns of Central Russia; **V.V. Poznakhirev.** Managing contingent of Prussian prisoners of war in Russia during the Seven Years War 1756—1763; **D.Y. Bovykin.** Evolution of political views of Louis XVIII during the French Revolution. Diplomacy in history: **V.F. Kurbatzkiy.** The place of Kosovo in the foreign politics of Albania. People. Events. Facts: **V.P. Vasilevsky, A.V. Sushko.** Suicide among the staff of soviet special services in the 1920s (the example of Omsk District Department of the OGPU), **H.V. Isakov.** From the history of the Great Silk Way, **S.A. Akhmedov.** Images of the weapon on gravestones of the XV—XVI centuries of Azerbaijan as a source on military history. From history of religions: **P.V. Shevkun.** Orthodox church in communicative processes of the late XVIII — the first half of the XIX century. Historiography: **S.A. Toropkin, A.A. Fomenkov.** Historiography of formation and evolution of provision of pensions in autocratic Russia. **Reviews on books:** *A.V. Lukin, P.V. Lukin.* Mind Russia to understand: post-soviet political culture and domestic history (by V.N. Kruglov, V.V. Tikhonov); *F.I. Novik.* Trapped in the cold war. Soviet politics towards Germany. 1953—1958 (by V.P. Lyubin); *A.P. Ermolov.* Caucasian letters. 1816—1860 (by D.I. Raskin); *N.S. Skorobogatyh.* The history of Australia (by M.Z. Arzakanian); *L.I. Ivonina.* Drama of the dynasty of the Stuarts (by Y.G. Akimov).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 6, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.05.2016. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 218-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

ВИА
ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ